

Алексѣй Ремизовъ.

П Р У Д Ъ

РОМАНЪ

ИЗДАНИЕ «СИРИУСЪ». 1908.
СПБ. СОЛЯНОЙ 7.

СЕРАФИМЪ ПАВЛОВНЪ

РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЮ.

Нафанаилъ говоритъ Ему: почему Ты знаешь меня?

Исусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: прежде нежели позвалъ тебя Филиппъ, когда ты былъ подъ смоковницею, Я видѣлъ тебя.

Еванг. Іоанна, I гл., 48 ст.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Отъ Камушка до Сахарнаго завода и отъ Вбронинскаго сада до Синички тянется огромный дворъ, огороженный высокимъ, краснымъ заборомъ, часто утыканнымъ изогнутыми, ржавыми костьюлями. Къ Синичкѣ примыкаетъ прудъ, густо заросшій со всѣхъ краевъ старыми деревьями, на концѣ котораго шипить и трясется бумаго-прядельная фабрика съ черной, закопченной трубой, а немного дальше, миновавъ оранжерею и цвѣтникъ, выглядываетъ исподлобья неуклюжій бѣлый домъ.

Домъ братьевъ Огорѣлышевыхъ.

На противоположной сторонѣ — красный флигель съ мезониномъ...

А тамъ отъ него вдоль двора фабричныя спальни, дрова, амбары.

Еще не померкла тѣнь дѣда, Павла, и много кругомъ живетъ темныхъ исторій.

Скрюченный кощей, безъ всякой растительности на морщинистомъ лицѣ, съ лукаво-острыми глазками, наводилъ онъ на всякаго, съ кѣмъ сталкивался, неимоверный ужасъ. Городъ же крѣпко держался своего головы, гордась умомъ и упорствомъ, съ которыми велъ тотъ свою лицію, выдвигая и охраняя купечество. Всѣ ходили пришибленные и запуганные, за завтрашній же день не боялись: не выдастъ. Въ семейной жизни слылъ столпомъ. Женился рано, безъ любви, только потому, что Серафима была затворница, въ монастырь итти собиралась: красавица со скитской поволокой темныхъ, глубокихъ глазъ подвижницы, съ тонкимъ разрѣзомъ губъ сладостно-тихо улыбающейся мученицы. Скоро она надоѣла ему и принуждена была хорониться въ дѣтской, вынося смиренно свою жизнь.

«Сера—ма, угодница Божья,—приступалъ, бывало, старикъ,—на кухнѣ тамъ дѣвочка стоитъ одна, зябленькая, сироточка... Пригрѣй ты ее, ножки ты ей худенькія обмой, грудочки приласкай, хе-хе-хе»...

А самъ трясется весь, губа ходуномъ ходитъ, отмачивается.

Нищенку послѣ омовенія вводили въ кабинетъ, да въ стороны нарахались отъ крика безпомощнаго, наполнявшаго весь домъ...

Послѣ его смерти, дѣло и капиталы перешли къ сыновьямъ, изъ которыхъ быстрѣе всѣхъ выдвинулся старшій. Въ центрѣ города открылся банкъ, на Кавказѣ—керосинное дѣло, въ Средней Азіи—хлопокъ,— и вездѣ во главѣ стоялъ Алексѣй. Скоро выбрали его предсѣдателемъ биржевого комитета, и съ этихъ поръ началась его настоящая дѣятельность и та слава, которая увѣковѣчила имя Огорѣлышевыхъ. Сталъ извѣстенъ на всю Россію. Проводилъ и останавливалъ законы. И этого маленькаго и юркаго человѣка, окончившаго какой-то нѣмецкій пансіонъ, слушались, ненавидѣли и льстили.

Въ дѣтствѣ его баловали, Ленечку къ ранней обѣдѣ не будили, Ленечкѣ покушать давалось самое лучшее.

«Икорку то Ленечкѣ оставьте!»—ныла мать, перенесшая свои васильковыя слезы съ Лучезарнаго Жениха на первенца.

Сгорбленный, съ сведенными крючковатыми руками, заросшій неряшливо-подстриженной, колючей бородой, онъ не ходилъ, а странно шмыгалъ, будто ноги были сами собой, чѣмъ-то сла-

бымъ, земнымъ и ничтожнымъ, за плечами же развѣвались тончайшія крылья, неумоимо разсѣкавшія воздухъ.

«Антихристъ, честное слово! — говорили фабричные, — и ходить-то путно не можетъ, летаетъ дьяволъ, сатана рогатая».

Правда, что-то шипѣло, когда онъ шелъ, а глаза сѣрые, непроницаемые, кололи пронзливими остріями, которыя, вонзаясь, выворачивали и расцарапывали всю душу.

Возиться съ фабрикой Алексѣю не было времени, и все управленіе понемногу перешло въ руки второго Игнатія, который всю свою молодость прожилъ въ Англии, знакомясь и изучая тамошніе порядки.

Когда-то красавецъ и теперь ничему не удивлявшійся сѣдой Донъ-Жуанъ съ грустящими губами — тѣнью неутоленныхъ поцѣлуевъ, — оставался онъ холостякомъ, развлекаясь садоводствомъ и благотворительностью. Управленіе фабрикой занимало такъ мало времени: все было налажено и круто втиснуто въ крѣпкія рамки.

Третій — Николай, восхищавшій весь городъ своей утонченностью и пріятностью, рано женился на миллионершѣ Ворониной, числился директоромъ множества фабрикъ и, ровно ничего не дѣлая, вѣчно былъ занятъ.

Когда о чемъ-нибудь его просили, онъ морщился и, изящно отмахиваясь обѣими руками, говорилъ своимъ милымъ голосомъ: «Ахъ, право, мнѣ некогда: сегодня опять ѣхать усмирять этихъ негодяевъ, потомъ на вечеръ къ князю»... Но больше знали и больше цѣнили Николая за границую, гдѣ славился онъ величайшимъ цѣнителемъ и покровителемъ тайныхъ и запретныхъ притоновъ...

Всѣхъ ихъ объединяла одна черта, выражавшаяся наиболее ярко въ старшемъ: гдѣ-то въ окаменѣвшей улыбкѣ хоронилось затаенное желаніе взять, достать что-нибудь только потому, что такъ нельзя этого взять, преступно.

Попадется ему человѣкъ, обрѣтшій въ жизни благовѣщеніе, и вотъ загорается, закипаетъ въ немъ желаніе умертвить мечту человѣка.

Такъ разрушались жизни, загонялись жизни въ подполья, калѣчились.

Единственную сестру свою Вареньку, двойника матери, по общему рѣшенію насильно замужъ выдали.

Варенька воспитывалась дома. Ходили учителя. Дѣвочка росла смышленная и пытливая; глядѣли за ней мало. Ходила она по субботамъ въ приходскую церковь къ Грузинской, но были и еще какія-то знакомства, о которыхъ знала одна нянька. Братья съ ней не разговаривали, да и она избѣгала ихъ.

Какъ-то на первые заморозки, въ свѣтлую звѣздную ночь, въ домѣ необычайно засуетились, а потомъ жутко примолкли. Варенька сидѣла въ кабинетѣ брата, Алексѣи допрашивалъ. Онъ метался, какъ ужасенный, топалъ ногами и, подбѣгая къ столу, нервно тыкалъ въ свертокъ съ книгами, только что отобраннѣй у нея. Варенька упорно молчала, мертвѣла, и темные глаза заволакивались темной, безмолвной слезою.

«Такъ пошла вонъ!»—закричалъ вдругъ взбѣсившійся голосъ и, разбившись на тысячу рѣжущихъ криковъ, разсѣкъ трепетавшее затишье и ожиданье комнатъ.

Черезъ недѣлю объявлена была свадьба.

Почему Варенька на улицу не сбѣжала, почему не задушила себя, зачѣмъ наканунѣ долгую ночь по сугробамъ бродила, заглядывала въ дымящую черную прорубь, зачѣмъ взяла на себя крестъ своей матери...

«Господи, подкрѣпи меня!»

Покорилась, пошла подъ вѣнецъ.

«Не бывать барышнѣ нашей счастья въ замужествѣ, — охали по двору, — лошадь не повезла».

Началась жизнь съ чужимъ у чужихъ въ темномъ, облупляющемся домѣ за рѣкой.

Елисей Финогеновъ, крутой и тяжелый, старше Вареньки лѣтъ на двадцать, вдовецъ съ кучей полувзрослыхъ дѣтей, жену держалъ строго.

«Пожили бы вы, какъ я жилъ, — ворчалъ онъ, — погнули-бъ хребты, не то бы заговорили: театры-то эти выбросили бы изъ головы. Одиѣ траты, а копѣйка съ вѣтру въ карманъ не валится».

Жизнь его была нелегкая. Изголодавшійся мужикъ — отецъ привелъ въ городъ своего Елеську, почернѣвшаго и шелудиваго отъ сѣрой, деревенской нужды, и опредѣлилъ въ лавку Толокова мальчишкой. Елеська росъ, за кипяткомъ бѣгалъ, тычка получалъ, ситцы таскалъ, даже кровь носомъ хлестала. А вы-

ровнялся и сметливымъ оказался. Хозяинъ безъ него и шагу не ступить: счета какіе-то выдумалъ, прибыльные. На пятнадцатомъ году произвели въ приказчики. Прибаутчикомъ да насмѣшникомъ слылъ и на гармоникѣ игралъ и пѣсни пѣлъ: голосъ нѣжный, такъ въ душу и просится. Хозяикѣ-старухѣ очень по душѣ пришелся за набожность. Скоро повыспли въ главные. Теперь Елисей разѣвжалъ за товарами, бывалъ и за границей. Какъ-то вернулся домой да не одинъ, а съ женой, нѣмкой. Умеръ Голоковъ. До наслѣдниковъ все хозяйство перешло въ его руки; пожалъ нѣсколько лѣтъ управляющимъ, тамъ отошелъ и свое дѣло открылъ.

Хаживалъ на биржу, понравился Алексѣю.

«Елисей—человѣкъ вѣрный, — говорилъ тотъ, — безъ мыла, куда хошь влѣзеть».

Нѣмка зачахла, не вынесла.

Когда отдали Вареньку, онъ поднимался все выше и выше ровень съ Огорѣлышевыми. И все было хорошо, одно мучило: дѣти не въ отца пошли. Хоть и пристроилъ ихъ по лавкамъ, да толку мало. Дочь Ефросинью замужъ выдалъ, и тоже неудачно.

Пять лѣтъ прожила Варенька въ домѣ. Никто у нихъ не бывалъ, и они никуда не выѣзжали, кромѣ ярмарки, да къ Огорѣлышевымъ въ праздникъ.

Что за эти годы вытерпѣла, какія рождались и умирали думы въ ея изболѣвшемъ сердцѣ, — она никому не сказала. Цѣлыми днями молча ходила по высокимъ, холодящимъ комнатамъ, а вечеръ придетъ, сядетъ въ углу гдѣ-нибудь и слушаетъ: въ дѣтской колыбельки поскрипываютъ, баюкаютъ—въ приказничьей—гармоника, едва слышная; кажется, звуки черезъ полъ проползаютъ; на половинѣ другихъ дѣтей—смѣхъ, сдавленные выкрики и говоръ частый, слитный.

Золотой крестъ матери выросталъ въ крестъ—висѣлицу. Чьи то руки пригвозждали къ кресту... и упиралась она, рвалась.

Бунтовалось сердце.

Растоптать бы тогда крестъ матери...

Измучается, истерзается, да, обезсиленная, тихая отъ грызущей тоски, съ отчаянія къ мужу пойдетъ...

Чуялъ ли онъ бѣду въ ея порывистыхъ ласкахъ, въ этихъ отчаянныхъ поцѣлуяхъ, въ этомъ оналяющемъ дыханіи?

Любилъ ея.

«Я съ тобой!»—вотъ и все.

Какъ-то старшій пасынокъ, Василій, давно ухаживавшій за Варенькой, посягнулъ...

Собрала дѣтей и, не дожидаясь мужа, прямо къ братьямъ.

Веселая ночь была, звѣздная, шумно—весенняя.

Засустились по дому, молчаніе наступило страшнѣе того. Кричали. А выжили оба безмолвные. Темные глаза ея, казалось, поспѣвли, а Алексѣй синій, мертвецомъ выглядить, и шея завязана носовымъ платкомъ... Душили что ли другъ друга? — Богъ знаетъ.

Лѣто прожила на дачѣ, а къ зимѣ во флигель переѣхала.

Положили выдавать ей на жизнь какую-то сумму, а приданое въ дѣло отобрали.

Очень огорчился Елисей, умолялъ вернуться, въ ноги ей кланялся, но такъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ.

Варенька сразу затихла: бросилась—духъ захватило. Тамъ, въ ея желаніяхъ — этой пучинѣ извивающихся рукъ — оборвалось что-то, что-то смѣшалось и кануло. Оставались жалобы, воздухъ жалобъ, переполнившій все сердце, и больное, блѣдное, «хочу» тихо плакало.

Фабричный свистокъ да колокольный звонъ Андроніева монастыря, возвышавшагося за пустыремъ и Синичкой, сторожили ея жизнь.

Изрѣдка ходила въ гости, въ театръ, а большую часть оставалась одна съ дѣтьми. Ихъ было четверо, всѣ мальчики: Саша, Петя, Женья и послѣдышъ—Коля, всѣ погодки.

Братья Вареньки заходили къ ней только въ именины, а Николай за недосугомъ коробку конфетъ присылалъ.

Гостей не бывало, кромѣ забѣгавшей Палагеи Семеновны, какой-то дальней родственницы Огорѣлышевыхъ.

Когда дѣти чуть подросли, открылись передъ ними улица и дворъ съ ихъ обостренной борьбой за нищенскую жизнь, съ безобразнымъ разгуломъ, со смертью увѣчной, безпощадною.

Старики — фабричные любили Вареньку, и это передавалось молодымъ, а по ней и дѣтямъ честь шла.

И дѣти очень любили ихъ. Тянула та ласковость, съ которой обходились съ ними всѣ эти люди.

Бѣгали въ сторожку, коморки, будку и тамъ пили чай жиденькій въ прикуску и ѣли картошку и тюрю съ мелко-накрошеннымъ лукомъ. Фабричныя дѣти водились съ нами: дрались и играли, рассказывали о пинкахъ и оплеухахъ, и какъ ихъ штрафуютъ и порютъ.

Племянники не иначе называли своихъ дядей, какъ хозяева, и повторяли фабричныя прозвища: «Алешка-антихристъ», «Игнатка-англичанинъ-змѣя», «Миколка-скусный». Стариковъ же, всѣхъ этихъ Никифоровъ, Демьяновъ, Ивановъ, величали дяденьками и дѣдушками.

II.

Зимнія сумерки снѣжныя, тихія...

Онѣ видятся маленькому курносенькому Колѣ сквозь пустую звѣздочку, прожженную папирсой на оборкѣ дивана.

Онѣ лежить на полу подѣ диваномѣ, скорчившись и неловко, какѣ связанные телята на возу-лоткѣ, когда везуть ихѣ на бойню за Андроніевѣ монастырь. Каждый день медленно и томительно тянутся такіе возы мимо дома, и всегда онѣ бѣжитѣ смотрѣть на болтающіеся языки и мягкое, полуживое, вздрагивающее тѣло.

Надѣ головой вплотную спускается сидѣнье дивана, тяжелое и темное, въ паутинѣ; если оно провалится, то и тѣльце его расплющится, какѣ лягушка, которую раздавилѣ какѣ-то дворникѣ Кузьма своимѣ огромнымѣ, явлочнымѣ сапогомѣ.

Пыль забирается въ носѣ, душитѣ, а глазамѣ такѣ больно.

Надѣ нимѣ сидитѣ его крестная, Палагея Семеновна и мать. Палагея Семеновна болтаетѣ ногой и, захлебываясь, рассказываетѣ.

Она послѣ долгаго перерыва беременна и боится, какъ бы не повредить; Сергѣй Аркадьевичъ, докторъ, сказалъ, роды будутъ тяжелые, пожалуй, операція.

Страшно захотѣлось Колѣ чихнуть, даже глаза закололо, а по всему лицу забѣгали мелкія, щекочущія мурашки. И хорошо бы покашлять громко и нѣсколько разъ!

— Покойный Елисей Федоровичъ,—звенить голосъ Палагеи Семеновны,—послѣ вашего развода, Варенька, сошелся съ горничной Сашей; ну, помнишь, такая тощая съ ямкой между бровями; такъ вотъ, теперь съ ней живетъ Василій. Просто ужасъ, ужасъ.

Да, вчера А. рассказывалъ удивительныя вещи: отъ вашего наслѣдства, кажется, ничего не останется: домъ продаютъ, страшно гудятъ, въ магазинѣ никогда не видно. Я не могу представить, какъ ты могла прожить съ ними. А Орону, знаешь, говорятъ, на бульварѣ видѣли съ кавалерами... Да-да, съ кавалерами. Прямо неприлично.

Крестная зашептала.

Коля перестаетъ дышать.

— Выкидышъ... вытравили... до желтаго билета.

Больше не разбираетъ.

Ножки стола и креселъ покрываются чѣмъ-то чернымъ, словно копотью, и толстѣютъ. Коверъ разбухъ и зашаршавился, будто мясистая шкура какого-то невиданнаго звѣря на ярко—раскрашенныхъ картинахъ.

Сморкаются.

Запахло духами.

Ставятъ на столъ лампу.

Это—Маша, горничная, высокая и красивая съ завитками на лбу.

— Готовъ ли чай?—говоритъ мать.—Поторопись, пожалуйста.

Коля осторожно перевортывается, учащенно дышитъ. Лѣвая нога у него затекла, въ ней будто песокъ, и она кажется такой огромной, чужой.

Цвѣты на коврѣ сразу стали яркими и большими, мѣдныя ножки креселъ, словно подсвѣчники или пожарныя каски.

Маша уходитъ.

У нея новыя ботинки на высокихъ коблукахъ, а не стучать,—

это Филиппокъ ей сдѣлалъ. Со временемъ и у Коли такіе сапоги будутъ, теперь же у него тяжелые и скрипучіе.

Палагея Семеновна опять затараторила, словно чему-то обрадовалась.

Шелковыя юбки зашуршали.

— Вчера у Л. былъ А. С., мы были поражены: никто не могъ ожидать. П. П. на прошлой пятницѣ прозрачно намекнулъ при всѣхъ, что ихъ отношенія для него не тайна. А Лизочка, право, такая наивная! Ну, представь, Варенька, вѣдь, это ужасный человѣкъ: К. А., О. М., Е. И. и теперь Лизочка. Право, какъ-то...

Да! на рожденіе Тани, Н. П. взялъ Катю на руки и при всѣхъ,—мы только что вышли изъ залы, они фокусника приглашали, чудный фокусникъ,—понимаешь, при всѣхъ, показываетъ на А. Е.: „Смотри,—говоритъ,—Катя, вонъ твой настоящій папа“. Бѣдненькая Ксенечка не знала, что дѣлать. А. Е. поблѣднѣлъ, какъ полотно. Словомъ, сплошная нетактичность. Мы просто не знали, куда дѣваться... Да!

Опять шепчетъ.

— К. Ѳ.. кафъ... афъ...

Коля напрягается что есть силы, а понять ничего не можетъ. Онъ усталъ, въ спину что-то колетъ, словно булавкой.

Среди груды именъ и мудреныхъ словъ вытягиваются заглавные буквы—инициалы знакомыхъ въ длинные уродливые завитки, туманно-огненные. Они прыгаютъ и звенятъ.

Онъ привыкъ къ нимъ, слышитъ съ осени, когда впервые залѣзъ подъ диванъ и наострилъ уши.

Съ нынѣшняго лѣта началась для Коли новая жизнь. Раньше онъ былъ не такимъ: ужъ сталъ вспоминать что-то хорошее, что было когда-то третьяго года, сталъ скучать.

Весной умеръ отецъ. Коля помнитъ большого человѣка, непремѣнно въ майской бѣлой парфѣ, съ драгоценнымъ перстнемъ на волосатомъ пальцѣ. Черные, большіе усы, колкіе, когда цѣловался въ губы и лобъ. Пріѣзжалъ онъ по воскресеньямъ, обѣдалъ, и всегда была лапша и черная каша. Когда выходили изъ за стола, въ кухнѣ ужъ поджидалъ кучеръ, Говрило, и долго каталъ дѣтей съ нянькой по городу.

Теперь онъ зналъ много разныхъ сказокъ...

Вечерами дѣти торчали за воротами, куда выходили посидѣть фабричные.

Шустрый и пронырливый, онъ быстро развивался. Ему шель восьмой годъ, а близорукіе темные глазенки, какъ жучки, тарасились и искали, высматривали.

Падокъ онъ былъ на всякій разсказъ и прилипчивъ ко всякому.

Дѣти рано начали купаться. Плавать учила Маша. И, научившись, Коля долгое время притворялся неумѣлымъ: ему было непонятно—пріятно, когда Маша брала его на руки и, прижимая къ груди, улыбалась розовой улыбкой созрѣвшей дѣвушки.

Среди игръ, въ которыхъ онъ занималъ особенное мѣсто, отличаясь озорствомъ и плутнями, была одна игра запретная, разыгрывавшаяся за дровами у забора Воронинскаго сада, да на покатои, зазеленѣвшей мягкой крышѣ курятника—мѣстахъ, скрытыхъ отъ взрослыхъ.

Называлась игра „Стручки продавать“.

Вдругъ Коля застылъ, сердечко камушкомъ сжалось: уронили что-то.

— Excusez-moi, не безпокойся, оставь, Варенька, я—сама!—рука Палагеи Семеновны, пухлая въ кольцахъ, шмыгнула около самага носа Коли.

Нашла, слава Богу!

Коля сопить, не можетъ удержаться. По тѣлу разливается что-то горяче-колкое.

— Чтой-то у васъ, крысы?

— Нѣтъ, должно быть Наумка, онъ вѣчно тутъ трется.

Въ залѣ застучали блюдами.

— Варвара Павловна, чай готовъ!

Уходятъ...

Коля приподнимаетъ оборку, насторожился...

Вдругъ шорохъ. Будто и еще кто-то... кто-то всталъ и...

Юркнулъ обратно.

Мѣшаютъ сахаръ. Упала ложка.

— Дама будетъ.

— Понимаешь, Варенька,—снова понеслась Палагея Семеновна,—это бо знать что, просто невѣроятно...

Коля проползъ до дверей и пустился.

Высокій темный кіотъ, освѣщенный красной лампадкой, строго провожаетъ его всѣми ликами и гнѣвными и скорбящими.

Они все понимаютъ.

Нервно цѣпляясь за перила, подымается онъ на верхъ въ дѣтскую и прямо на няньку.

— Гдѣ это ты, Колюшка, пропадалъ?—спрашиваетъ Прасковья, зорко всматриваясь черезъ огромныя мѣдныя очки; она сидитъ у стола, гдѣ обыкновенно Саша и Петя учатъ уроки, и штопаютъ рваные чулки.—Ишь, завозилъ курточку-то, быдто мѣшки таскалъ. Дай-ка я тебя, дѣвушка, почищу!

— Такъ, няня, животь у меня.

— Покушалъ, знать, лишняго, онъ у тебя... Горчичнику поставимъ...

Коля прилегъ на Сашину кровать и зажмурился.

— Или бутылку. Повѣтріе понче ходитъ: напущено, знать, нечистымъ, согрѣшишь грѣшный.

Кто-то зашмыгалъ по лѣстницѣ.

Больше зажмурился.

— Колечка,—съ ласкающей оттяжкой по дѣтски зоветъ Маша,—Колечка чай кушать ступайте!

Коля обрадовался, вскочилъ, но сунится: неловко ему.

А Маша подходитъ къ нянькѣ, будто на работу посмотрѣть и... амъ!—поймала Колю, затеребила, зацѣловала сладко-сладко и въ носикъ, и въ ушко, и въ глазки.

— Красавчикъ ты мой, рѣчистый ты мой, ма-а-ленькій!

— Ну чего, дупоглазая, чего развозилась,—ворчитъ Прасковья,—мальчикъ хворый: что ни часъ, новая болѣсть открывается, а она лѣзетъ. Да и подъ руку толкаешь...

А Маша смѣется, будто и знаетъ что, да не скажетъ.

— Ужинать-то скоро? Всю-то, дѣвушка, разломилло, поясница гудеть... И когда этотъ колокольчикъ, прости Господи, сгинеть!.. Нойти, перекусить что ли.

Нянька и Маша уходятъ.

* * *

Коля вытягиваетъ ручки и идетъ въ смежную длинную, низкую комнату, гдѣ стоятъ кровати дѣтей, и спитъ Прасковья.

Темно. Чуть живеть изнывающій мутный лучъ передъ образомъ Трифона Мученика.

Колѣ не такъ, чтобы очень ужъ страшно...

Въ всматривающихся глазахъ, не потухая, плыветъ глубокой, лиловый кружокъ съ сѣро-серебрянымъ ободкомъ. На что-то натывается. Сердечко заколотилось...

— Господи Владыко, что ты, Коко, неосторожный какой!

Анна Ивановна—„бабушка“ изъ багодѣльни—разстелилась на полу вздремнуть до ужина.

— Бабушка!

У, вертопрахъ, — охаетъ бабушка—всѣ-то ноги отдавить...

И куда это ты запропастился: днемъ съ огнемъ не сыщешь. Ходила на прудъ,—всѣ дѣти развлекаются, горку строить, а его нѣтъ-какъ-нѣтъ.

— Бабушка,—подлащивается Коля,—дай, бабушка, мнѣ понюхать табачку немножечко?

— Изволь, душа моя, изволь. Бахрамеевскій, свѣжій. Всѣхъ старухъ намедни подчивала, даже самъ Александръ Петровичъ—отважный—отвѣдали.

— А я тебѣ, бабушка, духовъ подолью!

Хватаетъ табакерку и опрометью бѣжитъ внизъ черезъ кухню въ столовую и трясется весь: вотъ расхохочется; глазенки прелукавые. Тамъ влѣзаетъ на шкапъ, дастаетъ изъ стекляннаго буфета толченаго перцу, подсыпаетъ въ табакерку, потомъ плюетъ и размѣшиваетъ.

Теперь строить кислую рожицу и медленно идти въ залъ.

* * *

— Жарокъ небольшой есть,—говоритъ Палагея Семеновна,—покажи, Коля, язычекъ... И, какой красный!

— Завтра дома посидишь,—замѣчаетъ мать,—къ Василю Егоровичу можно и не ходить, да и Женя поотдохнетъ немного.

— А мой-то, мой-то! Представь, Варенька, третью недѣлю не выходитъ. Былъ Поморцевъ, говорить: коклюшъ. Удивительный докторъ! Да! напомни мнѣ, Варенька, сказать что-то...

Съ тѣхъ поръ, какъ на третьемъ году была у Коли scarlatina съ водянкой да вскорѣ затѣмъ корь,—онъ не хворалъ ни

разу. Вообще, дѣти отличались крѣпкимъ здоровьемъ, несмотря на всѣ рискованныя продѣлки: ѣли снѣгъ, глотали большихъ мухъ, выбѣгали въ однѣхъ рубашкахъ въ холодныя сѣни, топули въ прорубяхъ. Больными же притворялись часто: одни—не ходить въ гимназію, другіе—къ дьякону. Исключеніемъ былъ Женья, который послѣ всѣхъ болѣзней Коли получилъ еще дифтеритъ и одно время ослѣпъ, потомъ оправился, но прихварывалъ. Болѣли у него глаза, и не глаза вѣрнѣй, а гдѣ-то надъ бровями: схватить и мучаетъ,—свѣту тогда не видитъ и плачетъ убито, какъ только плачутъ безотвѣтныя дѣти. И лунатикъ онъ былъ: по ночамъ продѣлывалъ диковенныя вещи. Водила его Прасковья въ монастырь къ схимнику о. Глѣбу,—будто и полегчало. Глаза у него такіе были грустныя, забіякой не слылъ, а все же разойдется—маху не дастъ.

„Кто жъ ихъ разберетъ,—говорила Прасковья,—всѣ они на одну колодку,—разбойники сущіе“...

Въ сѣняхъ, на черномъ ходѣ, вдругъ закричали, потомъ сразу притихнули и снова. Что-то шлепалось и кувыркалось.

— Опять подрались,—встаетъ мать, сладу съ ними нѣтъ.

Палагея Семеновна самодовольно улыбается, опустила глаза на блюдечко, вылизываетъ ложкой послѣднія ягодки.

Коля надулся: и на прудъ не ходилъ, да и горчичникъ впереди... горчичникъ больно щиплетъ! Исподлобья слѣдитъ за Палагеей Семеновной, начинаетъ злорадствовать—вымѣщаетъ.

Лѣтомъ привела она своего Ванечку. Они взяли, да обмазали его навозомъ, накормили куринымъ пометомъ, а потомъ затащили въ лодку и волненіе устроили. Гувернантка такъ и ахнула, поволокла къ „мамочкѣ“, а онъ ей бухъ самое нехорошее слово.

„Къ такимъ уличнымъ мальчишкамъ нельзя благороднаго пускать!“—возмущалась послѣ Палагея Семеновна.

„Я къ тебѣ, Варенька, чаще буду, я займусь ихъ воспитаніемъ. Посмотри, мой какой: просто пая“.

— И не нуждаемся,—говоритъ себѣ Коля, вспоминая исторію съ Ванечкой,—а съ Ванечкой мы и не то еще... фискала!

Гуськомъ, пинкаясь, входятъ остальные. Раскраснѣвшіеся, съ царапинами и линяющими синяками на скулахъ и подъ глазами. Въ подштопанныхъ и заплатанныхъ курточкахъ.

Саша—рослый и остролицый съ длинными руками, лобастый, какъ Коля; глаза продувные, съ поволокой матери.

Петя—губошлепъ; розовенькая мордочка съ пѣвучими глазами.

Оба большатся. Женю и Колю пренебрежительно чествуютъ мелюзгой.

Какъ твои успѣхи, Саша?—жеманно подобравъ губы, спрашиваетъ Палагея Семеновна.

— Ничего,—рѣзко отвѣчаетъ Саша,—четверку по латински схватилъ, extemporale писали, пять страницъ.

— Вотъ какъ! У васъ новый директоръ?

Саша рѣчисто и бойко рассказываетъ—сочиняетъ: будто во время уроковъ новый директоръ садится у классной двери и слѣдитъ въ подзорную трубку черезъ матовое окошко; вотъ сегодня Сашѣ случилось выйти, и онъ наткнулся, причемъ директоръ очень смутился, спросилъ фамилию и потрепалъ по головкѣ; съ учителями директоръ разговариваетъ не иначе, какъ по гречески, только на совѣтѣ изрѣдка по латински, слова два...

Начинаетъ захлебываться, беспокойно вертитъ руками, ударяетъ по столу, теребитъ ремень и загрызаетъ ногти.

— Въ восьмомъ классѣ показывали яйцо страуса въ шестьдесятъ пудовъ. Петръ Васильевичъ, физикъ, едва дотащилъ. Во какое!

— Ай, ай, ай!

Петя ни слова.

Входя, онъ бросилъ Колѣ „кузить-музить-букъ-сосаль“, сооривъ передъ самымъ его носомъ фигурку: пригнулъ пальцы къ ладонкамъ, большіе оттопырилъ рогами и скоро-скоро запыгалъ мусылышками.

Онъ мечтаетъ. Влюбленъ въ пятнадцатилѣтнюю гимназистку, сѣренькую и пухленькую, исподтишка кокетничающую съ мальчишками за всенощной.

Каждый разъ, когда гимназистка выходитъ изъ церкви, они съ фырканьемъ кидаются въ нее воскомъ, норovia прямо въ глаза.

Сегодня въ карманѣ нашелъ обрывышекъ бумажки, на которомъ мелкимъ стоячимъ почеркомъ, почему то очень напоминающимъ руку Саши, было написано: „Милый Петя, я тебя очень люблю. Варечка“.

Женя налил полное блюдо, уткнулся, дуется и тянетъ.

Палагея Семеновна идетъ къ роялю. На пиюитрѣ появляются истрепанныя, замуслеванныя „Гусельки“.

Начинается „Ахъ, попалась, птичка, стой...“, „Что ты спишь, мужичокъ“...

Въ дѣтскіе голоса врывается истошный голосъ Палагеи Семеновны; она закатываетъ глаза, томно ударяя о клавиши.

Изъ всѣхъ выдѣляется Петя: нѣжно-молитвенный дискантъ, а глаза голубѣютъ и льются. Въ гимназiи—пѣвчимъ, этимъ только и беретъ, а то—бѣда.

Саша баситъ, оттягиваетъ катушкой губы, какъ протодьяконъ.

Женя подтягиваетъ пресѣкшимся, безцвѣтнымъ голоскомъ, застѣнчиво.

Коля ни звука. Сидитъ и упорно молчитъ: онъ долженъ казаться больнымъ... и горку безъ него состроили... горчичникъ.

У него женское контральто, „орало-мученикъ“, какъ окрестилъ лѣчившій его докторъ. И постоянно мурлычитъ, напѣваетъ какую то безконечную пѣсню, а вотъ,—ни гу-гу...

— И не буду, и не стану,—мучается Коля,—сами то вы...

А пѣтъ такъ хочется: всталъ бы вотъ и громко-громко. Слезы подступаютъ и идутъ, идутъ... Вдругъ вспоминаетъ о табакеркѣ и на верхъ...

Капля дождевая
Говоритъ другимъ:
Что мы здѣсь въ окошко
Громко такъ стучимъ?

* *
*

— Подлилъ, бабушка, много подлилъ: черезъ край полилось!

— Ахъ, Коко, Коко,—встрѣчаетъ бабушка—а миѣ и невдомекъ. Всѣ мышиныя норки перебрала, думаю себѣ, не обронила ли грѣшнымъ дѣломъ... Ну терси тебѣ. И чудесный же ты у меня, Колюшка, курнопятка ты проворная.

Часто Коля пользуется забывчивостью бабушки: возьметъ вотъ такъ табакерку и спрячетъ, а самъ ходитъ около, смотритъ, какъ та томится, да, насмотрѣвшись, вдругъ, будто случайно, и находитъ...

Возвращается въ залъ.

А тамъ ужъ начали новую изъ новой, въ первый разъ принесенной, тетрадки: „Грустила зеленая ива, грустила Богъ знаетъ о чемъ“...

КолѢ стало жалко Палагею Семенову.

— Операція!—вспоминается ему,—знать, кипка какая...

Молчавшая мать встала и быстро пошла въ спальню...

Повторили. И еще разъ повторили.

Палагея Семеновна собирается домой.

III.

Вечерь. Чуть вняты напѣвы ворчливаго вѣтра.

Саша и Петя учать уроки. Скрипитъ перо. Мѣрное бормотанье.

Женя и Коля лежатъ съ бабушкой, тутъ же лежитъ окотившаяся на дняхъ Маруська съ шестью котятками, и шелудливый Наумка.

— Бабушка, первый декабрь! Наумка именинникъ!

Бабушка гладитъ по брюшку кошку и творитъ молитву.

— Что ты, нагрѣшникъ: тварь—царь. А его, паскудника, надо политанью вымазать; истаскался весь шатамши.

Женя дремлетъ.

Котятки перебираютъ лапками, сосутъ.

Наумка запѣваетъ.

Начинается длинная сказка.

— Про Ивана - царевича? — перебиваетъ Коля бабушкино «жилъ-былъ въ тридевятомъ царствѣ, въ подсолнушномъ государствѣ».

— Про него самого, душа моя, про царевича и сѣраго волка.

И видится сѣрый волкъ, видится такъ ясно волчья, шаршавая мордочка. Вотъ входитъ волкъ къ Ивану-царевичу: весь хвостъ въ жемчугахъ, улыбается, языкъ-то красный и острый страшно, глаза горять. «Ну, — говоритъ, — спасъ я, тебя выручилъ,—живи и царствуй; а награду твоихъ не нужно мнѣ, пойду въ дремучій лѣсъ».—«Спасибо,—отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ,— спасибо тебѣ, сѣрый волкъ, во вѣкъ не забуду: не случись тебя,—лежать бы мнѣ на сырой землѣ».

Медъ вкусный-превкусный—соты-меды, а въ ротъ не попало...

— Буду большимъ,—думаетъ Коля,—богатыремъ стану.

Зажигается свѣчка.

Входятъ Саша и Петя. Уроковъ они не выучили, но тетрадки побросали въ лысые ранцы, будто все въ исправности.

На столѣ появляется старое евангеліе въ черномъ кожаномъ переплетѣ съ оборванными застежками.

— О страстяхъ Господнихъ!

Бабушка начинаетъ нараспѣвъ, медленно...

— И поемъ Петра и оба сына Заведеева, начатъ скорбѣти и тужити.

Тогда глагола имъ Иисусъ: прискорбна есть душа моя до смерти: подождите здѣ и бдите со мною.

И пришедъ мало, паде на лицъ своею, моляся и глаголя: Отче мой, аще возможно есть, да мимоидетъ отъ мене чаша сія; обаче не якоже азъ хоощу, но якоже ты.

И помяну Петръ глаголь Иисуса, реченный ему, яко прежде даже пѣтель не возмаситъ, три кратно отвержешия мене: и изшедъ вонъ плакася горько.

Бабушка молитвенно замолкаетъ.

Присосѣдившіеся къ ней мальчики замерли.

Слышно баюканье вѣтра, и не потухаетъ горькое слово.

Горько такъ.

— Будь я Петромъ, никогда бъ не отрекся...

— Господи, если бъ Христосъ пришелъ...

— И поскорѣ бы Пасха...

— А тамъ и распусятъ...

— Двѣнадцать евангеліевъ...

Женя прижимается къ бабушкѣ, тычется головой къ колѣнямъ, а надъ нимъ шевелятся концы коричневаго, горошкомъ платка.

Стукъ-стукъ въ окно.

— Ангель!

Богородице Дѣво, радуйся.

Благодатная Маріе Господь съ Тобою...

Пропѣли, никто не трогается съ мѣста.

— А отчего звѣзды падаютъ?—спрашиваетъ Коля.

— Ангелы незримые... ангелы падшіе... — и вдругъ бабушка оживляется:—Саня,—умиленно говоритъ она, — душа моя, принеси и почитай моего любимаго Пушкина. Что-нибудь чудесное...

Саша приноситъ изодранную «Капитанскую дочку», откашливается и начинаетъ.

Подъ конецъ, на мѣстѣ: «Прощайте, Марья Ивановна! — Прощайте, Петръ Андреевичъ!» — бабушка съ Петей тихонько плачутъ.

Въ прошлую субботу за всеюнощной Петя подбросилъ Варечкѣ записку, на которой стояло его собственное стихотвореніе:

Ваши очи страстны.

А коса—руно.

Развѣ вы не властны

Ялику сбить дно?

На утро за обѣдней, проходя мимо съ кружкой, онъ, полный ожиданія, взглянулъ... Та прыснула, и только.

— Въ Сашу влюбилась... А зачѣмъ на Воздвиженье смотрѣла на меня? И письмо это. Знаю, какая...

— Э-хъ, душа моя,—говоритъ растроганная бабушка,—какая я была! Лицо лосное, польское,—самъ графъ Паскевичъ Иванъ Федоровичъ...

Пускается въ воспоминанія, рассказываетъ о крѣпостномъ времени, потомъ незамѣтно переходитъ къ богадѣльнѣ.

— Бабушка, а бабушка!—дукаво прерываетъ Коля.

— Что тебѣ, дружокъ?

— А все же мы тебя, бабушка, изъ членовъ Святѣйнаго Синода...

— Вычеркнемъ, вычеркнемъ!—загадѣли остальные.

— Не имѣешь права. Будеть. Времена не тѣ...

Въ чемъ дѣло — сообразить не можетъ. Чувствуетъ какую-то насмѣшку и, пригорюнившись, замолкаетъ.

— Ну, ладно,—сдаются дѣти,—подождемъ... пока.

— Ахъ, Кѣко, Кѣко, и всегда-то ты озорной былъ, задира сушья...

Кормилку твою первую вытурили, съ желтымъ билетомъ объявилась: гулящая. Поступила Евгенія и жизни не взвидѣла. Бывало, ревмя-реветъ: всѣ норовишь соски поискусать; какъ вдѣпишься,—ни за какія блага оторвать невозможно. А какъ сталъ ножками ходить,—годочку тебѣ не было,—жили на дачѣ, и повадился ты на «кругу» дѣловаться. Какъ сейчасъ помню, Колюшка, впился ты губками въ Валю, насилу оттащили, а носикъ-то ей и перекусилъ. Потомъ и себя изуродовалъ: Господь Богъ наказалъ. Варимъ мы крыжовникъ съ покойницей Настасьей, царство ей небесное, обходительная, чудесная была женщина, мамашу выходила, ну, и слышимъ крикъ. Побѣжали на верхъ, а ты, Колюшка, лежишь, закатился, синій весь, а кровь такъ и хлещетъ, тутъ же и печка... Загѣзъ ты на комодъ, да и скovyрнулся прямо на печку окалянную. Съ того самаго времени ты и курносый.

Бьетъ восемь.

Вскакиваютъ и подь часы: подпрыгиваютъ, топчуть, стучать, кричатъ—«мышей топчуть».

— Ну, Кѣко, похвальный листъ тебѣ,—одобряетъ бабушка,—удружилъ: табакъ чудесный вышелъ, такъ и дереть.

Тянутся съ щепотками, нюхаютъ, чихаютъ и внизъ.

На лѣстницѣ сдѣпились. Коля далъ тумака за «кузить-музить», Петя оскользнулся, задѣлъ Женю, Саша захотѣлъ пофорсить—взять всѣхъ на лѣвую—ударилъ Колю подь животъ, тотъ задохнулся, укусилъ его за палець.

Съ покрасѣвшими глазами, дуясь, толкуются въ кухнѣ.

— Оглашенные вы, и лицемѣрные, — ворчитъ Прасковья,—не будетъ вамъ уютко гостинцевъ. Только мамашино здоровье разстраиваете.

Степанида, иконописная кухарка, повязанная по старовѣрски темнымъ платкомъ, изловила здоровенную рыжую крысу — матку.

Начинается расправа.

Мышеловку ставятъ на табуретку. Потихоньку льютъ кипятокъ. Крыса визжитъ и мечется. Льютъ, льютъ, льютъ... Съ хвоста слѣзаетъ шкурка; хвостъ сталъ розовымъ и нѣжнымъ, дрыгаетъ. Дается отдыхъ; крысу тыкають лучинками, поганымъ ножомъ. Снова появляется кипятокъ, снова льютъ, норовя на глаза. Крыса, нервно и судорожно умываясь лапкой, кричитъ, какъ человѣкъ.

Шелудивый Наумка, курлыча, трется съ возбужденными, злыми глазами...

— Ха-ха-ха...

Переходятъ въ столовую.

Ужинають нехотя, ѣдятъ—давятся, но на верхъ не идутъ.

Лазаютъ за занавѣску на кровать Маши, разсматриваютъ ярко-намалеванные картинки: «Священное коронованіе», поддѣлываютъ хвостики и рожки, и, только послѣ долгихъ уговариваній, угрозъ Прасковьи, Степаниды, бабушки,—отправляются.

Сначала подходятъ къ спальнѣ прощаться. Стучать...

— Тише, вы, — останавливаетъ нянька, — мамаша заперлись: нездоровы... У, неугомонные!—и когда-то васъ Господь на умъ—разумъ наставитъ!

Долго и шумно укладываются: ждуть «гостинцевъ». И мало-по-малу затихаютъ.

* * *

Изъ кухни доносится чавканье.

— Наѣздили онъ на менѣ, — рассказываетъ Степанида, — рожать Филиппика время пришло,—бросилъ постылый: со стерьвой-сукой своей связался.

И не шлайся ты, хухора, съ журавлевскимъ приказчикомъ,—поучаетъ Машу, — не висни ты у него на шеѣ: онъ те подолъ задеретъ, загадитъ всю и кинетъ опосля. Куда брюхатой?

— А Юдишна говорить, околдовали вы, Анна Ивановна, старичка отважнаго: не спроста промежъ васъ увивается. Ка бы смотритель...

— Хи-хи-хи...

Коля ждетъ: бабушкѣ постелилъ — подъ засаленный, просѣтившійся, ватный подстильникъ полѣна положилъ; и сдѣлалъ все это аккуратно и чисто, — совѣмъ незамѣтно.

Начинають перемывать посуду.

Лампы гасятъ.

Шлепають по лѣстницѣ — идутъ наверхъ.

Коля завернулся съ головкой, только носикъ торчитъ.

Нянька тычется по угламъ, шарить:

— Куда это я. дѣвушка, ватошную вещь задѣвала, — не сыщешь.

Коля смѣется, не открывая рта.

— Колюшка — молодецъ у меня, лучше всѣхъ дѣтей: я постель постелилъ и вродеколону въ табакъ налилъ.

— Мочи моей нѣту, дѣвушка, измаялась, измаялась я: день-то-денской шатамши, ноги отваливаются.

Почесываются.

— Господи, Владыко!

— Митя-то сызнава, дѣвушка, въ золоторотцахъ. Съ трактира погнали: запой, знать.

— Напущено.

Бабушка всунула голову въ воротъ рубашки, засвѣтила тамъ огарокъ и ищется. Коза ряженная.

— Спрашивала я батюшку, отца-то Глѣба, — молитву далъ. Знать, Богу ужъ такъ угодно... Э-эхъ, дѣвушка; по пятому годочку въ трактирѣ-то; несмышленаго, махонькаго опредѣлила; думашь, дѣвушка, должность чистая, а вотъ подижь ты, — можетъ, и напущено. Сердце матери изболѣлось, глядѣвши... Закопытили его, сердешнаго...

Тихо, только часы ходятъ.

Начинають молиться.

— Скорбящая Матерь Божія, Грузинская...

— Троеручица, Владычица моя матушка...

— Горы Леонскія, согрѣшилъ вечеславный...

— Богородица, присно Дѣва...

— Окаянная... Словомъ еже дѣломъ, помысломъ несквернымъ...

— Митрія, раба Твоего...

— И отъ блуда всякаго сохрани и помилуй...

— Беззаконная...

Коля вспоминается этотъ Митя, длинный и сѣрый, съ крысьими хвостиками-усами, въ коричневой визиткѣ, штиблетахъ безъ стука. Коля проходилъ черезъ кухню, и онъ всталъ: »Здравствуйте-съ баринъ!»—и низко поклонился.

— Аминь.

— Отъ лукаваго...

Бабушка опускается на постель.

— Чтobъ тебѣ!—вырывается вдругъ ея сдавленно-негодующій вопль,—курносая пятка, курнофейка окаянная, уродина паршивая, скажу мамашѣ. На старости лѣтъ... Господи...

Шлепаются полѣна.

Отчаянно раздирая красненькій ротикъ, пищить придавленный котенокъ.

— Оглашенные!—ворчитъ Прасковья.

Монотонный свистъ и колыхающійся храпъ покрываютъ комнату, и комната засыпаетъ.

IV.

Не спится Колѣ, ерзаетъ, разбѣгаются мысли.

Обидѣлъ Коля бабушку, ни за что обидѣлъ. Лежить она теперь съ скорбно-сложеннымъ ртомъ, снятся ей проклятыя полѣна, падающія, какъ крышка гроба съ черными гвоздями.

— Митю закопытили...

И няньку копытили вѣкъ вѣчный.

«Пороли насъ больно на конюшнѣ, дѣвушка, лупили за всякую малость»...

— А горчичникъ-то и забыли!—отлегло на сердцѣ.

Мутно-красавый глазъ лампадки хмуро защурился.

— У-у... втуу-втуу...—завыло гдѣ то.

И вмѣстѣ съ воемъ приползло тайное, что домъ окутывало,— замелькала тайная жизнь матери.

«Барышня несчастная...»

«Заперлись: нездоровы...»

«За сороковкой барынѣ...»

«Цицъ ты, кудластый, чего галдишь, дѣти услышатъ, мало што...»

— Это для мамы...

Пьяницы не гниютъ, а только чернѣютъ. Какъ уголь. Дядя Самсонъ почернѣлъ какъ!

И почему въ театрѣ не поѣхала?

Портниха Даша на Машу похожа.

Разодѣлась и не поѣхала. Папудренная, въ брошкѣ бриллиантовой.

У мамы книгъ много, какіе то журналы... скучные...

— Варенька, Варенька, подумай только, что про тебя скажутъ. Нельзя ѣхать съ З., и такъ ужъ говорятъ. Вѣдь я должна предупредить тебя: послушай, Варенька, если хочешь сохранить свое доброе имя...

И представляется, лежитъ Коля въ гостиной на полу подъ диваномъ, неловко ему, и весь онъ скорчился. Пыль душитъ, а голосъ Палагеи Семеновны острыми иголками колеть прямо въ грудь, и плачетъ мать такъ жалостно...

Вотъ выскакиваетъ онъ изъ подъ дивана, бросается на Палагею Семеновну, цапается рученками за платье, взбирается къ ней на колѣни и грызетъ ей горло. А подбородокъ у нея трясется-перекачивается мягкій и жирный, какъ индюшка. Къ губамъ пристаеетъ липкое, соленое, и красныя пятна, густыя пятна выплываютъ изъ всѣхъ угловъ, плывутъ на него... И хочется орать во все горло, разбить новый колпакъ, разодрать альбомъ, «Ниву», исковеркать столъ, скатерть, но Палагея Семеновна, черная, поднимается на цыпочки, растеть, вырастаетъ, упирается головой въ потолокъ и скалитъ оттуда страшные, острые зубы...

Коля свернулся въ клубочекъ, кружится, мечется. Какъ крыса... Хочется проскользнуть въ спальню... А ноги къ землѣ прирастаютъ... Цапъ!..

— Няня! няня!!!

— У-у... втуу-втуу...

Сердечко перестукиваетъ. Губки вздрагиваютъ.

— Когда буду большимъ, я все буду... пускай и мама все дѣлаетъ... Николай, угодникъ Божій! Большимъ буду... Завтра... завтра... Сѣрымъ волкомъ буду...

— Дуу-доонъ.—Дуу-доонъ.—Дуу-доонъ.

Отъ звона вздрогнули стекла и зазудѣли.

— Нѣ-ѣтъ—нѣ-ѣтъ—нѣ-ѣтъ, —заскрипѣли часы.

Засвистѣлъ свистокъ на фабрику долгій, со сна встрепетувшійся.

Вдругъ вспомнился Колѣ мальчишка Егорка, попавшій въ маховое колесо...

Всталъ передъ глазами, какъ тогда... извивался.

Подлетая-улетая, мелькалъ-пропадалъ Егорка на маховомъ колесѣ, какъ красный кусокъ сырой говядины... синіе сплюснутые лепешечками пальцы хватались за воздухъ; синія, красныя, черныя, желтыя, сѣрыя дранки отщеплялись отъ тѣла... мѣдный изогнутый крестикъ...

— А! а! ахъ!!! — Душатъ... ушатъ... — заорала Прасковья не своимъ голосомъ: снились ей черти.

«Ходятъ они по ночамъ за мной: быдто этакъ комната, спальня, а они черненькіе, въ курточкахъ крадутся...»

Кто-то провелъ по одѣялу руками.

Коля нѣмѣтъ.

Это—Женя.

Женя постоялъ-постоялъ и пошелъ отъ него.

«Порченный!»

«Порченная дѣвочка подняла за обѣдной подолъ, да въ крестъ...»

Кошунствуешь...

И хочеть остановиться, да не можетъ. Все новыя кошунства осаждаютъ его.

Вдругъ заметался:—Господи, прости меня! За «слава въ вышнихъ Богу» въ другомъ придѣлѣ съ Ваней Фишиковымъ подрался, на престолъ сядилъ, на мѣхахъ въ алтарѣ чортиковъ рисовалъ, «стручки продавалъ»...

— Пи-и... пи-пи!—мяу-мяу...—запищали неистово котятки.

Подняли съ постели бабушку.

— Окаянные! треклятые!—застонала бабушка.

Она отдираетъ отъ рубашки и отъ волосъ вѣдѣвшихся котятъ. Вытянулась костлявая, взлохмаченная. Сѣдой, трясущійся хвостикъ на острой бородѣ. Выпученные, блѣдные глаза. Баба-Яга.

Зажмурился Коля, не шелохнется. Подушка—огонь—горячая. Кто-то темный, огромный плывмя плыветъ...

— Баба-Яга.

— Ангелъ Хранитель! — скрестилъ кулачки, прижимаетъ, — Ангелъ Хранитель...

— Дуу-доонъ.— Дуу-доонъ... Донъ... Донъ.

Жужжанье и шипѣнье монотоннаго храпа проникаетъ комнату.

*
*
*

Мать задула свѣчку и, шатаясь, повалилась на кровать, полураздѣтая съ назойливо-подплясывающими острыми, зеленоватыми крестиками въ глубинѣ воспаленнаго мозга. Заломила руки, разметалась. И ослабѣвшая свинцовая голова ея и переизнывшее, изъѣденное сердце погрузились въ чадный сонъ неминуемыхъ бѣдъ и дразнящаго несбыточья.

Вздохнула матово-зеленая лампа въ Огорѣльшевскомъ бѣломъ домѣ, задрожала и померкла. Навстрѣчу ей зазмѣвился желтый огонекъ, поигралъ и уползъ.

Нервно вздрагивая, въ мути табуку и утомленія, озлобясь на краткость жизненныхъ часовъ, идетъ Алексѣй въ спальню, гдѣ лежитъ болѣзненная жена, и болѣзненно-тяжкое дыханіе тянется вокругъ спящей.

И ему вспоминается, какъ въ припадкѣ женщина встаетъ нечистоты, и онъ дрожитъ, поймавъ вдругъ свою тѣнь-образъ въ высококомъ, закачавшемся трюмо... И какая-то горечь пьетъ сердце.

На заплѣсненно-гноящихся, спертыхъ спальняхъ и въ душныхъ каморкахъ, несладко потягиваясь и озлобленно раздирая рты судорожной зѣвотой, крестясь и ругаясь, поднимаются фабричные.

Осоловѣлыя дѣти тычутся и отъ подзатыльниковъ и щипковъ хнычутъ.

Сладострастно распластавшіяся съ полуразинутыми слипающимися ртами, женщины и дѣвушки упорно борются съ одолавающимъ искушеніемъ ужасной ночи и съ замерѣвшимъ сердцемъ опускаютъ горячія, голыя ноги на липкій, захарканый, загаженный полъ, наскоро запахивая, стягивая взбунтовавшіяся груди.

Смѣляется ночной сторожъ Аверьянычъ и, обезсиленный болями, съ пѣной на подгнивающихъ губахъ, сквернослова и непотребствуя, валится въ уголъ сторожки.

Тянутся въ Андроніевъ монастырь вереницы порченныхъ и бѣсноватыхъ съ мертвенно-изможденными лицами, измученные и голодные, съ закушенными языками, съ губами растрескавшимися, синими безъ кровинки.

И о. Глѣба, укрощающаго бѣсовъ, ослабленнаго, съ печатью остывшихъ буръ пучины грѣховной, ведетъ подъ-руку изъ бѣлой башенки дылда-послушникъ, отплевывающійся отъ сивушной перегари вчерашнихъ попоекъ.

И въ сѣромъ промозгломъ, заиндевѣвшемъ склепѣ Огорѣлышевыхъ послѣдній червякъ слѣпо грызетъ и точитъ послѣднюю живую кость дѣда.

А тамъ, за выюжнымъ, беззвѣзднымъ небомъ, нехотя пробуждается сѣрое, старушечье утро и сдавленнымъ, озябшимъ крикомъ тупо кричитъ въ пѣтухѣ, очнувшимся на самой верхней жерди.

А тамъ, на скользкой горкѣ, запорошеннаго пруда крохотный бѣсенокъ съ ликомъ постника неподкупной и негодующей челоувѣческой честности, по кошачьи длинно вытянувъ копыто, горько и криво смѣется закрытыми губами.

Кружится-крутится, падаетъ снѣгъ, кружится, падаетъ старый, темный снѣгъ на темную, въ яви полусонную, уродливо-кошмарную жизнь... непонятную.

Какъ пришла весна, пришла громкая съ ручьями пѣнными, пѣвучими, съ небомъ голубымъ ласковымъ, съ солнцемъ смѣющимся; какъ почернѣлъ садъ, раструхлявились гнѣзда, и прудъ сталъ сѣрымъ, болѣзненнымъ—всѣми лежалъ покинутый, съ одинокими, забытыми льдинами, съ проломленнымъ глазомъ—прорубью; какъ запѣлъ монастырскій колоколъ звонче и переличатѣй о полднѣ и полночи,—тогда цѣлыми днями, только придутъ дѣти изъ училища, сейчасъ же на дворъ: колятъ, рубятъ, метутъ, чтобы къ Пасхѣ ни одной снѣжинки не держалось.

А вечерами идетъ игра въ «священники большіе и маленькіе»: сооружаютъ изъ столовъ и стульевъ престолъ и царскія двери, облачаются въ цвѣтные платки и разныя тряпки, служатъ всенощную, обѣдную; въ «маленькихъ же священникахъ» все дѣло просто въ деревянныхъ кубикахъ: изъ кубиковъ строятъ церковь со всѣми придѣлами, теплыми и холоднымъ, какъ у Грузинской, и они же представляютъ священника и дьякона.

Не пропускали ни одной службы.

Иногда такъ не хотѣлось, особенно къ ранней обѣднѣ.

— Дрыхалы, оглашенные,—подымаетъ Просковья,—не добудишься, быдто напущено.

А еще только перезваниваютъ: не начинались часы.

Когда же возвращались изъ церкви, то, при всѣхъ уверткахъ, не могли миновать Алексѣя: онъ уже всталъ, сидѣлъ въ кабинетѣ, и въ окно ему видно было, кто по двору шелъ. Подзываетъ, придирается, выговаривать.

Особенно попадало на Страстной.

Но какъ хорошѣ тогда было!

Пономарь Матвѣй Григорьевъ, черный, какъ нечистый, то и дѣло выходилъ на церковный дворъ.

— Олаборники,—брюзжитъ,—батюшка увидить.

Батюшка увидить... да онъ такой старый, едва ноги передвигаетъ, пойдетъ онъ смотрѣть!

Пономарь скрывается:

— Останавливай—не-останавливай—ничѣмъ не примешь.

На церковномъ дворѣ стояла не жилая будка. Когда перестраивали церковь, иконописцы изобразили на потолокъ этой будки соблазнительную картину. И тутъ то подъ сѣбню непонятнаго еще, притягивающаго соблазна, творилось нѣчто, уму непостижимое.

Прѣдалась будка,—вламывались въ церковь.

И церковь оживала.

Ванѣ Финикову, сыну просвирни, Агафьи Михайловны, читавшему въ первый разъ на амвонѣ «слава въ вышнихъ Богу» и облеченному по сему случаю въ семинарскую длинную чуйку, пришили сзади отгопыривающійся, фланелевый хвостикъ.

На Вербное, во время раздачи вербы, хлестались не только другъ съ другомъ, но и съ посторонними, взрослыми.

— Верба хлестъ—бей до слезъ!

Въ великую Среду за пѣніемъ «Сѣченная сѣчется» Коля такое сотворилъ—до батюшки дошло... Сырая шляпа Финикова по рукамъ ходила. Охали, ахали.

— Ахъ ты, дьявольскій сынокъ, не будетъ тебѣ ужотко причастія,—пугалъ батюшка.

Коля стоялъ у Креста на колѣняхъ и, выкладывая положенные сорокъ поклоновъ, еле удерживалъ слезы и отъ стыда и отъ душивнаго хохота.

Но, не сдѣлавъ и десятка поклоновъ, улизнулъ отъ Креста.

Всю остальную службу на глазахъ въ алтарѣ, дѣлая видъ, что молится, онъ страшно скучалъ. Сапа, Петя и Женья возились на колокольнѣ.

И вотъ совсѣмъ не по уставу зазвонилъ неумѣло и срыву большой колоколъ, и полная церковь напуганнымъ стадомъ шархнула къ паперти.

— Дойдетъ до благочиннаго,—ни черта путнаго, олаборники!

На двѣнадцать евангеліевъ, выходя съ горящими свѣчами, тушили огни у прохожихъ.

— Душа моя, Коко,—наставляла послѣ бабушка, Богъ тебя накажетъ. Да нешто въ законѣ Божьемъ это сказано?—Иуда ты и Варѣоломей Искаріотъ, помолись ангелу своему и покаяйся. Ни росту, ничего не дастъ тебѣ Владыко Господь, и останешься ты курносый до скончанія вѣковъ...

И наступилъ Свѣтлый День.

Словно выросли, преобразились. И плохенькія одеженки выглянули новыми и нарядными. Въ заутренѣ вся жизнь была, ждали годомъ и, что бы ни дѣлали, помнили: вотъ Пасха, Пасха придетъ!

На паперти жгучій стыдъ заливаешь сердце и личико Коли: со всѣхъ сторонъ тянутся дрожащія руки, и провалившіеся рты гнутъ: «Колечка, дай копѣчку! Колечка Христосъ воскрес!» И навязчиво идетъ запахъ гнили и промозглаго немытаго тѣла, и всѣ эти лохмотья вздрагиваютъ отъ утренника.

— А я вонъ, нарядный, иду разговляться!—и жутко представить ему, что они такіе: нѣтъ дома у нихъ, нѣтъ пасхи бѣлой съ крестами и яркими цвѣтами; и все же представляетъ до боли ярко и тутъ же рядомъ видитъ себя въ нищенской рвани безъ дома, безъ пасхи.

— Неужто это будетъ когда?—Страшно.

Онъ вынимаетъ изъ курточки всѣ свои новенькія копѣйки, подаренныя и украденныя, и суетъ въ закорузлыя, посинѣвшія руки, лозящія руки. А копѣекъ такъ мало.

И мгlistое, сѣроватое утро съ собирающимся снѣгомъ перекликается одинокимъ перекликомъ запоздалыхъ, растянутыхъ обѣденъ.

* * *

Прямо изъ церкви шли поздравлять дядю.

Съ замираніемъ сердца, со страхомъ до потери голоса вступали въ бѣлый домъ.

Еще на Прощенное воскресенье, когда, бухаясь въ ноги, положенно приговаривали: «Простите меня, дядюшка, ради Христа!»— была большая проборка.

Теперь, когда, робко прокравшись по парадной лѣстницѣ, вошли въ кабинетъ, и каждый еле слышно произнесъ затверженнае: «Поздравляю васъ, дядюшка, Христосъ воскрес!»

— Болваны,—не глядя, рычалъ Алексѣй,—чаще драть васъ,—вотъ что! И ты! и ты!—лѣнтяи, дармоѣды. Тебя, Петька, выдеру, призову рабочихъ и выдеру: ты у меня забудешь трубку! А ты, курносая гадина, чего ротъ разинулъ? И ты, дуракъ, туда же.

Жмутся, ежатся, молча опутивъ осоловѣлые глазенки.

— Ну, маршъ, отправляйтесь!

Кубаремъ скатываются съ лѣстницы и бѣгутъ вприпрыжку по двору на верхъ, гдѣ ждала-дождалась бабушка, Маша, нянька.

Особенно Коля не любилъ Алексѣя: обидѣлъ тотъ его со-всѣмъ крохотнаго.

Вела его Прасковья по двору гулять, встрѣтился дядя. Коля и протяни ему рученку...

«Ты, мальчишка, смѣешь мнѣ руку совать! Забываешь, кто ты: на нашъ счетъ живешь!»—затрясся дядя, а голосъ издавалъ странные звуки: казалось, кошка, копясь долго и пристально наглядѣвшись въ глаза, отпрыгнула вдругъ, ошетибилась и взвизгнула.

И у Коли тогда задрожали губки, и кусать, рвать хотѣлось неистово, бѣшено...

Славятъ Христа на весь домъ, христосуются, а съ Машей несчетно разъ.

Послѣ вечерни приходятъ батюшки.

Матвѣй Григорьевъ, едва держась на ногахъ, толкуетъ каждому, будто «спусокъ у него не на животѣ, а на спиѣ, этакъ!»—и, странно изгибаясь, не открывая рта, посмѣивается.

За закуской батюшка пробираетъ Петю за трубку, хотя трубка—общая.

Курили до зеленыхъ круговъ и тошноты.

Такъ какъ на копѣйки съѣдалось въ стаканчикахъ мороженое и покупались «грѣшники», то приходилось курить тотъ табакъ, которымъ перекладывалось зимнее платье.

Оканчивается миромъ.

— Ну, Христось съ вами,—гладить батюшка по головкѣ,— Пресвятая Владычица Грузинская, — малыши вы махонькіе, неразумные.

Мать беззвучно плачетъ, загрызаетъ ногти, мясо у ногтей. Жалуется.

— Ахъ, Господи, Господи! Потерпите... Варвара Павловна... Христось... Несите крестъ...

— Да они, онѣ... они... жизнь мою... я...

Подъ ночь бывало грустно: прошелъ Свѣтлый день.

— Если бъ всегда была Пасха!

— Должно быть, въ раю только.

— И умереть, говорить, на Пасху хорошо, прямо въ праведники. Дѣдушка на третій день издохъ...

— Экзамены скоро.

А въ крышу постукиваютъ мутно-зеленныя капли перваго теплаго дождя, красящаго сухую, съдую траву и черный прудъ.

Дѣвольт, пролежавшій всю ночь въ грязной канавѣ, забрался теперь въ купальню и, сладострастно хихикая, зализывалъ вскрывшіяся, теплыя раны.

И лягушки, выпучивъ сонныя бѣльма и растарашивъ лапки, безтолково заквакали.

И стала земля расправляться и тучнѣть, и всѣ сѣмена жизни зрѣть стали, наливаясь, изнемогая, задыхаясь въ любовной жаждѣ.

Зарю нѣжныя травинки, голубые первые подснежники, какъ хоръ дѣвусекъ-дѣвственницъ съ тайно подступающимъ краснымъ зноемъ,—благовѣстницы грядущихъ невѣсть, взглянули на восходящее солнце, на Христа воскресшаго.

VI.

Алый и бѣлый дождь осыпающихся вишенъ и яблонь.
Замирающій воскресный трезвонъ.

— Эй, плотнички лихіе, работай!

И, наслаждаясь, налегають на тяжелыя лопаты, и тугая земля ломается.

Рубашки и штаны испачканы, руки грязныя, темныя. Съ самаго утра на огородѣ передъ домомъ копаются. Чертенята маленькіе.

Прошли экзамены.

Перешелъ и Петя, а Женя и Коля поступили въ гимназію.

— Какъ стемнѣется, за досками пойдѣте: шалашъ надо, безъ палата не лѣзя,—Саша, какъ заправскій землекопъ, поплевываетъ на руки,—или берлогу выкопаемъ въ двадцать сажень, чай пить будемъ, кровать поставимъ. У Захаровыхъ вонъ берлога въ пятьсотъ сажень; Васька говоритъ, музыка играетъ.

— И глубже выроемъ, свой прудъ выроемъ!

— А на той сторонѣ кизельникъ зацвѣлъ.

— Пожгрѣмъ.

«Та» сторона—часть сада къ Синичкѣ. Тамъ растутъ старыя яблони и «кизельникъ». Не взирая на бдительный надзоръ, къ Ильину дню—ни яблочка, ни ягодки. Шелушатъ по ночамъ, а чтобы запугать сторожей, хлопаютъ въ ладоши, будто лѣшіе.

«И садъ и прудъ—проклятые,—идетъ молва,—нечистый ходитъ. Намедни пошелъ въ караулъ Егоръ-смѣхота, а изъ пруда—рожа, да какъ загопочетъ — инда яблоки попадали. Подобралъ полы, да лататы. Душка-Анисья богоявленской кропила, насилу отходился. А Егоръ-то, вѣдь, во,—смѣхота!»

Когда же ловили, приходилось плохо. Да имъ, какъ съ гуся вода...

— Палевый вчера улетѣлъ,—говоритъ Коля,—остался одинъ чернопѣгій. И подцѣву нѣтъ.

Онъ работаетъ лѣниво и не такъ пачкается, какъ другіе.

Голуби—общіе, но Коля чувствуетъ къ нимъ особенную нѣжность: и тайники и приманки выдумываетъ, и чтобы потеплѣе было. Петя гопаецъ: залѣзетъ съ шестомъ на крышу и посвистываетъ.

Въ праздничный день обычно отправлялись дѣти съ голубями на птичій базаръ. На базарѣ торговались и обмѣнивались или просто слонялись, вступая съ торговцами въ препирательства, задирая бахвальствомъ и плутнями.

Къ голубямъ пристрастилъ дѣтей старичекъ-приказчикъ.

Жилъ старичекъ на дворѣ на покоѣ, дѣла у него хозяйскаго не было, развѣ вечеромъ когда сразится въ шашки съ самимъ Огорѣлышевымъ и только. Все же остальное время проводилъ онъ съ птичками. Занимали птички всю его квартиру, чахли и гадили, а пѣть не пѣли.

Дѣти часто забѣгали къ нему, любопытствовали, а онъ медленно, отщипывая то и дѣло понюшку, рассказывалъ о каждой породѣ, представлялъ голоса, ставилъ примѣрные силки и западни и нерѣдко случалъ пичушекъ въ надеждѣ имѣть яички.

Ужъ очень хотѣлось старику маленькихъ птенчиковъ поглядеть, выходить птичекъ: авось запоютъ!

Безъ озорства и тутъ не обходилось: къ великому огорченію птицелова птички какъ-то сами собой открывали клѣтки и, не-

смотря на двойныя рамы никогда не отворяемыхъ оконъ, вылетали на волю.

А какая у нихъ голубятня была! Теперь совѣмъ ужъ не то...
Пронюхала про голубей Палагея Семеновна.

Занегодовава:

«Варенька, Варенька, да они, вѣдь, у тебя голубятники, это невозможно».

И, Богъ знаетъ, съ какими цѣлями, вызвалась посмотрѣть голубятню.

Высоко задирая юбки, взобралась по трясущейся крутой лѣстницѣ къ слуховому окошку мезонина и, наступая на теплый пометъ, готовилась наставлять...

Но дѣтей на голубятнѣ не оказалось, да не только дѣтей, и лѣстницы.

Поморили они ее, наоралась вдосталь.

Была послѣ потасовка немалая. А голубятню сломали.

* * *

Солнце, между тѣмъ, осмотрѣвъ всѣ закоулки двора и тинистый берегъ, идетъ на самую середку пруда грѣть старыхъ усатыхъ сазановъ, ледяные ключи палить.

Бросаютъ лопаты и обѣдать.

Приходитъ Филиппокъ, коренастый, черномазый, взъерошенный мальчишка-сапожникъ.

Филиппокъ былъ искусникъ не малый: мастерилъ изъ кожи разное оружіе, ордена и медали.

Начинаются разбойничьи игры. Русско-турецкая война.

Что ни попадетъ подъ руку, — летитъ вверхъ тормашками: стекла и куры, скамейки, цвѣты, дрова, собаки, лопаты, цыплята.

Глядишь, тамъ кто-то и въ пруду бултыхается.

Не ходятъ, а носятся въ бумажныхъ и кожаныхъ орденахъ, съ подбитыми глазами, исцарапанные.

— Вольница,—удержу на васъ никакого нѣтъ,—оглашенные.

Вотъ будто городъ въ огнѣ. Осажденные, озвѣрѣлые отъ голода и тревогъ, рвутся подъ бьющей бѣдой въ стѣнаныхъ, въ проклятыяхъ.

Толпы тонуть въ волнахъ; а надъ головой свистящія пули—отходныя молитвы.

Бѣгутъ, бѣгутъ... По пятамъ черный дымъ и адскій грохотъ. Впереди кругомъ топь крови.

Вотъ лопнетъ сердце, вотъ духъ захватитъ.

Ну, еще, еще!

И крикъ взрываетъ садъ, и изъ трубы, выныхивающей клубы сѣдого дыма, кричить навстрѣчу неумолимо-рѣзкій, страшный крикъ: бей! бей! бей!

— Дяденькѣ пожалимся! — и острые пальцы управляющаго вдругъ вонзаются въ ухо и больно выворачиваютъ мягкій хрящъ.

— Андрей-воробей! — Андрей-воробей! — запѣвается хоромъ; хоръ кружится, и проворныя руки то и дѣло саятъ дьявольскую фигуру съ крючковатымъ носомъ, на которомъ торчитъ сухой конскій волосъ.

Согнувшишь, проходитъ управляющій къ фабричному корпусу, наводя страхъ и порядокъ.

«Со свѣту сжилъ, дьяволъ,—роптали по двору,—лизунъ Огородъльшевскій, шпионъ подхвостникъ. Найдеть на тебя полоса, хлебнешь изъ пруда...»

Идутъ въ купальню. До дрожи, тошноты ныряютъ и плаваютъ. Ни одного сухого мѣстечка. Одежа свертывается, какъ вымошенное бѣлье.

Теперь на навозъ, на ту сторону. Навозъ разрываютъ, выкапываютъ бѣлыхъ жирныхъ червей и, набравъ полныя горсти, раздавливаютъ по дорожкамъ...

А когда пресыщаются, начинается ловля лягушекъ. Наводняютъ полную кадущку подъ желобомъ и, вытаскивая по одной, истязаютъ-потѣшаютъ: отрываютъ лапки, выкалываютъ глаза, распарываютъ брюшко, чтобы кишки поглядѣть.

Квакаютъ-квакаютъ лягушки во всю глотку.

— Ай! нагрѣшники! — спохватывается Степанида. — Всю-то мнѣ воду опоганили.

Долго возится съ кадущкой, вылавливая лѣвой рукой скользкія внутренности и лапки.

Всѣ пальцы у дѣтей обростали за лѣто бородавками, возникновеніе которыхъ приписывалось лягушкамъ.

«Это отъ ихнихъ соковъ поганныхъ»,—объясняла Прасковья.

За то большое было удовольствіе, когда послѣ каникулъ принимались за сведеніе бородавокъ.

Мазали пальцы теплыми куриными кишками, кишки зарывались въ землю,—такъ сводились бородавки.

Бросаютъ лягушекъ. Отправляются на качели.

Выпачканные червями и лягушачьими внутренностями, липкіе, качаются-подмахиваютъ до замиранія сердца, взлетаютъ за фонарь до маковки березы,—вотъ, вотъ перелетитъ доска за перекладину...

Потомъ лазаютъ по качельнымъ канатамъ, жмурясь и вздрагивая отъ наслажденія сжимать ногами упругую, щекочущую веревку.

И, добираясь до самаго края, вверху у колець задерживаются, какъ маленькія обезьянки.

Вечерѣтъ. Раскаляются за монастыремъ закатныя тучи. Черныя, длинныя тѣни плывутъ по пруду, купаясь въ бьющемся, кипящемъ золотѣ.

Подымаются сложенные за террасой шесты, обитые вверху тряпками—знамена и хоругви,—трогается торжественный крестный ходъ: избіеніе младенцевъ.

Сажей и кирпичемъ вымазанныя лица и руки. Коля на длиннѣйшихъ ходуляхъ въ бѣлой простынь. А жертва ужъ и мечется и визжитъ...

— Машка Пашкова—Машка Пашкова...—монотонно, речетативомъ поетъ хоръ, преслѣдуя, гоняясь за дѣвочкой.

— Шранъ-триберъ-питакэ... Машка Пашкова — Машка Пашкова...

Затравленная дѣвочка камушкомъ влетала въ каморку, забиралась въ колѣни къ отцу и дрожала, какъ листикъ.

Отца Машки дѣти боялись.

Трезвый не страшень, но когда наступалъ запой, Павель Пашковъ свирѣпѣлъ.

Блѣдный со впалою грудью бѣгалъ слесарь съ ножомъ по двору, искалъ зарѣзать дѣтей.

Дѣти въ такіе дни прятались въ самыя засадныя мѣста и только, когда Пашковъ, обезсилѣвъ, валился гдѣнибудь у помойки съ окровавленными руками, съ слипшеюся прядью бурыхъ волосъ на законченной головѣ,—они выходили изъ норъ.

— Машка Пашкова—Машка Пашкова...

Въ заключеніе — бабки. Бабки—салки, конь-за-конь, Ъздоки, плодки... И перемѣнная драка. Тутъ каждый другъ передъ другомъ соперничалъ. Лунили другъ друга чѣмъ ни попало.

Бьетъ восемь.

Въ садъ выходитъ дядя Игнатій съ книжкой и биноклемъ.

Хоронясь, забираются подъ террасу и на корточкахъ въ темнотѣ и сырости слушаютъ Филиппка.

По описаніи мастерской и хозяина рассказывается вѣчно одна и та же сказка о «семи-винтовомъ зеркальцѣ».

Другой Филиппокъ не знаетъ.

Напечатная сказка, такая забористая, и слушать ее, хоть сто разъ прослушаешь—никогда не надоѣсть.

Спадаетъ жара.

Убирается Филиппокъ во свояси.

Выходитъ ночь, идетъ ночь въ черномъ саванѣ, въ полыхающихъ зарницахъ, молодыхъ звѣздочкахъ.

VII.

Черный свѣтъ пробирается сквозь стекла закрытыхъ оконъ, ползетъ въ дѣтскую.

Нагорая, колыхаясь, плыветъ передъ образомъ Трифона Мученика крещенская свѣча.

Гдѣ-то за потолокомъ, высоко надъ крышей, въ безднѣ черныхъ дрожащихъ капель ворчитъ и катается страхъ-страшное, безглазое чудовище.

Мучается, стонетъ Петя. Голова забинтована тяжелымъ бинтомъ.

Женя, уткнувшись лицомъ въ подушку, плачетъ темнымъ плачемъ, больной жалобой.

Входитъ и уходитъ няючка. Поджатая, поблекшія губы шепчуть...

— Господи, Господи!

Въ спальнѣ внизу хлопаешь форточка. Хлопнетъ, подождетъ, хлопнетъ...

Сжавшись, сидитъ у окна Коля.

Вздрагиваютъ до крови искусанныя губы. Сухо и горько горають темные глаза въ выжженныхъ слезахъ.

Надъ монастыремъ распахивается и мгновенно закрывается ярко-бѣлая, бѣлая пасть.

Пороли Колю, больно пороли въ спальнѣ, передъ кіотомъ.

Взяли они его обманомъ. Позвала нянька новыя штаны по-мѣрить. Повѣрилъ Коля, быстро стащилъ свои старенькія... И началось.

Держалъ Кузьма, стягала ремешкомъ Прасковья.

— Не будешь?

— Буду.

Гдѣ-то въ сердцѣ на самомъ днѣ бурлитъ и не можетъ подняться олово слезное.

— Ой!—вскрикнулъ Петя, заерзалъ, стихъ.

И всталъ среди затишья печной и душный прожитый день.

Никогда еще не дрались такъ, какъ этимъ вечеромъ.

Поспорили изъ-за бабокъ.

Въ свалкѣ Коля хватилъ Петю свинчаткой. У Пети отъ боли глаза закатились, брызнули слѣзы въ перегонку съ кровью.

На песокъ лужа, какъ пролитая красная краска.

— Свинчаткой прямо по головѣ такъ и попалъ, тяжелая... Вотъ тебѣ!—мучается Коля.

Бѣлыя стрѣлки забороздили темь.

И сорвалась гора чугуна, разбѣкла полнеба, грохнулась, раскатилась надъ головой и разбѣжалась тьмой глухо-звучащихъ, желѣзныхъ шариковъ...

Зачѣмъ онъ обидѣлъ Женю, развѣ не зналъ, что у Жени глаза больные?

Заплакалъ.

— Горсть песку... Песку, да въ глаза... А Женя говоритъ: «Я тебя, Коля,—говорить,—дразнить не буду»,—говорить...

Коля потихоньку пріотворяетъ окно.

Высовывается...

— Пускай меня громъ разразитъ!—надрывается сердечко.

Тянется...

— Иш-и-и-и... сс-ссш... — шепчутся, свистятъ въ отвѣтъ листья.

Перестаетъ дождь...

Вдругъ онѣмѣлъ отъ отчаянія и, закусивъ судорожно палецъ, зубами крѣпко, крѣпко сжалъ его...

— Уфъ!

И какая-то огромная, черная свинчатка ударяется ему въ грудь; красный, заревной свѣтъ хлещетъ по ногамъ, хлещетъ по лицу и идетъ, уходитъ въ голову и тамъ крутится, и потомъ расплывается легко и мягко.

Коля валится безъ памяти.

Кропя богоявленской водой, нянька и Саша берутъ на руки полуживое тѣлце Коли и несутъ на кроватку.

По полу дорожка густо-красныхъ капелекъ.

Тикаютъ, ходятъ часы.

И кто-то маленькимъ пальцемъ все стучить, стучить въ разбитое окно.

VIII.

Женю и Колю перевели изъ гимназiи въ коммерческое.

Нѣсколько лѣтъ назадъ по мысли Алексѣя было основано это образцовое училище, за что получилъ онъ какія-то важныя звѣзды. Старались друзья, надъ которыми тотъ втайнѣ не мало смѣялся.

Первымъ другомъ Алексѣя слылъ князь, большой покровитель Огорѣмьшевыхъ.

А про князя молва ходила, будто онъ все можетъ.

Да и князь не разъ хвасталъ, что городъ—его городъ, а кто перечить станетъ, того съ земли сотретъ — мокраго мѣста не останется.

Женя числился на стипенди, за Колю платилъ дядя Николай Павловичъ.

Не давался дѣтямъ русскiй диктантъ: ошибка на ошибкѣ:

Большая была нахлобучка отъ дяди. Велѣно было дома диктанты висать. Петя, бравшiй изъ библиотеки романы, диктовалъ,

выбирая самыя отборныя мѣста. Какъ-то случайно попался Толстой. Учитель, провѣрившій домашнія работы, доложилъ совѣту. Поведеніе сбавили.

Теперь, хотя и перевели обоихъ въ третій классъ, но съ большимъ предупрежденіемъ.

Колѣ наступало одиннадцать.

Лѣто принесло новую жизнь.

Сеня, сынъ Алексѣя, закончилъ свое образованіе, прицѣпилъ къ жилеткѣ золотую медаль и задумался о развлеченіяхъ.

Пока что, остановился на кегляхъ: плотники соорудили помѣщеніе за сарасмъ, недалеко отъ дровъ.

Къ великому неудовольствію отца и дядюшки-англичанина Сеня сблизился съ двоюродными братьями.

А раньше Сенька-гордецовъ, какъ прозвали мальчишку фабричные, пробѣгалъ по двору, не ломая ни передъ кѣмъ шапки.

* *
*

Кегель-банъ открывается вечеромъ.

Женя и Коля ставятъ кегли, Сеня, Саша и Петя играютъ.

Первыя партіи проходятъ подъ сухую: увлекаетъ новость. Но, когда постиглась тайна, заскучали. Появилась корзина пива, а за пивомъ шампанское.

По окончаніи игры, забираютъ кульки, перелѣзаютъ черезъ заборъ въ Ворошипскій садъ.

Другая игра: заговариваютъ, подсаживаютъ, подпаваютъ...

Все та же Варечка, гимназистка, въ которую когда-то былъ влюбленъ Петя, и ея двѣ подруги: Сашенька и Вѣрочка.

Сеня и Саша, урывками Петя—играютъ главную роль. Женя и Коля, сѣменя вокругъ старшихъ, надѣбаютъ, мѣшаютъ.

Кромѣ любопытства, Колю мучаетъ ревность. Цѣлая тетрадь дневника исписана горькою жалобой, и каждая страничка посвящена Вѣрочкѣ, и нѣтъ строчки безъ ея имени, дорогого и страшнаго, перваго имени. И никакого-то вниманія...

Если пріѣзжаютъ изъ имѣнія дѣти Николая Павловича, бабыши не появляются, но Финогеновы и Сеня не пропускаютъ часа и вторгаются въ садъ.

Духъ поднимается.

Начинаютъ стихами Пушкина, декламируютъ на весь садъ, во

все горло; потомъ, когда показываются бонны, гувернантки, тетка, Палагея Семеновна, пріятельница тетки, и дѣти съ голыми ляжками,—книга складывается, и трогается процессія.

Впереди Коля—на головѣ красный кувшинъ съ квасомъ, за нимъ Сеня, Саша, Петя, заключаетъ Женя съ шестомъ-никою, на маковкѣ которой трясется червивая, дохлая курица. Видъ нагло-дерзкій, не клаплются.

Охи и ахи. Кто жъ ихъ знаетъ?

И въ ужасѣ бонны тащили дѣтей въ комнаты, а то неровень часть: отъ одного вида Огорблышевцевъ дѣти могли испортиться.

* * *

— Вотъ, что, Семень,—грызъ ногти Алексѣй,—предупреждаю тебя: до добра это не доведетъ,—не связывайся, понимаешь, еще и не тому научать...

Нѣсколько вечеровъ придумывали мщеніе: никто другой, какъ Палагея Семеновна наслетничала. Думали, думали,—написали ей некрологъ, положили въ громаднѣйшій конвертъ, запечатали пятаккомъ и отослали съ Кузьмой.

Некрологъ открывался колокольчикомъ. Колокольчикъ-сплетня.

Очень обидѣлась, а виду не подавала: не будь тамъ Сени...

У Финогеновыхъ же съ тѣхъ поръ ни разу ноги ея не было.

* * *

Вечеръ обычно заканчивался несуразно весело, по Огорблышевски.

Выходятъ изъ главныхъ воротъ, идутъ по середкѣ улицы. Сеня и Саша басами читаютъ пареміи, которыя заключаются хоромъ—общимъ выкрикомъ послѣдняго слова:

«И приложатся ему... лѣта живота-а-а!!!»

Остановить никто не рѣшается: ни гордовые, ни околочные.

— Огорблышевы! свяжешься,—нагорить еще.

Такъ, обогнувъ Синичку, доходятъ до красивыхъ воротъ Финогеновыхъ.

Тутъ разсаживаются на лавочку. Выходятъ фабричные.

И начинаются розсканни о житіи дѣдушки и дядюшекъ. А отъ нихъ—за сказки.

— Покойный дѣдушка вашъ, хрѣну ему...—~~в~~ступаетъ куз-

нець Иванъ Даниловъ,—передъ кончиной живота своего призвалъ меня и говорить: «Сынъ ты сучій, отлупи ты, говорить, миѣ напоследѣяхъ какой ни на есть охальный разсказъ, али повѣсть матерную!»—а самъ едва дышетъ, расцарапый ему кошка.. Такъ-то вотъ. Ну, о пчелѣ что ли?

— О пчелѣ! о пчелѣ!—отъ нетерпѣнія трясется вся лавочка. И сказка начинается.

— Жила-была пчела. У пчелы было три улья. Д-да. Въ одномъ ульѣ спала. Въ другомъ Въ третьемъ медъ таскала. А какъ выпустить жало со свинячье жало...

И пойдетъ, инда жарко станетъ.

Кузнеца смѣняетъ городской Максимчукъ малороссійскими, а въ заключеніи ночной сторожъ Аверьянычъ, расползающійся старикашка съ трясушимися ногами, умиленно и благодушно, какъ молитву какую, изрыгаетъ сквернословіе-прибаутки.

И чутко глядитъ монастырь бѣлыми башенками. Выплываетъ изъ-за колокольни теплая луна—безъ стыда въ своей наготѣ; и въ тишинѣ ея хода поютъ одинокіе, сѣдые часы; и гдѣ-то за прудомъ громыкаетъ чугунная доска, и гдѣ-то за прудомъ Трезоръ и Полканъ мечутся на рыкалѣ.

Самъ чертъ заслушался! вонъ онъ, лѣнивый, раскинулъ синія крылья, темныя во млѣющихъ звѣздочкахъ отъ края до края по тихому небу.

IX.

На крутомъ обрывистомъ холмѣ, окруженный крѣпкой бѣлою стѣной, стоялъ Андроніевъ монастырь.

Тамъ не было камня, не затаившаго въ себѣ слѣдовъ далекихъ временъ.

Вонъ къ подножію остроконечной башенки съ рѣзымъ оконцемъ, гдѣ нѣкогда стоналъ застѣнокъ,—теперь келья слимника о. Глѣба,—лѣзетъ, упирается каменная огромная лягушка, растащивъ безобразныя лапы — дьяволь, проклятый св. Андроникомъ.

Какая толпа окружаетъ лягушку, сколько ртовъ плюютъ, норовя въ самую морду.

Бѣдный человѣкъ!

Бѣдное лицо, оплеванное человѣкомъ!

А вонъ на золотомъ шпигѣ пѣтушокъ съ отсѣченнымъ клювомъ, ржавый пѣтушокъ, прокричавшій хулу... А вонъ заклятый пужной колоколь съ вырваннымъ сердцемъ—чернымъ языкомъ, а вонъ слѣдъ... слѣды нестираемыхъ пятенъ

Тѣни и призраки казней.

Тѣни погибшихъ желаній, задавленной воли... непреклонной воли, видѣній... бѣсовъ и ангеловъ.

Монастырь — первоклассный: мощи подъ спудомъ, архіерей, огромные вклады.

Братіи немного. Поигрываютъ, попиваютъ, заводятъ пашни, путаются.

Экономъ воруетъ, казначей ужуливаетъ. Рѣчи и помыслы — «кружка», «халтура», «проценты», «лампадка». Много изъ-за этого ссоры, много и драки и побоевъ.

Ворота запираются въ девять. Привратникъ — кривой монашекъ «Сосокъ». За каждый неурочный часъ беретъ по такѣ.

Покойники смиренные, лежатъ себѣ подъ крестами и памятниками, разлагаются, гниютъ, и истѣваютъ; правда, о. Никодимъ — «Гнида» рассказывалъ за іермосами, будто самъ дѣдъ частенько выходитъ изъ склепа бѣлый и съ пожомъ бѣгаетъ...

Ну, то Огорѣлышевъ!

И все хорошо, благолѣпно, какъ по уставу писано.

* * *

Когда уѣхалъ* за границу Сеня, а съ нимъ навсегда закрылся кегель-банъ, навсегда прекратились посѣщенія Воронинскаго сада, — участились походы на монастырь.

Изъ всей братіи полюбились двое: іеромонахъ о. Юсифъ — «Блоха» и іеродіаконъ о. Гавріиль «Дубовыя кирлы».

О. Юсифъ — черный и пронырливый, продувной и нахальный — приманилъ лакомствами и сальностью.

На первый Спась къ меду и огурцамъ поднесъ такой наливки — когоръ, пиво, запеканка: все вмѣстѣ, — Коля ползкомъ выпользъ, да и остальные не тверды были.

Разсчитывалъ на Огорѣлышевскую лампадку.

Навязался къ Финогеновымъ и повадился. Приходилъ не одинъ, приводилъ подручныхъ, чаще о. Михаила — «Шагало» — мѣшко-ватаго, тупого, волосатаго іеродіакона. Приводилъ съ одной дѣлюю: потрунить и поскалить зубы.

Бывало, выпьютъ самоваръ, выпьютъ другой — пьютъ на споръ, кто больше.

Седьмой потъ пробивать начнетъ.

— Достаточно, — отмахивается о. Михаилъ, опрокинувъ и крѣпко обдавъ стаканъ, — достаточно: неспособенъ...

— Неспособенъ, говоришь, — подхватываетъ Оська, — а полка!?

— Чего полка!?

Оська фыркаетъ:

— Неспособенъ... айда неспособенъ! — и говоркомъ: — Вся капуста на огородѣ вытоптана, съ Аниской знать...

О. Гавріиль — тучный и красный, писклявая фистула, добродушіе необыкновенное и непроходимая глупость, — взялъ свою потѣшность.

Келья его — жилой сарай: сломанная клѣтка, облепленная жирнымъ пометомъ; продырявленные ширмы и засиженная мухами, въ масляныхъ пятнахъ, занавѣска; истоптанныя штилеты и рыжіе, промякшіе отъ безсмѣнной носки, сапоги; заржавленные перья; изгрызанныя побурѣвшія зубочистки; лоскутья, тряпки-рясы, худое бѣлье; часы безъ стрѣлокъ; ножи безъ рукоятки; рукоятки безъ клинка.

Ничѣмъ не гушался.

Всякое воскресенье, всякій праздникъ обѣдаетъ у Финегоновыхъ.

Бѣтъ удивительно помногу. Выпиваетъ. Послѣ третьей лицо вспыхиваетъ такимъ жаромъ, — сало проступаетъ. Не доѣвъ своей тарелки, сливаетъ остатки изъ другихъ. Если ему мѣшаютъ, обижается.

— Я тебя, — щипитъ, оттягивая слова, — я тебя, душечка, объѣлъ, я тебя, Сашечка, объѣлъ?

А дѣти хоромъ въ отвѣтъ: — Ты меня не объѣлъ! Ты меня не объѣлъ!

— Я тебя, Колечка, объѣлъ? — не унимается о. Гавріиль и, увѣшанный прилипшей къ бородѣ капустой, хлѣбными крошками, соловья, растопыриваетъ жирные пальцы надъ своей, надъ чужими тарелками: — У-у, пчелочка-заноза Колечка! пожрутъ онѣ, тысячи... Мартынь — Задека — Женечка... Я тебя объѣлъ, я тебя?..

— Ты меня не объѣлъ! Ты меня не объѣлъ!

Несмотря на то, что возрастъ дѣтей не ахти какой, — старшему Сашѣ минуло пятнадцать, о. Гавріиль не на шутку безпокоился.

О. Гавріилу мерещилися женщины, тысячи, миллионы женщинъ, которыя пожрутъ и изсосутъ... которыя ужъ пожирають и сосутъ дѣтей.

На ужинъ уносить съ собой полный судокъ, куда сливается ботвинья и супъ, гдѣ торчитъ обглоданная ножка курицы, и мокнуть разбухшіе куски чернаго хлѣба.

По понедѣльникамъ черезъ недѣлю ходятъ въ баню.

Берется номеръ. И творится тамъ нѣчто невѣроятное...

Моются часъ, моются другой. За дверью начинаютъ просить, угрожать: требуютъ очистить номеръ.

Не тутъ то было!

О. Гавріилъ выскакиваетъ нагишемъ и, извиняясь передъ ожидающими, что является безъ галстука, просить повременить.

Проходитъ долгій томительный часъ.

Стучать.

— Дѣточки не готовы еще!—отвѣчаетъ писклявый голосокъ.

Тогда хозяинъ, всѣ незанятыя банщики, дворникъ, извозчикъ со двора и кто-нибудь изъ цублники, — всѣмъ соборомъ вторгаются въ номеръ, и номеръ съ хохотомъ, бранью, насмѣшкой, смѣшками, наконецъ, очищается.

И такъ каждый, каждый разъ.

Послѣ бани—игра въ быки.

Съ визгомъ и крикомъ вразъ бросаются на о. Гавріила, а тотъ, нагнувъ голову и раскорячивъ ноги, машетъ, размахиваетъ руками, будто рогами. Пока не грохнется, тяжело дыша, его грузное тѣло, и не одна нога цнетъ и топнетъ въ медленно поднимающійся мягкій животъ...

Какъ-то разыгрались, а все хотѣлось еще и побольше. Случилась въ дѣтской Прасковья. Не мигнувъ, бросились, сорвали съ нея юбку, кофточку. Къ о. Гавріилу,—и съ нимъ тоже. Погасили свѣчку, заперли. Да внизъ.

— Батюшка,—плачущимъ голосомъ, корчась въ одномъ углу, просила Прасковья, — о. Гавріилъ, пройдишь ты маленько, ноги у тебя затекутъ... не гляжу я.

— Матушка,—пищаль въ другомъ углу, отдуваясь и крѣпко сжимая ноги, о. Гавріилъ,—Прасковья Семеновна, пройдишь ты сама... У! пчелочка-заноза, Задека, Сашечка...

Битый часъ высидѣли, поззаканись.

Было и повтореніе. Только вмѣсто няньки сидѣла нагишомъ горничная Маша.

* * *

И въ самомъ монастырѣ безъ озорства не прошло дня.

О. Геннадію—«Курья шейка» подали на обѣдню поминальную записку съ повопреставленными, имена которыхъ по необычайности не легко было прочесть. Іеродіаконъ путался, перевиралъ, запинаясь. А о здравіи стоялъ: боляринъ Кавиъ.

Пресвященный о. Григорій «Хрипунъ» очень пенялъ потомъ своимъ вставнымъ серебрянымъ горломъ и строго наказывалъ:—не читать впредь такихъ несообразностей.

Въ наказаніе лишили о. Геннадія на воскресенье служебной кружки.

И всѣ эти ухарства и продѣлки сходили ни за что.

Дѣти часто по недѣлямъ живали въ кельяхъ, ставя вверхъ дномъ все то виѣшнее благолѣпіе, какимъ держался монастырь.

И братія какъ-то шалѣла, откалывая колѣнце одно другого чище.

Хохотъ звонилъ звончѣе печальныхъ колоколовъ, и заунывное пѣніе терялось въ смѣхѣ и звонкихъ пѣсняхъ.

На площадкѣ у собора по вечерамъ играли въ бабки, за «палочкой-выручалочкой» прятались въ склепахъ, таскали кости и черепа покойниковъ.

Былъ въ монастырѣ малосенькій, безобидный іеромонашекъ о. Алипій—«Сопля». Запывшее жиромъ лицо, подслѣповатые глаза, грива волосъ на толкачикѣ-головѣ, и бородища по поясъ. Ничего его такъ не занимало, какъ бабы. При одномъ упоминаніи пьянѣлъ. А когда принимался рассказывать свои исторіи—замлебывался и хихикалъ странно горломъ, акая. Руки у него мокли. А лицо горѣло-лоснилось въ какихъ-то отвратительныхъ пятнахъ. Пить не шилъ, но и не отказывался. Хмелѣлъ съ первой.

На именинахъ о. Гавріила большое было угощеніе. Главное—перцовка, специально настоянная и предназначенная, какъ говорилъ именинникъ, для низкихъ душъ.

Мгновенья не прошло, залепеталъ о. Алипій и съ ногъ.

Соннаго іеромонаха положили за занавѣску. И заработали ножницы. Пока не остался жалкій козій хвостикъ на мѣстѣ бороды...

На утро въ церкви не смѣялись, не хохотали, а стономъ стоить стоялъ. Иѣтъ не могли.

- Убирайся вонъ, хрипѣль пресвященный на безпомощно потягивающаго свою бородевку о. Алинія. -- убирайся пока не заростетъ... - Безпокоите вы меня.

* * *

Вскорѣ пожелалъ познакомиться съ дѣтьми о. Глѣбъ.

Дѣти избѣгали схимника.

Бѣлый крестъ и бѣлыя письма—«святой Боже»—глубоко спущенной на глаза схимы — мертвыя кости поверхъ черной гробовой крышки, и багровыя ямы—взоръ черной тьмы -- провалившіеся глаза, и странно-бѣлое лицо мученика, и рѣзкія, острыя морщины отъ заострившагося тонкаго носа къ угламъ заплаканнаго рта, и то, что вздрагивали скулы, и то, что сводились пальцы, и то, что руки вдругъ ловили что-то около носа, ловили невидимое, какихъ-то мухъ, и сокрушающая сила—удары молотовъ — въ безбрежно-тихомъ, скорбящемъ шопотѣ, когда произносили молитву—заклятіе бѣсамъ,—ужасало и отпугивало.

И дѣти уперлись. Согласились только потому, но чтобы не-премѣнно съ о. Гавріиломъ.

День пролетѣлъ невыразимо занято. Утромъ пріѣхалъ къ о. Гавріилу кононархъ изъ Лавры Яшка—«Слонъ», извѣстный непомѣрной огромностью всѣхъ своихъ членовъ.

-- Низкая душа. -- таинственно рекомендовалъ о. Гавріилъ гостя, -- хоботь — уму непостижимо, отъ обера, душечка, есть воспрещеніе ему сноситься...

«Слонъ», нахлеставшійся перцовкой, валялся въ безпамятствѣ за занавѣской.

Тотчасъ же все сосредоточилось на слящемъ.

Надо было во что бы то ни стало добраться до хобота.

Съ помощью о. Гавріила «Слона» обнажили, и началась «разборка плановъ».

Сонный визжалъ, григоталъ, захлебывался.

Протрезвили кононарха. «Слона» вогнали въ краску.

— Низкая душа, — бормоталъ запыхавшійся о. Гавріилъ, — дѣточкамъ въ удовольствіе..

Ушелъ кононархъ.

Садилось солнце.

Вдругъ спохватились.

И страсть не хотѣлось идти, да неловко.

И вотъ вошли они въ башенку послѣ вечера.

Гомонъ на угомонъ шелъ. На лѣстницѣ ужъ поджидала ночь.

Вошли они, скорчившись, дикими, голоса потеряли.

Молча подошли подъ благословеніе.

Старець благословилъ. Благословилъ и засуетился, будто оробѣлъ не меньше.

О. Гавріилъ скрылся самоваръ ставить.

Никто не сказалъ ни единого слова.

Тѣсная келья была полна странныхъ, такихъ отчуждающихъ призраковъ, заглушающихъ слово — борьба, крикъ легионовъ. Тѣсная келья—пустыня: она не отзовется и не спросить.

— Батюшка! — просунулось красное лицо о. Гавріила въ узкую дверь кельи, — о. Глѣбъ! да онъ у васъ, батюшка, съ течью...

— Тащи свой! — замахалъ старецъ руками, — тащи, пузатый!

И сразу стало легко, будто такъ давно, такъ близко знали и видѣли другъ друга. Что-то вѣрное скользнуло, обняло и согрѣло.

Пошли дѣти ходить по кельѣ, пошли копаться въ книгахъ, трогать все, что ни попадетъ подъ руку. Загѣзли на окно, заспорили:

— Нѣтъ, вонъ онъ Сахарный заводъ...

— Фабрика!

— А тамъ «антихристъ» въ банкѣ, а тамъ вонъ...

Старець сидѣлъ въ креслѣ, о чемъ-то думалъ. Былъ онъ теперь обыкновеннымъ, своимъ, тѣмъ, о чемъ такъ вспоминаютъ послѣ, когда ужъ вернуть невозможно.

И когда о. Гавріилъ и его пузатый самоваръ, пыхтя и отдуваясь, наполнили келью, и когда бронза, будто расплавилась подъ проникшимъ густымъ, прощальнымъ лучемъ, и дѣти закрыли грудью весь столъ, — погасъ взоръ черной тьмы на лицѣ старца, и засвѣтились тихіе глаза, перегорюнившіеся...

— И ему на покой надо, и ему ночь ночевать положено, ему— безпріютному, отдающему кровь и сердце свое. Такъ-то, дѣточки, лучи вы мои красные!—промолвилъ старецъ.

Дѣти, сопя и кроша, отхлебывали свои стаканы.

Обжигались.

Обжигались потому, что безнечность куда-то вдругъ исчезла, раскрылось что-то, какой-то грѣхъ, раскрылось что-то, чего нельзя дѣлать.

— Обидѣли мы его,—пронеслось у каждаго. И стало неловко каждому, и стало сердце полно горечью, и сожалѣніе врѣзалось въ непоправимое, и стало сердце полно плачами.

— Отецъ-то Алипій гдѣ теперь?

Затаились.

— Въ Андреевскій, батюшка, въ Андреевскій опредѣлился. Анамедни, батюшка, Алипка у Мишки-«Шагалы» былъ, говорить, богатѣйшій монастырь, процентовъ, говорить, куда!

— Да,—задумался старецъ,—горько миѣ порой, такъ горько...

Женя тихо заплакалъ.

— Мамаша-то ваша, здорова?

— Ничего,—не сразу отвѣтилъ Саша, отвѣтилъ затихшимъ голосомъ,—иногда... ничего... хворааетъ.

Уткнулись въ стаканы.

— А въ гимназій-то у васъ... вы въ какомъ классѣ?

— Я въ пятомъ!

— Я въ четвертомъ!

— Я въ третьемъ!

— И я... не въ гимназій, а въ коммерческомъ!

Такъ, перебивая другъ друга, начали рассказывать, какъ тамъ, въ училищѣ.

— У насъ былъ учитель математики Сергій Александровичъ— «Козель»,—сказалъ о. Глѣбъ.

— А у насъ «Сычъ»!

— А у насъ «Аптекарь»!

— А у насъ «Стекольщикъ»!

— А у насъ «Клюква»!

Отъ учителей перешли къ отвѣткамъ, къ плутнямъ и, увлекшись, дошли до споровъ, до драки.

И было такъ, будто не въ кельѣ, а въ училищѣ въ излюб-

ленномъ мѣстѣ за переѣзною сидѣли, только куда здѣсь волнѣе: не остановить звонокъ, не поймаетъ надзиратель.

Дохнулъ ужъ синій вечеръ влажнымъ дыханіемъ въ открытое окно башенки, и напряженно слушавшій о. Гавріилъ не выдержалъ, храпѣть сталъ.

А все сидѣли, все говорили, рассказывали, быть можетъ, въ первый разъ такъ прямо отъ полнаго сердца.

И ночь, забившаяся днемъ въ башнѣ, спустилась съ лѣстницы, пошла по кладбищу, по крестамъ, по плитамъ, за ограду, въ городъ, въ поле...

— Ну, спите-ка хорошенько, — прощался старецъ, — сердечки-то у васъ хорошія... не согрѣтыя...

О. Гавріилъ со сна заторопился: требникъ еще читать.

— У меня, у меня, батюшка, дѣточки у меня заночуютъ.

И когда, разстелившись въ кельѣ у о. Гавріила, проболтали, прохотали долгій часъ, подошелъ къ изголовью, пришелъ тихій сонъ, не страшный, пришло тепло, Пасха, и нѣжною рукою до несогрѣтыхъ дотронулась и стала грѣть, отогрѣвать, стала...

Тяжелая, полная случайностей жизнь выпала на долю о. Глѣба. Когда умеръ его отецъ—разорившійся, когда-то богатый помѣщикъ и подъ старость смотритель Воронинской богадѣльни,—остался онъ съ матерью.

Комната въ бесплатныхъ квартирахъ при богадѣльнѣ. Дни напролетъ согнувшаяся надъ столомъ мать. На столѣ вороха пряжи, неподрубленныхъ платковъ.

И тутъ же гимназистъ съ растарашенными руками, растягивающими пряжу. Ему пятнадцать лѣтъ.

Мать слабымъ, слезливымъ голосомъ вспоминаетъ о прошломъ, вспоминаетъ о достаткахъ, вспоминаетъ о почетѣ,—и все потопаетъ въ дрызгахъ нищенской, настоящей жизни.

Потомъ «уроки», униженія.

Нахлынуло, закипѣло:—Нельзя такъ жить, нельзя жить!—выбивало сердце рвущимъ стукомъ.

И свѣтъ, этотъ дѣтскій свѣтъ, медленно меркнулъ и гасъ.
Послѣ перваго выпускнаго экзамена исключили.

Волчій билетъ не помѣшалъ для горшей, быть можетъ, обиды, праздновать окончаніе.

Первая пьяная ночь. На утро изгнаніе изъ безплатныхъ...

Помутнѣвшіе глаза, хворость и обида подтачивали и докончили мать.

Жизнь пошла туго.

За стѣной крики и кашли, кашли и стоны, стоны и слезы, слезы и ругань.

Будто шелъ все куда-то по тѣсному, промокшему банному корридору: рѣдкія, выгорающія лампочки, спертый паръ, поплескиванье глухо сбѣгающей воды съ некрасивыхъ, измученныхъ, выдѣланныхъ тѣлъ. А тамъ...

Да есть ли она, есть ли дверь наружу?

Огъ былъ тѣмъ, кого одни любятъ, другіе ненавидятъ. Равнодушія нѣтъ. Рѣзкіе переходы путаютъ и мутятъ: не знаютъ, какъ ступить... А тамъ...

Да есть ли она, есть ли дверь наружу?

Какъ-то пріѣхалъ родственникъ по дѣламъ отца.

Отыскали его, пріютили. И открылся ему новый міръ. Пришла любовь, повернулъ вѣтеръ на свадьбу, на счастье.

И все бы пошло по хорошему, да случился грѣхъ.

Еще не старая мать, принявшая близко къ сердцу судьбу своего погибающаго родственника, такъ къ нему привязалась—сказать себѣ не смѣла: подлинно ли тутъ одно состраданіе.

И произошло то, что наканунѣ новой жизни дочери мать готовилась стать отъ него матерью...

А у него—вѣшние веселые дни, дни надрывающихся секундъ долгихъ, тянущихся червемъ.

Этотъ беззаботный хохотъ, словно вся жизнь—копѣйка, а можетъ быть храмъ, этотъ призывъ на какой то безумный пиръ, этотъ намекъ на какія то такія ласки, что ужасъ—моръ, пожаръ, потопъ, смерчъ разодрали бы на себѣ трауръ, раскололи бы царскій литой вѣнецъ и придушили бы громъ, это живое и трепетное глубинъ жизни—первородное сердце—полосовалось мелкими искривленными ножичками.

И полыхавшая въ немъ любовь, и любовь тихихъ, увѣрен-

ныхъ вздоховъ отдающейся дѣвушки, и любовь темныхъ, глухихъ желаній послѣднихъ дней матери.

Тайна бунтовалась, тайна не хотѣла больше жить взаперти, — легла она тяжелымъ камнемъ, зачервила черной каплей грозovýchъ предвѣщаній глубь края неба, зарю счастья.

И свѣтъ, этотъ свѣтъ, вздыхалъ, угасая...

Позднюю ночью онъ съ отцомъ невѣсты возвратился домой.

Въ домѣ справлялся дѣвичникъ.

И, ступивъ на порогъ, они въ ужасѣ замерли.

Въ освѣщенномъ залѣ на столѣ лежало-копошилось отвратительно безглазое что-то, вязкое что-то, каша запекшейся крови, кусочки мяса.

И это мясо—тѣло такой красавицы, задыхавшейся отъ ожидания невѣсты!

Одна изъ подругъ открыла ей тайну ея матери, рассказала о женихѣ, о ихъ связи. И она не вынесла, вышла на улицу, легла подъ поѣздъ.

И рядомъ съ дочерью мать умирала.

Стало ему жутко легко: казалось, желѣзный багоръ, вонзившійся въ шею, превратился въ мягкую, горящую ленту, и лента опутала замерзшую грудь, и, страшно натянувшись, вдругъ дернула и понеслась.

И онъ, камень, куда то неся, кружился.

Съ каждымъ кругомъ кругъ расширялся, и лѣвое бѣжало къ правому, и правое погружалось въ лѣвое, ни конца, ни начала.

Лазурно-небесныя дали, тихо-текуція воды, благовоиця воды покоя и мира.

Моя мать, Владычица!

Ты одна во всемъ мірѣ песчинкѣ безумно летящей вокругъ солнца, въ шарѣ гигантскомъ, прорѣзанномъ темной непонятной тоскою, Ты одна—Тебѣ несу мое сердце, отъ муки затихшее, отъ жажды завядшее...

Много кануло дней и ночей холодныхъ, безвѣдныхъ.

Много черныхъ словъ прошло сквозь мое сердце.

Каждое слово, вонзаясь, разрывало его теплое тѣло, каждое слово свивало паутивно-душныя нити, тѣсно давившія ибжную грудь цвѣтущихъ желаній.

Всѣ они шли, сѣяли раны и боль, шли, разрушали преграды, отдѣлявшія теми отъ свѣтовъ, пеломъ крыли память о дальнемъ, минувшемъ, когда ребенкомъ грезилъ о мірахъ золотыхъ и о сказочномъ раѣ, грезилъ и ждагъ...

Вернуть, вернуть бы эти мгновенья, понестись бы на крыльяхъ безъ тоски, безъ оглядки по полямъ, по лѣсамъ...

Сны подползали, приводили съ собой мертвецовъ, приводили враговъ, горевали, сулили: то окружать сѣрой, безмолвной толпою, то чуть внятно бормочуть.

Заяли двери: не уйти, не вернуться.

За обидой ложились обиды, нарастаали, затопляли всю душу, — ни одно солнышко не взошло, не осіяло.

А горечь перегорала, осѣдала на ранахъ, руки тянулись, руки искали...

— О, отпусти Ты меня, отпусти на волю! — кричаю сердце.

И люди мелькали, глухіе, несчастные люди.

Слѣпые—не видятъ другъ друга.

И тоска пеленала, пѣла мнѣ темныя пѣсни.

Вернуть, вернуть бы эти мгновенья, понестись бы на крыльяхъ безъ тоски, безъ оглядки по полямъ, по лѣсамъ...

Матерь моя!

Къ Тебѣ—простертыя руки...

Тебѣ—мое сердце.

Тамъ, гдѣ зори жемчугъ росъ разсыпаютъ и вкрапляютъ красные камни въ лучи, тамъ свѣтится сердце.

Твое сердце.

Твое сердце—шопотъ лобзаний.

Подыми, подыми!

Сокрой покровомъ нетлѣннымъ, бѣлымъ, какъ снѣгъ родимой зимы, утиши мои вопли рокотомъ ласковымъ взоровъ пречистыхъ, обвѣй изболѣвшую, изглоданную мою душу.

Матерь моя.

* * *

На Покрова, въ слякотно-слезящійся вечеръ, пришедшіе на дикіе крики увидѣли его бьющимся, извивающимся отъ саднящей, жгучей боли.

И на грязномъ, щебнистомъ дворѣ отравленный онъ бился въ изсдранномъ бѣльѣ, бился, загрызая известку.

Отходили.

И смерть—желанная—принесла жизнь, а жизнь—испытание.

Онъ бросился, бросился съ головой, чтобы не слышать неизбѣнный, все одинъ и тотъ же голосъ, который ясно звучалъ, какъ только оставался самъ съ собой. А голосъ этотъ былъ страшнымъ молчаніемъ, которымъ плотно облеклась вся душа, дрожащая изъ пасти тяжкихъ ранъ.

Надо было оставить себя, надо было уйти въ другую жизнь, надо было отдать всего себя, отдать другому, для другого... надо было замереть на краю пропасти...

И пришли новыя бѣды, не замедлили.

Нѣсколько лѣтъ не слышно о немъ, потомъ находятъ его въ отдаленной сѣверной пустынѣ.

Говорятъ о дурной болѣзни, которой онъ захворалъ и лишился глазъ...

Говорятъ о тяжкомъ преступленіи, въ которомъ его обвинили, и ослѣпили...

Изъ пустыни онъ перешелъ въ Андроніевъ. Тутъ-то и прошла молва, будто бѣсы повинуются ему.

Дѣтямъ очень хотѣлось, чтобы о. Глѣбъ пришелъ когда-нибудь прудъ посмотрѣть.

Ужъ назначенъ былъ день. Да все несуразно пошло.

Утромъ вызывали мать въ домъ къ братьямъ. Дѣлалось это не рѣдко, и вызывалась она для того же самаго, для чего ловилась дѣти по субботамъ и послѣ ранней обѣдни.

Съ каждымъ годомъ Варенька опускалась все ниже и ниже.

Спальня ея обратилась въ грязный номеръ грязной гостиницы съ больнымъ бездомнымъ гостемъ: все было не на своемъ мѣстѣ, все было заставлено и раскидано, — закупоренныя окна, пыль, соръ, духота. За порогъ спальни ничья нога не переступала.

Вино покупалось открыто, покупалось въ большихъ размѣрахъ: пили монахи.

Возвратясь отъ братьевъ, Варенька заперлась...

А когда, спустя глухой часъ, она вышла въ залъ полураздѣ-

тая, красная, наткнулась прямо на Алексѣя Алексѣевича—такъ всѣ звали гимназиста, одноклассника Саши.

— Вамъ что?—спросила она, не узнавъ мальчика.

— Я къ Сашѣ,—отвѣчалъ тотъ, страшно смутившись.

— Шляются тутъ... всякіе... украдутъ еще...—она круто повернулась, заложила руки назадъ, и пошла...

Ошарашенный гимназистъ пошелъ домой.

Съ Финогеновыми Алексѣй Алексѣевичъ былъ знакомъ очень давно. Когда-то еще въ приготовительномъ классѣ вмѣстѣ съ Сашей дергали они въ звонки или, намѣливъ ладошку и два пальца и сдѣлавъ плевками глаза и носъ, припечатывали чертей на спины прохожимъ. Списывали другъ у друга задачи, extempore, переводы.

И по житію, и по обличью онъ мало чѣмъ отличался отъ Финогеновыхъ: вѣчно продранные локти, и заплаты—глаза вдоль сидѣнья, и безпризорность, и то, что гдѣ-то рядомъ живутъ такіе люди, которые все могутъ, а ты... и это «могутъ» ибѣтъ-ибѣтъ, да на тебѣ и покажутъ...

Раньше приходилъ онъ только по дѣлу: за уроками. А съ ибѣкоторыхъ поръ сталъ заходить такъ; жилъ недалеко отъ монастыря, по сосѣдству.

Палагея Семеновна послѣ некролога даже въ именины не показала. Рояль ибѣкоторое время не открывался.

Оказалось, Алексѣй Алексѣевичъ играетъ.

Вотъ и музыка пошла.

Зналъ онъ для своихъ лѣтъ много, зналъ то, чего не знали Финогеновы: читалъ книги.

Книги появились и у Саши.

Когда дѣти пришли изъ монастыря и узнали отъ Прасковьи, какъ Варвара Павловна выгнала Алексѣя Алексѣевича, и какъ тотъ ушелъ,—огорченіямъ и досадѣ конца не было.

За обѣдомъ излили злобу: они, одинъ за другимъ, подталкивали проходившую по столовой мать, подталкивали съ каждымъ толчкомъ слыше и грубѣй, подталкивали съ каждымъ прикосновеніемъ больше и жестче.

И та, едва держась на ногахъ, шараясь изъ стороны въ сторону, впередъ и назадъ, вправо и влѣво.

И полонъ ротъ ея дрожалъ въ слезахъ, и посинѣвшія губы дергались; и рвалась, скрежетала ругань и проклятія.

— Проклятые! Проклятые!

Въ прихожей она оступилась и, не удержавъ равновѣсія, ткнулась животомъ о землю.

Вдругъ встала, будто опомнилась, и пошла, пошла съ закрытыми глазами, молча, въ спальню.

Щелкнулъ замокъ...

— Проклятые! Проклятые!

И домъ притаился.

Ужъ прошло шесть и пробило семь, а о. Глѣба все не было... И стало такъ жутко, и страшно сердцу, страшнѣе всякой боли, страшнѣй самой горькой обиды

— Батюшка, благословите! — слышалось, наконецъ, обычное монастырское привѣтствіе о Гавріила.

И старецъ переступилъ порогъ.

Весь домъ на ноги поднялся.

Мать вышла нетвердо; прерываясь, съ надтреснутымъ хохотомъ, высказывали у нея слова.

Дѣти отъ стыда чуть не плакали: очень было замѣтно, а такъ не хотѣлось этого, такъ не хотѣлось...

Сѣли чай пить на террасѣ.

Былъ теплый, слегка затуманивающийся вечеръ конца весны. На пруду лягушки, будто рыдая, квакали.

Одинъ о. Гавріиль казался невозмутимымъ и благодушнымъ; старался занимать о. Глѣба.

И разговоръ о. Гавріиломъ начался. Сначала разсказалъ онъ о томъ, какъ о. Платонъ — «Навозникъ» и о. Авель — «Козье вымя», во время обѣдни вѣдрили другъ другу въ лохмы за кружку, потомъ перешелъ къ жизни «низкихъ душъ».

— Въ кельѣ Пирскаго, батюшка, родила на утренѣ, извините за выраженіе, его Манька, батюшка, двоешку.

Старецъ, не проронившій ни одного слова, казалось впивавшій всѣ невзгоды комматъ, вдругъ повеселѣлъ.

— Вотъ и хорошо, — сказалъ онъ, — вотъ и у насъ ребеночекъ родился: это Христось посѣтилъ нашъ мрачный храмъ, нашъ мертвый домъ...

— Батюшка,—заволновался о Гавріилъ,—а ну какъ до «Хри-
цуна»... до преосвященнаго дойдетъ?

— Да, —осунулся старецъ,—дойдетъ. Расскажутъ. Послушника
выгонятъ...

И старецъ замолкъ.

И въ ту же минуту каждый прочелъ въ своемъ сердцѣ горь-
кій упрекъ, каждый обвинилъ себя въ своей и чужой винѣ и
въ винѣ цѣлаго міра передъ самимъ собой.

И остріемъ острѣйшимъ входилъ этотъ упрекъ, входило то
обвиненіе, и уходили вмѣстѣ глубоко, глубже въ сердце.

Стало пусто, невыносимо, жить не хотѣлось, и всѣ голоса,
дотолѣ громкіе и внятные, замолкли...

— Ну, а прудь-то посмотрѣть?—очнулся старецъ.

И тотчасъ всѣ, съ матерью и о. Гавріиломъ, дружно повскакали,
схватили подъ-руку о. Глѣба и, чуть не бѣгомъ, прямо въ садъ.

И тамъ пространно затараторили — рассказывать стали о
яблокахъ и «кизельникѣ», и какъ они ихъ воруютъ, спибаютъ,
рвутъ, трясутъ.

Затащили въ купальню и, совѣмъ забывъ, что старецъ ни-
чего не видитъ, продѣлывали разные фокусы и диковинки.

— О. Глѣбъ, а о. Глѣбъ, а я то какъ, посмотрите, о. Глѣбъ,
я на одной ручкѣ!

— А я на спинкѣ!

— Сидя!

— Лягушкой!

— По бабью!

— Рыбой!

— Съ головкой внизъ!

— Ногами вверхъ!

И долго бы еще ныряли и проказили, — Прасковья помѣ-
пала: ужинать готово.

Мать совѣмъ ужъ оправилась.

И когда сѣли за столъ, было страшно шумно и весело.

Старецъ хохоталъ раскатисто и беззаботно, какъ хохотали
Саша, Петя, Женя и Коля.

Послѣ третьей о. Гавріилъ пустилъ себѣ въ жирный супъ
огромный кусокъ икры, стараясь щегольнуть передъ о. Глѣ-
бомъ своею свѣтскостью, но, забывшись, сталъ ѣсть руками.

— Ты, Гаврила, кильку съѣлъ?—подразнивали дѣти.

— Съѣлъ, душечка, съѣлъ.

— А еще съѣшь?

— Съѣлъ, душечка, съѣлъ.

Такъ до безконечности.

Далеко за полночь увезъ старецъ нагруженнаго о. Гавріила, на котораго кромѣ прочихъ бѣдъ напала еще безудержная икота.

И онъ икать, будто квакать.

И отъ холода никому спать не хотѣлось.

А разсвѣтъ, засинивъ бѣлыя занавѣски дѣтской, не спросилъ: что ты съѣлъ? зачѣмъ съѣлъ? — не заглянулъ тѣмъ страшнымъ, искаженнымъ лицомъ, отъ котораго бѣжать бы, бѣжать на край свѣта...

ХИ.

На Ивановъ день минуло Колѣ тринадцать.

До той поры не прочитавшій ни одной строчки и презиравшій книгу, Коля случайно наткнулся на Достоевскаго.

И Достоевскій былъ первымъ, который тронулъ его.

Строчки горѣли, закипали слезы.

Эпизодъ изъ «Мертваго дома» навелъ на мысль объ устройствѣ театра.

Когда-то давно, всего одинъ разъ возили дѣтей на «Конька Горбунка», и съ тѣхъ поръ разыгрывались оттуда разныя сцены: изображалось съ помощью тряпокъ, служившимъ ризами для игры въ «большіе священники», желтое поле, и кто-нибудь ржалъ и прыгалъ конькомъ, и жестикулируя, какъ въ балетѣ, являлся Иванушка, вымазанный сажей, будто въ процессіяхъ «избіенія младенцевъ».

Теперь рѣшено было устроить настоящій театръ и играть все.

Съ матери взяли подписку: она мѣшать имъ не будетъ, а они не будутъ просить денегъ.

Пошли собранія.

Происходили собранія наверху ночью и страшно тайно: бо-ались недоразумѣній со стороны матери. Обыкновенно снимали вину сапоги и на цыпочкахъ пробирались по лѣбтницѣ. А тамъ ужъ кипѣлъ самоваръ, и, открещивая окна и углы, укладывалась на ночлегъ Прасковья.

За чаемъ подъ тукъ и стрекотно разгарной лѣбтней ночи, уносились, Богъ вѣсть куда: чего-чего только не выдумывали, какихъ такихъ театровъ не воздвигали. Говорили наперерывъ, задыхались отъ клокочущагося нетерпѣнія.

Больше всѣхъ горячился Петя.

Рѣшили играть до 16 августа, непременно до этого нена-вистнаго дня, за спиной котораго торчитъ гимназія со своимъ отвратительнымъ казеннымъ лицомъ въ двойкахъ, съ вѣчно шмыгающими, скучными и злыми классными наставниками.

Но постройкѣ театра большое участіе принялъ о. Гавріилъ, натащившій всякаго хлама изъ своего свинухника-кельи.

Доски скрадены были ночью изъ плотницкой. Красть помо-гали фабричные, не меньше лѣбтей ждавшіе представленія.

Работали съ опаской, стараясь лишній разъ не стукнуть, не поднять голоса.

И вотъ послѣ долгихъ трудовъ, сцена готова.

На площадкѣ передъ террасой, подъ качелями, будто на кор-точкахъ примостилось какое-то первобытное строеніе—шалашъ, какой то дешевый сахарный домикъ, а на перекладинѣ качель-ныхъ столбовъ взвилась огромная афиша, изображающая зеле-наго чорта съ хохочущими глазками.

Всю ночь наканунѣ держали караулъ: управляющій Андрей—«воробей» грозилъ «зубать шалашную постройку» а дядя Игна-тій, проходя по саду, остановился и подозрительно наводилъ бинокль.

Хорошая была ночь, теплая, безъ облачка; продежурили ночь безропотно и, какъ на грѣхъ, къ утру застлалось небо, и на-крапывающій сонный дождикъ сърыми каплями-лапками поползъ по крышѣ и, проползая подъ доски, ползаль тамъ по липкимъ, мажущимся стѣбкамъ трясущихся кулисъ.

Чуть не плакали отъ огорченія, молились Богу, чтобы про-яснилось.

Передрались другъ съ другомъ отъ отчаянія.

Изякнулъ дождикъ къ вечеру. Побѣжали тучки, крохотныя, ясныя, принесли съ собою вечернюю синь съ талыми звѣздочками.

Заиграла музыка, — Алексѣй Алексѣевичъ изъ кожи лѣзъ.

Хлынула народу тьма тьмушая: фабричные, плотники, полочки съ огорода, ихъ знакомые и знакомыхъ знакомые и знакомыхъ пріятели.

Явился городовой Максимчукъ («въ нарядѣ»).

Наряженный въ голубую ленту и небывало высокую звѣзду изъ чернаго сафьяна, начальственно расхаживалъ онъ по рядамъ, пошелушивая подсолнухи и непечатно «балакая» съ публикой.

О. Гаврилъ важно разсѣлся въ первомъ ряду, нацѣпивъ на носъ для торжества такого пенснѣ безъ стеколь.

Онъ что то безъ умолку болталъ совѣтъ непонятное, будто по-французски и наблюдалъ за матерью, которая полдня, запершись, просидѣла въ спальнѣ.

* *
*

Занавѣсъ медленно отдергивается.

Боже мой, сколько разъ замираетъ и отлегаеть на сердцѣ, сколько волненія, какъ на экзаменахъ...

И какая безумная радость отъ этихъ встрепенувшихся хохотовъ, отъ всѣхъ лицъ, искаженныхъ гримасами, и этихъ прыскающихъ приемѣшекъ, и гудящихъ, визжащихъ восклицаній и криковъ одобренія.

У старухи-Колн вынотропился животъ.

Спившійся *твѣй*-Петя икаеть, какъ по настоящему, должно быть, и отъ лива настоящаго.

— Ха-ха-ха... хо-хо-хо... го-го-го... хе-хе-хе... хи-хи-хи...

Снова заиграла музыка.

Вышелъ Петя — зацѣлъ своимъ чистымъ тревожнымъ голосомъ, и звуки подкатились къ деревьямъ, окунулись въ созрѣвшей листвѣ и поплыли по пруду...

«Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанныки
Съ млага сѣвера въ сторону южную.»

И опять стало жутко, задрожали колѣнки.

Новая сцена.

Слѣдователь-Саша: Подать сюда Ивана Ананьева!

Купецъ-Женя: Ваше благородіе, ежели я вымазалъ горчицей лицо мальчишки, такъ я, провалиться мнѣ, ей Богу...

Будочникъ-Петя: Иванъ Ананьевъ, къ барину! Слышь, ты!

Изъ дверей выскакиваетъ, какъ только можно было изодраный, въ опоркахъ на босу ногу, съ подбитымъ глазомъ *Сапожникъ*-Коля.

Нахально озирается, потомъ, преглупо улыбаясь, переминается, хочетъ сказать что-то, разбѣваетъ ротъ...

— Это еще что за новости,—раздается вдругъ крикливый голосъ,—вонъ!—и среди дрогнувшихъ головъ мелкнула и повисла скрюченная рука дяди Алексѣя,—вонъ!

И, какъ одинъ человекъ, пошла толпа, повалила толпа, какъ дымъ, бездушно и вязко; а скрюченная рука Огорѣлышева не дрогнувъ, нависла, давила, и крикъ этотъ жилъ, хлесталъ по голѣй шеѣ, по лицу, и что-то ѣдкой пылью-жгутикомъ больно подгоняло вонъ, вонъ, вонъ...

О. Гавріилъ бросился на террасу, туркнулся въ дверь—заперто, къ окну—слава Богу! полѣзъ черезъ окно и застрѣлъ...

— Подожжете еще... никакихъ театровъ въ нашемъ домѣ... Примите это къ свѣдѣнію!—Алексѣй выкрикнулъ все это скороговоркой и, вздрагивая плечами, повернулся...

— У Достоевскаго вонъ на каторгѣ... театръ устраивали...—Коля не могъ докончить: крѣпкая пощечина хлестнула задорно-звонко по вымазанному лицу; смятый рыжіи картузь глухо шлепнулся на подмостки.

— Мерзавецъ!—плюнулъ дядя.

— И не посмѣешь п... п...—тогда закричалъ Коля на страшно высокой нотѣ, закричалъ... захлебнулся.

Сухія слезы брызнули изъ его раскрытыхъ глазъ и, смѣшавшись съ густымъ плевкомъ, стали разползаться, разбѣдая краску.

— Свиныя!—и, круто повернувшись, зашмыгалъ-полетѣлъ Алексѣй, и лицо его, улыбаясь шипящимъ, сухимъ ртомъ, болѣло отъ злобы.

Умереть?

Нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ, сердце разорвать, сердце разорвать...

И рыдало оплеванное заостренное сердце...

О. Гавриила, кричавшаго на манеръ свиньи, высвободили изъ окна съ помощью Кузьмы, городского, Степаниды, няньки и Маши. Рясу позабылъ, куда тамъ!—такъ пятки и засверкали.

Сидѣли на верху вокругъ самовара, какъ всегда.

Приготовленные къ подношенію дубовые вѣнки обиженно глядѣли со стѣнъ дѣтской.

Алексѣй Алексѣевичъ взволнованно взадъ и впередъ ходилъ по комнатѣ.

Храпѣла нянька.

— Ужъ зимой непременно устроимъ. Здѣсь устроимъ или въ залѣ...

— А на будущій годъ можно и занавѣсъ такую повѣсить, настоящую.

— Все играть будемъ...

Алексѣй Алексѣевичъ взволнованно взадъ и впередъ ходилъ по комнатѣ.

Зеленый чортъ, теперь ночной черный, зажегъ зелеными огнями хохочущіе глазки и, извивая длинный хвостъ, принялся въ неописуемомъ восторгѣ раскачиваться на влажной перекладинѣ.

А на него шла Осень красавица, — послѣдніе дни — упоенье несказанное — Осень, разсыпаящая тьмы путей — говорливыхъ звѣздъ, Осень, поднимающая золотыя хоругви, заставляя зеленый прудъ.

— Пожаръ какой, пожаръ пушу! — горѣло, раздувалось дѣтское сердце въ пожарѣ лютомъ.

ХШ.

Раннимъ утромъ, чуть еще брежутъ осеннія будни, и рѣдко ударяють къ «средней обѣднѣ», Женя и Коля отпраиваются въ училище.

Слякотное небо, слякотныя улицы, поскрипывая, раздирають мутные отъ лихорадокъ и тифа глаза; къ панертямъ подносятся покойниковъ бѣдныхъ съ колыхающимся желтымъ казеннымъ покровомъ вдоль досчатыхъ дешевыхъ гробовъ и пахнетъ перегорѣлымъ ладномъ и гниющей, заразной сыростью, и стаи воронъ, каркая кружатся и перелетаютъ, перелетаютъ и кружатся...

Такимъ отдаленнымъ казалось тогда то будущее, что непременно придетъ своевольное и огромное, то будущее, котораго хотѣлось, о которомъ всякій часъ и день смутно, но съ такимъ жаромъ мечтали дѣти.

Уроки тянутся надобливо,—все придирается и изводитъ: ба-тюшка обличаетъ Финогеновыхъ, позорящихъ домъ, благочестіе коего засвидѣтельствовано многими христіанскими добродѣтелями, русскій учитель вылавливаетъ въ сочиненіяхъ вольнодумства и горько стыдитъ за безграмотность.

Передъ партиою постоянно хранится книга и съ каждой пере-мѣной убываютъ правыя страницы, какъ съ каждой четвертью убавляются баллы по поведенію.

Не рѣдко набѣзжаетъ въ училище дядя Алексѣй, и пріѣздъ его—самая тягчайшая минута и безъ того обузой классной жизни. Приходится забираться въ самыя тайныя мѣста и тамъ высиживаться. А то позоветъ, придерется и для «острастки» выговорить.

Наступало воскресенье.

До ранней шла спѣшка: подчищались, вымарывались да под-правлялись колы и двойки.

Всякій разъ Игнатій просматриваетъ балльники и всегда остается недовольнымъ. Глядя куда-то въ сторону, онъ сухо го-воритъ о лѣни и шалопайствѣ, о томъ, что вотъ Сеня меньше пятерки никогда не получалъ, что надо учиться хорошо, потому что средствъ къ жизни никакихъ нѣтъ, что живутъ они на чу-жей счетъ, что со временемъ, если только ихъ не исключать, все равно придется взять изъ училища и отдать въ сапожники...

Дома послѣ долго и кропотливо восстанавливаются отмѣтки: выводятся колы и двойки съ росчерками и замысловатыми за-витушками грека, русскаго, историка, физика.

И комнаты тряслись отъ хохота.

* * *

Въ домѣ произошли большія перемѣны.

На Воздвиженъ умерла бабушка, умерла одна, забытая, въ палатѣ для слабыхъ. Извѣщеніе о смерти пришло много спустя послѣ похоронъ.

А еще лѣтомъ, предчувствуя конецъ свой, она спрашивала дѣтей: придутъ ли дѣти на отпѣваніе, принесутъ ли свѣточ-ковъ?

«И ты, Колюшка,—выдѣляла бабушка,—придешь, вспомнишь

ли, какъ старуху обижалъ да обманывалъ? А мнѣ и хорошо будетъ, свѣтло изъ гроба смотрѣть... сердцу весело.

Издохъ Наумка.

Вырыли дѣти ямку, положили кота въ ящикъ, убрали усатую мордочку послѣдними цвѣтами — осенними астрами и зарыли подъ вербой около террасы.

На качельномъ столбѣ выцарапалъ Коля эпитафію: «Наумка—мой ровесникъ, скончался 25-го сентября».

О. Юсифъ—«Блоха» добился таки лампадки и единственный разъ въ году, когда для приличія Алексѣй причащался, удостоивался поднести ему просфору.

О. Гавріилъ — «Дубовыя кирты» въ санѣ іеромонаха вмѣстѣ съ преосвященнымъ «хрипуномъ» перешелъ въ лавру и больше не бывалъ у Феногеновыхъ.

Сапожника Филипка, Степанидина сына, засадили въ острогъ.

Умеръ и ночной сторожъ Аверьянычъ. Нашли Аверьяныча въ сторожкѣ съ тряпкой въ беззубомъ ртѣ и окоченѣвшаго.

На его мѣсто поставили кузнеца Ивана Давилова, окривѣвшаго отъ искры на правый глазъ.

Наконецъ, разочли горничную Машу: «путаться стала».

Уходя, Маша на весь домъ плакала: уходить не хотѣлось. И всѣмъ было горько: такъ бы, кажется, удѣлился за ея бѣлую юбку въ маленькихъ голубенькихъ цвѣточкахъ и никогда и нигуда не отпустилъ бы отъ себя.

«Погибла, дѣвка, погибла—таковская!—ворчала Прасковья, а трясущаяся рука совала въ горячую руку «пропащей» отложенный большой рубль.—заходи когда, чего тамъ: всѣ мы... таковскія».

Машу замѣнилъ Митя, сынъ Прасковьи, окрещенный въ первый же день Прометеемъ. Прометей помѣстили въ дѣтской, а Прасковью перевели въ столовую за занавѣску.

* * *

Вечерами Петя по прежнему диктовалъ Женѣ и Колѣ. Тутъ же съ перомъ въ рукѣ усаживался Прометей, наловчившійся въ какой-нибудь мѣсяцъ до золотой медали, какъ самъ хвасталъ. Въ извѣстные сроки Прометей запииваетъ.

Пьяный, онъ долго и однообразно играетъ на гармоньи. А

когда начинаетъ темнѣть, странное безпокойство охватываетъ его; онъ поминутно вскакиваетъ:—и все порывается куда-то домой, тянется весь, пока не выронить гармонь и не выскочить на улицу. И только къ утру возвращается. Нагишомъ. Всякій разъ ему отказываютъ и снова принимаютъ голоднаго и темнаго.

Носить Прометей тужурку съ серебряными пуговицами, пердѣланную изъ изодранной гимназической шинели, а на ногахъ шмыгаютъ резиновыя калоши.

Въ праздники же надѣваетъ коричневую визитку и штіблеты безъ стука.

— Какъ у настоящаго солитера! — вертится Прометей, охорашиваясь передъ зеркаломъ, — пройтись теперь, да дѣвченку грудастую поддѣпнить, эхъ ты!

И, смакуя предстоящее наслажденіе, пускается описывать приключенія своей трактирной жизни. Восторгается, вспоминая гостей, которые хорошо на чай давали. «Не то, что шульникъ какой: натрескается, набѣгаешь всѣ ноги изъ-за него, а онъ тебѣ еще въ морду!»

Потомъ ударяется въ воспоминанія изъ своего житія въ Зоологическомъ Саду, гдѣ занималъ онъ какую-то нечистую тяжелую должность при слонѣ... во время случки.

Голоса у него отродясь никакого не было, но согласиться съ этимъ—лучше умереть, одинъ конецъ, и, вытягивая длинно губы и присѣдая, Прометей пѣлъ:

— Ну-ка, послушайте, — бывало, останавливаетъ онъ каждаго,—какъ, а?.. Не хуже тваво Шаховцова вывелъ, ловко?

— Прометей, а Прометей!—пристываетъ, лукаво ощериваясь, Коля,—хвати, Прометей, многолѣтіе съ перекатами!

И Прометей принимался орать,—оралъ во всю мочь, оралъ до хрипоты, до удущья, пока не засаднить горло.

Когда приходитъ Алексѣй Алексѣевичъ, начинаются разговоры.

Прометей, изгибаясь, таинственно выпрашиваетъ: не грянетъ ли сызнава русско-турецкая война, и не объявился ли гдѣ Наполеонъ Бонапартъ?

Надъ его кроватью висѣли раскрашенные портреты во весь ростъ Скобелева и Наполеона.

— Какая еще тутъ война?!—огорашиваетъ Алексѣй Алексѣвичъ,—голодь, люди мрутъ... Людей насилуютъ, людей давятъ. Безобразіе...

— И жить не стоитъ, коли такъ,—примолкаетъ Прометей.

И вся его истощенная фигурка, жаждущая отличиться, горбится больно, и онъ идетъ къ столу, отыскиваетъ клочекъ бумажки и съ какимъ-то отчаяніемъ своимъ красивымъ почеркомъ выводитъ подпись съ завитушками: «генераль-лейтенантъ, генераль-отъ-инфантеріи, наказный атаманъ Войска Донского, генералиссимусъ Дмитрій—Прометей Мирскій...»

* * *

Въ душѣ Саши произошелъ рѣзкій переломъ: изъ болтуна превратился онъ въ замкнутого и скрытнаго. Всѣхъ избѣгать сталъ, уединяться: сядетъ и сидитъ—читаетъ, а потомъ молиться примется.

Съ какого-то вечера начались въ домѣ бесѣды.

Тихимъ, избогѣвшимъ голосомъ необыкновенно увлекательно рассказывалъ Саша о подвижнической жизни, проповѣди, о мученикахъ, о скитѣ, о монастырѣ, и видѣлся старый монастырь гдѣ-то въ дремучемъ лѣсу, на днѣ «свѣтлаго озера», и изъ пекла страданія выплывали омытые огнемъ осіянные лики.

— А какъ насчетъ военныхъ дѣйствій?—не разъ перебывалъ Прометей, прислушиваясь къ разговорамъ.

Алексѣй Алексѣвичъ, ехидно улыбаясь, подносилъ самыя отборныя факты изъ очертѣвшихъ буденъ и, горячася, огульно выбранивалъ всѣхъ и вся...

— «Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго...» въ монастырь итти хотите? душу спасти хотите? а подъ носомъ вѣшать будутъ... Благословите ихъ! Хо, хо! лучше запритесь въ нужникъ...

Скоро верхъ обратился въ моленную. Саша шилъ себѣ что-то въ родѣ подрясника изъ халата, перешеднаго вмѣстѣ съ старымъ бѣльемъ отъ дядей. Начались службы.

За акаѣистами, вечерней и повечеріями выстаивали до глубокой ночи, выбивая поклоны и мучая себя всевозможными лишеніями.

И такъ все шло, разрастаясь и углубляясь, съ Рождества

вплоть до пятой недѣли Великаго поста, пока на столнїи Марїи Египетской послѣ канона за сенаксаремъ Коля не выкинулъ одну штуку: позванивая маленькимъ колокольчикомъ и строясь приходскимъ старостой, прошелся онъ съ тарелкой, а сзади сѣменилъ Женя съ блюдишкомъ, будто съ кружкой.

И это было тѣмъ шлевкомъ, что навсегда пятнитъ незапятнанное, было скользнувшей улыбкой, что поражаетъ смертельно, было тѣмъ заостреннѣйшаго ножа, было тѣмъ молчаніемъ, которымъ рѣшается жизнь и смерть.

Что-то хрунуло и потонуло въ сверкающемъ хохотѣ.

Незамѣтно перешли къ игрѣ, развлеченію: распѣвали на разные гласы іермосы, представляли знакомыхъ дяконовъ и священниковъ.

А тутъ весна, рамы — вонь. Подкралась весна, зашептала сладко, засулила ярую жизнь. Пойдешь за ней — выпьешь ярь до дна изъ теплыхъ рукъ. Ишь, какая туча синяя да большущая за монастыремъ полегла, раздавить она бѣлую колокольню, бѣлыя башенки!

— Поповство — ворчалъ не хуже пльнки Алексѣй Алексѣевичъ, — не люблю я этого фарисейства. Давно бы бросить пора...

* * *

По случаю поздней Пасхи экзамены начались у всѣхъ рано. Прометей ушелъ весь съ головой въ жизнь гимназистовъ и не меньше ихъ тревожился.

Ура, латинскій порѣшил!

Геометрія дрянная

Лѣзетъ въ голову весь день —

— распѣвалъ онъ собственный стихъ на манеръ: «Ура Пѣшковъ, тебѣ награда за дальній путь твой предстоитъ».

Потянуло Пасхой.

Съ Чистаго понедѣльника началось лѣвленіе огромнѣйшей свѣчи изъ маленькихъ свѣчекъ и огарковъ; свѣча предназначалась для крестнаго хода, чтобы почудиѣй было.

На утренѣ въ Великую субботу Петья въ первый разъ особеннымъ распѣвомъ читалъ: «Іезекїилево чтеніе», а за обѣдной пѣль по театральному: «Воскресни Боже, суди земли».

Такъ было весело — хорошо, такъ разыгрались, столько вспыхнуло живымъ огнемъ затѣй — проказъ въ этотъ годъ, въ такіе дни... въ дни послѣдніе...

XIV.

Въ девять ударили къ Страстямъ.

И стало такъ грустно, словно уходилъ кто-то, дорогой безконечно.

Охъ, этотъ звонъ погребальный — надъ всѣмъ домомъ пропѣлъ ты свою страшную пѣсню, пропѣлъ надъ Пасхой, надъ Христомъ... невоскресшимъ...

Съ обѣда всѣ отдыхали. И сквозь незадернутыя занавѣски засматривало солнце и, посмотрѣвшись, закатилось. Прошлись мимо, повернулись тучки и уплыли. Нашли сумерки, вечеръ пришелъ и глянулъ, чуть говорливый, блѣдный, въ домъ.

Прикурнувшему Колѣ показалось, вошелъ въ комнагу старикъ—нищій, сгорбился весь страшно и сталъ передъ кроватью. Очень старикъ на покойника Аверьяныча похожъ, и штаны такія же старья, мышинья...

Что это онъ глядитъ такъ?

Что собирается сдѣлать?

— Чего тебѣ нужно?

— Кто ты?!

Тутъ захолонуло отъ ужаса на сердцѣ, руки одеревенѣли, и мысли помутнѣлись.

Коля шелъ по деревнѣ, — должно быть, это и есть деревня: бѣлая церковка и двѣ неровныя, покатыя стѣны почернѣлыхъ избъ.

Огромная толпа мужиковъ и бабъ, толкаясь, обгоняла его. Но было тихо.

Необыкновенно красное солнце медленно заходило за колокольню, и ярко-зеленыя тучи невиданныхъ формъ мчались по небу.

Расталкивая толпу, оступаясь и прихрамывая, пронеслась мимо баба въ растрепанномъ красномъ платкѣ. Надъ ея головой горѣлъ острый кухонный ножъ.

И толпа, обезумѣвъ, бросилась за ней.

Коля шарахнулся въ сторону.

Кинулся къ избѣ.

Стукнулъ въ избу.

Открылъ дверь и будто очнулся.

— Завтра Пасха, — метались ужаснувшіяся мысли, — почему я сюда? зачѣмъ?..

И почудилось ему, вошелъ старикъ нищій, бормоча и нащупывая стѣны.

И не Аверьянычъ, совсѣмъ это не онъ; вонъ на волосатой рукѣ, какъ у отца, перстень заигралъ, вонъ усы зашестинились, вонъ...

— Пожаръ! пожаръ! пожаръ!!!

Коля вскочилъ изъ угла да къ окну.

Высунулъ голову...

Черныя тучи, черный подоженный океанъ дымился со всѣхъ концовъ.

Небо падало.

— Пожаръ! пожаръ! пожаръ!!!

И вдругъ надъ самой головой вспыхнулъ острый кухонный ножъ.

И тотчасъ снопы искръ пробили крошечную тьму, красный крикъ разодралъ горло и впился горящими ртами въ живое тѣло, его тѣло, поднятое, извивающееся въ костлявыхъ рукахъ старика-нищаго, старика-отца...

Въ Андроніевѣ звонили къ Страстямъ.

И было такъ горько, словно уходилъ кто-то, дорогой безконечно.

Охъ, этотъ звонъ погребальный—надъ всѣмъ домомъ пропѣлъ ты свою страшную пѣсню, пропѣлъ надъ Пасхой, надъ Христомъ... невоскресшимъ...

Коля заторопился одѣваться: всѣ ужъ на ногахъ были.

Тоска заливала сердце.

Скоро домъ и опустѣлъ.

Забрали куличи, пасхи, забрали Прометея и Степаниду и пошли.

Въ кабинетѣ Алексѣя буднично зеленый огонекъ мигалъ.

А прудъ былъ черный-черный...

Недомогавшая нянька осталась домъ караулить.

Она прошла въ залъ, зажгла лампаду, туркнулась къ запертой матери, перекрестила двери и окна и углы холодные.

Ей все чудилось: ходитъ кто-то по чердаку, лѣзетъ, шаритъ по террасѣ, ногой топаетъ.

Измаялась вся, пошла наверхъ и тамъ прилегла до звона на кровать Мити.

* * *

Мать, проведенная чадно цѣлую недѣлю, лежала теперь, не шелохнувшись, въ смертельномъ ужасѣ внизъ головой.

На ней лежалъ, такъ казалось ей, много больше ея роста деревянный темный крестъ, обшитый неровной, зазубренной жестью, и тяжесть креста, насѣдая, приплюскивала ея тѣло, и острый гвоздь креста ходилъ и царапалъ темя.

Монахъ съ красивымъ лицомъ и разсѣченной бровью, изъ которой тихо капля за каплей сочилась густая темная кровь, монахъ въ ярко-зеленой шуршащей, шелковой рясѣ, минуту назадъ мирно державшій этотъ черный крестъ, вдругъ изогнулся весь и бросился на Вареньку.

И они бѣжали по комнатѣ, и монахъ пропадалъ и появлялся, и настигалъ и хваталъ ее.

Глядѣла на нихъ тишина присмирѣвшая.

Наконецъ, обезсиленная, измученная, перепуганная бросилась она въ гардеробъ, забила въ платя...

Но костлявая рука нащупала, вцѣпилась, схватила ее тамъ и, вытащивъ вонъ, кинула ничкомъ на кровать.

И тогда хрустнула ее спина подъ навалившейся тяжестью черного креста...

Монахъ беззаботно расхаживалъ по комнатѣ, напѣвая старческимъ дребезжащимъ татарскимъ голосомъ:

Ты барыня—барыня,
Сударыня—барыня.

И мотивъ казался страшно знакомымъ и страшно близкимъ, и въ странномъ сочетаніи словъ слышалось тысяча понятныхъ, тысяча близкихъ, тысяча вѣрныхъ, тысяча родныхъ, ахъ! родныхъ сочетаній.

Надо что-то вспомнить, надо что-то сдѣлать, непременно сдѣлать, тогда уйдетъ монахъ, унесетъ крестъ.

Гвоздь, медленно вонзавшійся въ темя, вдругъ рѣзнулъ что-то мягкое, живое и, скрипнувъ, пошелъ по мягкому, живому.

Отъ невыносимой боли защемило сердце.

Черная вода, черныя искры прыснули изъ глазъ.

Варенька стиснулась въ комокъ, уперлась... да къ двери.

Уйдетъ монахъ, унесетъ крестъ.

А онъ стоитъ, раскинулъ руки. И руки длинныя, какъ крестъ, такія длинныя, такія длинныя до окна и отъ окна въ огородъ и до печки и отъ печки въ кухню.

Ты барыня—барыня,
Сударыня—барыня.

Нагорѣвшій фитиль—красный камень—предсмертно вздыхалъ.

Судорожно выдернула шпильку, стяхнула нагаръ.

Поствѣтлѣло.

Стало свѣтлѣе—страшнѣй.

По угламъ копошилось, липло, шуршало, всю душу тянуло, всю душу тащило съ корнемъ, тащило съ кровью, съ мясомъ, съ мозгомъ...

— Куда, куда ты?

— Туда.

Гвоздь, вѣзавшійся въ мозгъ, переломился.

Гвоздь переломился.

Хлестанула угарная волна. Стала хлестать по глазамъ, по глазамъ, по лицу.

А мимо летѣли, кружились, кричали, визгали безпокойныя искры, мимолетныя искры, ядовитыя, злыя...

Щипало... всю, всю.

Не осталось ни одного живого мѣста.

Минуту она стояла посреди комнаты въ этой угарной волнѣ недвижимая.

Вдругъ схватила какую-то тряпку, потомъ панталоны, мигомъ, какъ кошка, вскарабкалась на гардеробъ, нащупала крюкъ.

— Здѣсь, здѣсь... такъ...

Слѣшила, страшно слѣшила.

— Скорѣе, скорѣе... уйдетъ, унесетъ.

— Я уйду!

— А! а! ахъ!!!—Душать... ушатъ!—застоналъ, заоралъ кто-то старческимъ голосомъ и тамъ наверху и тутъ внизу.

Опять, опять... слабѣе, тише...

Вдругъ что-то оборвалось, глухо раскатилось и ударилось прямо въ стѣны, въ домъ,—и, вздрогнувъ, задрезбуждали окна.

И тьмы голосовъ кричали, кричали:

— Дуу-доонъ,—Дуу-доонъ.—Дуу—доонъ... Донъ! Донъ! донъ!

* *
*

Христось воскресе изъ мертвыхъ,

Смертію смерть поправъ,

И сущимъ во гробѣхъ,

Животь даровавъ.

Женя и Коля съ новыми бѣлыми съ густой позолотой свѣчами идутъ передъ батюшкой въ золотой кованной ризѣ, и сіяютъ ихъ лица, и сливаются сердца съ сердцемъ напѣвовъ, всколыхнувшихъ темную темь храма.

И кто это тамъ посреди нищей толпы, кто это тамъ въ свѣтлыхъ одеждахъ на понурья головы возлагаетъ руки свои, чей это голосъ, изъ скорбей выплывающій, надъ всѣми звучитъ голосами:

Миръ вамъ.

XV.

Въ домъ къ Огорблышевымъ дѣти не зашли: завтра успѣется, да и служба затянулась до разсвѣта.

Ишь, заря заиграла, и садъ и прудъ затучивлись голубымъ дыханіемъ, будто захотѣлось имъ еще понѣжить въ тепломъ снѣ, не зная пробужденія, не зная...

Распѣвая по двору, шумно вломились въ домъ.

Замки оборвали,—не достучались няньки: няньку ночью схватили душиль черти,—подняться мочи не стало.

Всѣмъ соборомъ съ Прометеемъ подступили дѣти къ двери спальни.

Туркнулись,—заперто.

Постучались еще и еще разъ,—ни звука.

Стучали, стучали.

Было тихо за дверью, такъ тихо.

И стало всѣмъ страшно.

Они закричали въ одинъ голосъ, закричали не своими голосами, чтобы непременно отперла дверь, непременно...

— Мама, отпри намъ, мама!!

И кричали, надаживались, колотили и руками и ногами въ дверь спальни.

И стало всё въ страшно.

Наконецъ, упираясь другъ въ дружку, сжались, стиснулись, надавили на дверь.

И тогда хруснуло что-то и, судорожно звякнувъ, отлетѣло.

Хряснула дверь спальни.

Петли, какъ оковы, со звономъ упали...

Споткнулись, за порогъ зацѣпились, подъ обухомъ приросли къ мѣсту.

Мать въ одной сорочкѣ... мать на крюку подъ потолкомъ... мать побагровѣвшая съ длиннымъ краснымъ языкомъ изъ чернаго запекшагося рта.

Закровенившіеся огромные бѣлки въ упоръ...

Скрюченные пальцы на заострившихся ногахъ...

И острые синіе ногти...

Густые проснувшіеся лучи лѣзли въ окно, ползли по комнатѣ, красили алымъ сорочку и ослѣпительно больно горѣли на опороженной пустой четверти, валявшейся на коврѣ у кровати.

Дѣти стояли, какъ вкопанныя, съ пригнутыми шеями, съ застывшимъ взмахомъ. Тупо.

— Уфъ-а?—и, задрожавъ всё въ, всё въ тѣломъ до послѣднихъ дрожей, Жеця закусилъ курточку Коли.

Тогда Саша и Петя бросились къ матери.

Набросились на нее,—спасти хотѣли!—схватились за ноги,—спасти хотѣли!—повисли на ногахъ,—спасти хотѣли!—и, повисая, откачнулись, раскачались—раскачались и полетѣли...

И летали, какъ на гигантскихъ качеляхъ.

И вышибло крюкъ, оборвалась петля.

Громомъ грохнулся на полъ трупъ.

Мертвецъ, полуживой и живой барахтались. Сдѣлать что-то хотѣли, поправить что-то хотѣли, спасти хотѣли... и царапали, мяли другъ друга съ запыхавшимся обморочнымъ сапомъ.

Терлись спина и спина, терлись животъ и животъ, терлись грудь и грудь.

Крошащаяся известка, сухая душная пыль, погребая, падала. Прибѣжавшая на суматоху Степанида и приползшая сверху нянька кричали озвѣрѣлыми голосами:

— Караулъ! караулъ! батюшки, помогите!

-- Караулъ! караулъ! караулъ!—кричало въ отвѣтъ благимъ матомъ гдѣ-то далеко за дворомъ, за прудомъ.

Повскакали фабричные.

И комната наполнилась, комната биткомъ набилась суетящимся народомъ и тупымъ крикомъ.

Тутъ выволокли трупъ на дворъ и съ гиканьемъ принялись качать—подкидывать удушенника, будто утопленницу.

Домъ шарили, по чердаку рыскали, подъ террасу засматривали, искали вора.

Иванъ Даниловъ видѣлъ...

На огородѣ съ отдавленными хвостами Розикъ и Мальчикъ были.

Нянька сердцемъ плакала.

XVI.

Желтый со стиснутыми зубами застылъ Свѣтлый день.

Колокола орали.

Подпилъ дворъ, разгулялся.

Фабричные гурьбой пошли.

Шатались—шатались,—пристанища нѣтъ нигдѣ.

Задѣвали.

Разъ сто подрались.

Павель Пашковъ, отецъ Машки, надъ которой дѣти такъ издѣвались когда-то, растрепанный съ слипшимися волосами, озлобленный и пьяный, съ ножомъ бѣгалъ, зарѣзать стращаль.

Послѣ обѣда спать не легли, въ орлянку заиграли.

Разгорячились.

За сердце схватило.

Стѣнка на стѣнку пошла...

Загладѣли.

Прилетѣвшій унимать драку, врѣзался Алексѣй въ толпу.
Крякнувъ, осѣла толпа.

Да Павелъ Пашковъ на дорогѣ:

— Стой!—волкомъ завылъ: дождался бѣдняга.

И, тотчасъ хлюпнувъ, что-то тяжело ткнулось въ вязкую
землю.

На землѣ ничкомъ Алексѣй лежалъ.

Съ пробитымъ черепомъ давилъ его Павелъ Пашковъ.

И кровь хлестала, брызгала, липкая.

Съ огромнымъ полѣномъ Андрей еле духъ переводилъ: спастъ
хозяина.

И кровь хлестала, брызгала, липкая.

Тогда заревѣла взбѣшенно зловѣщимъ ревомъ толпа.

Закипѣла, пошла, понеслась.

Мяла, давила, росла.

— Бей! бей! бей! бей!

Всѣ свои руки въ мозоляхъ, всѣ свои руки въ копоты она
подымала.

Голубой воздухъ зачернился.

— У-у-у...

Усталые глаза напоились жизнью.

Темнымъ окомъ свѣтъ свой прозрѣли.

— Бей Огорѣлышевыхъ! бей отродье поганое! бей его!

Надругались, напотѣвились надъ ругательствомъ, надъ своимъ
позоромъ...

По косточкамъ мясо живьемъ разнимали...

— У-у-у...

Вытгивали жилу за жилой, за каждую слезу,—какъ много слезъ
въ камни ушло, прудомъ выпито, развѣлось дымомъ, пошло по міру.

Прогнили стѣны отъ умирающихъ вздоховъ.

Каждый день...

Ночь и день...

Ночь и день...

— Бей! бей! бей! бей!

— Тащи Игнатку!

— Луни его, лупи змѣю!

— Скус-наго!

— У-у-у...

— Антихриста!

— У-у-у...

Фабричный свистокъ на крикъ свисталь.

И въ мигъ загремѣло, и въ мигъ застучало, зазвенѣло, забило, затопало.

Лязгало, бухало, орало, орало...

И вопли бабъ разсѣкали дѣтскій крикъ, и пискъ рѣзали крики, и гоготъ разрывалъ и тушилъ стонъ, и лошадиныя морды, фыркавая, бѣшено ржали.

Прудъ взволновался, прудъ глоталъ, хохоталъ, хохоталъ, хохоталъ...

*
* * *

Христось воскресе изъ мертвыхъ,
Смертію смерть поправъ,
И сущимъ во гробѣхъ,
Животъ даровавъ.

— Вы, ты, ты—взвизгнулъ Алексѣй, вбѣжавшій въ залъ блѣдный, испачканный кровью и грязью—вы на моемъ дворѣ! спеціалисты! на дворѣ, а! бунтъ, спеціалисты! мать изъ-за васъ! довели! И я, да, довели!

Дядя хлопнулъ дверью.

Хлопнулъ дверью, выбѣжалъ вонъ.

Было тихо, такъ тихо въ домѣ,

Блѣдно-красный свѣтъ свѣчей горѣлъ и дымился душнымъ огнемъ.

И румяно-бѣлыя шторы, алѣя, гасли.

Метались.

О. Глѣбъ, служившій панихиду, вдругъ выронилъ свѣчку и, простирая посинѣвшія руки, уналъ у гроба.

Извивалось въ корчахъ все его тѣло, пальцы мышами бѣгали, ловя что-то по полу.

Сѣрая пѣна колотила-билась на страшномъ скошенномъ лицѣ.

Метались.

И когда, отдышавшись, ушелъ о. Глѣбъ къ себѣ въ монастырь, когда нагринула она неожиданная, костлявая ночь, и костромъ запылало навсегда утерянное,—наполнялись комнаты страхами.

Поочередно читалась псалтирь.

Схваченные тугимъ обручемъ ужаса, дѣти стояли у гроба.

Стояли не шелхнувшись, не оглядываясь.

Тамъ въ раскрытой спальнѣ явственно копошилось что-то.

Сновали тѣни—желанья несказанныя, жизнь не изжитая...

И кто-то подходилъ и стоялъ за спиной близко.

И руки простиралъ длинныя-длинныя крестомъ за бѣлый саванъ... за бѣлый саванъ въ садъ.

Вата въ гробу подымалась...

Подымалось холодное спеленутое тѣло...

И давила сердце тоска смертельная, а сердце безслезно плакало.

Нѣтъ, не приходилъ Тотъ, свѣтлый и радостный, не говорилъ скорбящему міру:

Миръ вамъ

XVII.

Унесли гробъ.

Забилы его черными гвоздями.

Подъ материнское сердце положили въ вымерзшій склепъ.

На поминкахъ дѣти напились до безчувствія.

И пошла жизнь своимъ чередомъ отъ дня до ночи и отъ ночи до дня.

Каждое утро приходилъ теперь управляющій, Андрей, и отдавалъ приказанія; его и слушаться велѣли.

Вернувшійся изъ-за границы Сеня и не подумалъ возстановить связи съ двоюродными братьями.

Назначенный директоромъ Огорѣльшевскаго банка, былъ онъ занятъ своимъ положеніемъ.

«А мало ли что было, кто не грѣшень!»

Саша въ университетъ поступилъ, и цѣлыми днями пропадалъ у Алексѣя Алексѣевича. Сошелся онъ съ его братомъ Сергѣемъ, у котораго свой кружокъ былъ.

Колѣ очень хотѣлось попасть хоть одинъ разокъ на собраніе, но Саша и слышать не хотѣлъ: такой тайной облеченъ былъ этотъ кружокъ.

Петѣ ужъ семнадцатый шель, а гимназіи конца краю не видно было: оставался онъ на второй годъ чуть ли не въ каждомъ классѣ.

Петя, Женя и Коля тѣснѣй зажили.

Ходили они на богомолье за много версть отъ дома и всегда съ Прометеемъ, нагруженнымъ мѣшкомъ сухарей и бутылкой за пазухой.

Глядѣло небо на нихъ открытое, лѣсъ листвою шелестѣлъ, царепаль вѣтками, ноги корнями трудилъ, а поле колыhalось—дивилось цвѣтами и травами, вѣяло вѣяньемъ пѣсеннымъ, смѣялось и плакало.

Да такъ смѣялось, да такъ плакало, легъ бы на эту душистую землю, обнялъ бы ее всѣмъ своимъ тѣломъ и никогда и никуда не отпустилъ отъ себя.

Полные хвороста овраги почлегъ готовили. Проливной дождь спины сѣкъ, солнце палило кожу, покрывало потомъ и пылью загорѣлыя лица.

А кругомъ — кругъ дали незатоштанной, безпроторной, широкой.

Да такой широкой, ни глазомъ, ни ухомъ, и хотѣлъ бы обнять,—не обнимешь.

Въ монастырѣ у о. Никиты останавливались. О. Никита—«Глисть» когда-то жилъ въ Андроніевѣ.

Тошій, съ голымъ черепомъ. Узенькая трясущаяся сѣдая бороденка. Вытаращенные мутные глаза. Неистошимо болтливъ. А вретъ необычайно.

Келья крохотная въ перегородочкахъ. Надъ трапезнымъ столомъ ярко-намалеванная картинка «Блудъ», изображающая жирную съ огромными грудями женщину въ кумачномъ сарафанѣ, у которой вмѣсто ногъ—чешуйчатая желтая лапки.

И этотъ «Блудъ» былъ поджигающей искоркой для воспоминаній и разсказовъ вообще.

Поглаживая одной рукой бороденку и размахивая другой, упившійся о. Никита приходилъ въ неописуемый азартъ и въ заключение всякій разъ ронялъ рюмку. Глупозабавный стонъ разбитого стекла покрывался хохотомъ, и хохоть разлетался далеко за ограду.

— Монахъ-дуракъ! — Монахъ-дуракъ! — бессмысленно высвистывалъ скворецъ, вышпрыгивая изъ-за перегородки.

Финогеновы принимались привѣтливо. Подростковъ братія особенно любила. Кругомъ глушь, о жилѣ и помину нѣтъ. Зимой бѣлый снѣгъ да черныя деревья да колокола.

Уставъ—скитскій: женщины въ монастырь доступа не имѣли, за исключеніемъ какихъ нибудь двухъ-трехъ праздниковъ.

Въ монастырѣ много жило мальчиковъ-монашковъ, составлявшихъ удивительно стройный хоръ...

— Есть у насъ Сарра,—ухмыляясь, подмигивалъ о. Никита,—бестія... Да. Голосъ херувиму подобенъ, а ликъ блудницы... Иеронимъ съ Нафанаиломъ изъ-за мальченка намедни поцанались... Хе-хе-хе...

Прискучивалъ монастырь, сосало подъ ложечкой,—домой возвращались.

Настигни ночь—долго въ дверь приходилось стучаться.

— Кто васъ разберетъ, дѣвушка?—спросонья встрѣчала Прасковья, высовываясь головой въ форточку,—можетъ, вы и воры, аль разбойники...

— Маменька, отопри Христа ради,—просилъ Прометей,—голубушка, жрать больно хочется!

— Мало што. И кто объ этакую пору шатается? Слава Богу, не постоялый дворъ! Прими, дѣвушка, копѣчку и иди по добру, по здорову.

Только когда подходилъ Прометей къ самому носу матери и начиналъ вертѣть лицомъ и очериваться,—нянька узнавала и шла отпирать...

Проспавшись, съ утра садились играть въ «Короли».

Вмѣсто бабушки Анны Ивановны постояннымъ жильцомъ была Арина Семеновна—«Эрихъ», сестра Прасковьи.

Въ очкахъ, беззубая, поводила она табачнымъ носомъ, выскивая всюду и вездѣ одни непорядки. Нюхала здорово.

За картами плутуютъ, задираютъ, ссорятся.

— Институтка,—подтруниваетъ Прометей надъ теткой,—подвали, братъ!

— Шестерка,—шипить Эрихъ.

Послѣднимъ чиномъ всегда остается Прасковья, надъ которой долго и много смѣются.

Убито вздыхая, огорченная, садится она за штопанье, а штопанья съ каждой стиркой прибавляется корзина за корзиной.

Вечерами отправляются въ церковь къ храмовому празднику.

Тамъ время проходить весело: съ усилениемъ протолкавшись сквозь давку къ амвону, возвращаются къ паперти и, измученные, толкуются опять къ амвону.

Стараются давить на ноги и пихать кулаками подъ что ни попало. Переругиваются.

— Бѣшеные!—огрызаются молящіяся.

По четвергамъ и понедѣльникамъ, ходили на бульваръ музыку слушать.

Приходили туда спозаранку, когда, кромѣ одинокихъ паръ да ребятишекъ, копошащихся въ грязновато-сѣромъ сыромъ песку, никого не было.

И только когда скрывалось за дома солнце, набиралась публика; всѣ аллеи затоплялись, и двигались, и двигались гуляющіе куринымъ шагомъ, пыльной стѣнной взадъ и впередъ.

А ночь зажигала по мостовымъ каплей своихъ свѣтильных вѣвъ-звѣздъ тусклые фонари и пластомъ залегала надъ дремлющимъ днемъ, отравленная и непокойная.

Все переѣшивается, сростается въ шумяще-крикливое, расползающееся тѣло.

Мальчишки, унизывающіе всѣ выступления и карнизы эстрады, гикаютъ и свистятъ.

Шныряютъ назойливыя бутоньерки.

Цвѣты, мыло, потъ, пезальчечная болѣзнь, все это кутаетъ смеркающійся бульваръ.

Внимательно слушавшіе музыку, выбираютъ теперь Фигогеновы на главную аллею и принимаются упорно приставать, не пропуская ни одной женщины.

Короткія и изодранныя ихъ шинели бархатить сгущающаяся тѣма—эта баловница изъ баловницъ и потворница изъ потворницъ.

Завязывается множество мгновенныхъ знакомствъ и все съ такими красивыми, съ такими хорошими и такъ просто, легко, безъ стѣсненія и безъ приличій...

Послѣдній музыкальный номеръ: «желѣзная дорога».

И сколько треска и звона и хлопанья!

Всей гурьбой, озираясь, направляются въ пивную. И тамъ, отпивая жиденькое дешевое пиво, ѣдятъ сухарики, воблу и всякую гадость.

Пивную запирають.

Уходить,—а куда пойдешь въ эту ночь?

И нехотя и медленно плетутся домой. И поютъ, орутъ на всю улицу, пристають, останавливають прохожихъ женщинъ.

Отъ одного бульвара дорога къ веселымъ домамъ повертывается. И они повертывали.

Въ дороге не рѣшались... Выбрали который похуже.

Войти въ дома ухитрялись всякими манерами: то съ видомъ до нельзя пьяныхъ, а то будто и по настоящему...

И хохочутъ, насмѣхаются женщины надъ напускнымъ ухарствомъ, надъ смущеніемъ, невольно пробивающимся на вспыливающихся еще дѣтскихъ щекахъ, и только одинъ Прометей, раскуривая папирску, съ сознаниемъ собственнаго достоинства, какъ заправскій гость, какъ у себя дома, расхаживаетъ по заламъ.

Скрипачъ настраиваетъ скрипку, играть пробуетъ.

И сколько тоски, боли въ этихъ звукахъ, увязающихъ въ спертгомъ дыханіи завтрашней смерти.

Земля обѣтованная!

Крылья мои бѣлыя, тяжелыя вы въ слипшихся комкахъ кровавой грязи...

Земля обѣтованная...

Если силой не выпроваживаютъ, то все равно уходить приходится.

И прыщеватый вышибало съ обидной ужимкой мѣлуется на спинѣ каждаго непрошеннаго сѣрый крестикъ въ знакъ позора и презрѣнія.

И вотъ поздною ночью съ надорваннымъ и неутоленнымъ желаніемъ чего-то хорошаго и страшно привлекательнаго, что вотъ совѣмъ подходило и миновало, съ желаніемъ любви и ласки, они не могутъ замкнуть глазъ, и этотъ позорный крестикъ жжетъ спину.

А утро пасмурное и ясное утро сулитъ ту же старую жизнь.

И такимъ отдаленнымъ, такимъ недосыгаемымъ встаетъ будущее, непременно своевольное и огромное, котораго такъ хотять, такъ ждуть...

XVIII.

Ее звали Маргариткой.

Было ли это крещеннымъ именемъ или прозвищемъ того дома, гдѣ жила Маргаритка, но такъ величали ее и Аграфена Ананіевна—хозяйка съ деревянно-одутловатымъ лицомъ и чрезмерно-полнымъ бюстомъ, и товарки, начиная съ малюсенькой Кати и кончая великаншей Пашей, даже вышибало Василій, отправляя свою ночную службу, теноркомъ покрикивалъ:

«Маргаритка, брысь ты, сукина чертовка, брысь говорю, рожу раскрою, Маргаритка!»

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ начала она помнить себя, лишь одно знала: во что бы то ни стало нужно бѣгать за прохожими и приставать подать ради Христа копѣчку.

Пока въ кулачкѣ не наберется двугривенный.

И все ея маленькое, худенькое тѣльце ежедневно прихлопывалось однимъ единственнымъ желаніемъ, одиноко-впивающеюся, нераздѣльною мыслію.

Прихлопывалось со всѣхъ сторонъ, прихлопывалось непременно съ утра до поздней ночи и ночью въ дѣтскомъ, зябкомъ и голодномъ снѣ нищенки.

Какъ то присмирѣвшимъ темнымъ осеннимъ вечеромъ попался на дорогѣ старичокъ одинъ съ большимъ зонтикомъ за-тащилъ дѣвочку за кузницу...

— потеръ тряпкой и вотъ что далъ!—разсказывала послѣ дѣвочка, показывая новенькій золотой дѣтямъ-нищимъ, съ завистью топотававшимся вокругъ нея.

За золотымъ бумажка, за бумажкой—гривенникъ, а тамъ и въ часть взяли.

Въ части билетъ выдали.

Такъ и пошло.

Пятнадцати не было, встрѣтилась она съ Аграфсеной Анапьевной.

Хозяйка то и знай похваливала Маргаритку и за проворство и за лакомства, какія та гостямъ дать могла.

— Изъ всѣхъ дѣвушекъ,—рекомендовала она своимъ приторнымъ голосомъ, клекотавшимъ площадной руганью,—Маргаритка у меня—чистая, ласковая, сахарная и по-французскому можетъ...

— *Каманъ саваль*, Настасья Анапьевна!—подтверждала Маргаритка, появляясь невинная съ павлиньимъ хвостомъ.

— *Мирсити*, го-го-го!—одобряла хозяйка, рвотно кривя свои синія губы.

* *
*

Когда Коля въ своей драной шинелишкѣ съ вытертыми золотыми пуговицами, посреди которыхъ отъ носки масломъ расходились кирпичныя, ржавыя пятна, пробирается по переулку и затаенно, будто мимоходомъ, занятый очень серьезнымъ и важнымъ дѣломъ, посматриваетъ на окна двухъэтажнаго дома, выдѣланнаго разнодѣтными камушками подъ мозаику,—въ домахъ растворяютъ ставни.

Въ одномъ изъ верхнихъ высокихъ оконъ появляется Маргаритка—такая маленькая, остроглазая, съ розовымъ, вздернутымъ носикомъ и низко спущенной на бѣлый лобъ холкой темныхъ душистыхъ волосъ.

Она скалитъ свои острые, кошачьи зубки, глядя куда то по-
верхъ низкой, угольной крыши дешеваго, противоположнаго
дома.

Крохотныя напудренные грудки выходятъ изъ широко-вырѣ-
заннаго ворота и, какъ двѣ глыбки, таютъ подъ закатнымъ лу-
чемъ золотымъ, малиновымъ, и кажется, это руки осовѣвшаго
солнца богатыя, баюкая, бродятъ по нимъ.

И такимъ ничтожнымъ представляется онъ самому себѣ, та-
кимъ гадкимъ и, горбясь, унижая себя и надругиваясь, мед-
ленно и какъ то очень скоро проходитъ весь длинный переу-
локъ, бездомный, дорогой... и, поровнявшись съ послѣднимъ
краснымъ солдатскимъ домомъ, возвращается, теперь поспѣшно
и какъ то очень, очень долго.

Маргаритка и замѣтить можетъ...

Ему вспоминается всякій разъ, какъ, проходя вотъ также,
повстрѣчался какой то монахъ, зорко засматривающій въ верх-
нія окна, и какъ Маргаритка, замѣтивъ монаха, визгливо заты-
нула кабацкую пѣсню:

Луче въ мори утопиться
Чѣмъ пона карявава любить...

Монахъ, наклонившись на бокъ и размахнувъ руками, пу-
стился улепетывать.

«А ты, чего, грифель?»—крикнула тогда Маргаритка прико-
ванно-стоявшему Колѣ.

Маргаритка и замѣтить можетъ...

И страшно: она насмѣется надъ нимъ, оскорбитъ... оскор-
бить себя.

Иногда она сидитъ блѣдная и такая грустная.

Кажется, живые глаза надъ своимъ гробомъ плачуть.

Подойти бы приласкать тогда...

Подойти бы...

Но пробраться въ домъ никакой не было возможности, домъ
былъ дорогой и недоступный.

Какъ то сунулись всѣмъ кагаломъ и тотчасъ полетѣли съ
лѣстницы.

«Всякая сволочь туда же,—кричалъ вдогонку вышибало Ва-

силій, стукнувъ Прометея въ загорбокъ, — я вамъ, паршивцы, сволочь!»

И жгла недоступность.

Огненно-краснымъ кольцомъ окруженный образъ, непорочный, изъ ада звалъ къ себѣ, разсѣкалъ съ головы до пятъ и кликалъ, тянулъ и рвалъ на наслажденіе, на гибель, на побѣду, въ пропасть, въ пожаръ, къ причащенію.

И Коля ходитъ по переулку подъ окнами дома и, стиснувъ зубы, думаетъ крѣпко.

Темнѣетъ.

Скрипачъ настраиваетъ скрипку, играть пробуетъ.

Земля обѣтованная!

Крылья мои бѣлыя, тяжелыя вы въ слипшихся комкахъ кровавой грязи...

Земля обѣтованная...

Крылья мои бѣлыя, живыя вы, унесите, меня!

* *
*

Возвращается Коля изнеможенный, издерганный и, путаясь, помногу рассказываетъ, какъ задачу ученику рѣшить не могъ, рассказываетъ, какъ на урокъ виномъ краснымъ угощали... выдумываетъ небылицы, но правды... о правдѣ сердце горитъ...

Земля обѣтованная!

XIX.

Нерѣдко по вечерамъ выходятъ дѣти за ворота, на лавочку посидѣть.

Кругъ фабричныхъ не тотъ.

Это новые все, не знавшіе ни матери, ни ихъ дѣтства.

Послѣ бунта дворъ подчистился.

Старики перемерли. Ну Иванъ Даниловъ не въ счетъ: занеужился кузнецъ, ослабъ: за сказку примется, плететь, плететь, да такъ и не кончить.

Одинъ Максимчукъ, получившій и въ самомъ дѣлѣ съ блюдечко серебряную медаль, попрежнему неистощимъ, какъ во дни Аверьяныча.

Разговоры вертятся обычно около дома и фабрики.

Но странно: теперь, когда всѣ подвыросли, незамѣтно встала глухая стѣна и отдѣлила дѣтей отъ этихъ замученныхъ трудомъ людей.

Горько, бесконечно горько становилось, когда увлекшагося жалобой вдругъ грубо осаживали его товарищи, и тотъ виновато примолкалъ, а въ вспыхнувшей злой улыбкѣ горькое слово горѣло: Огорѣлышевское отродье, одна дѣна.

— Огорѣлышевское отродье...

— Яблоко отъ яблони не далеко падаетъ...

Ты выди неожиданно за ворота и услышишь.

Какъ кипяткомъ опшарить.

Часто слышали дѣти.

И Прохоръ, бравшій одно время книжки у Саши, умный и развитой рабочій, уходилъ въ себя, таился и, когда кто-нибудь изъ дѣтей заговаривалъ съ нимъ, отмалчивался.

— Чего по пусту языкомъ молоть?

А въ своемъ кругу, захлебываясь, неумолкая, рассказывалъ, взлохмаченный, прокопченный, съ горящими глазами, готовый и въ огонь и въ воду за свое дѣло.

Интересное и живое билось въ этихъ вывертахъ-словахъ-огонькахъ. И синія жилы на черныхъ рукахъ Прохора наливались кровью.

И забитыя, робкія головы другихъ выпрямлялись.

И летѣли искры подъ грунтъ бѣлаго крѣпкаго дома, подъ фабричный корпусъ и тамъ таились, ждали, невидимкою жили... чтобъ разрушить, не оставить камня ни камня.

— Баринъ, а весь задъ наружи...

— Безъ сапогъ, да въ шляпѣ...

— Тоже господа—голоштанники!

Ты подвернись подъ сердитую руку и услышишь.

Какъ ножомъ полоснетъ.

Часто слышали дѣти.

И горечь закипала на сердцѣ.

Зачѣмъ эти стѣны, кто ихъ вывелъ, кто отдѣлялъ ими голосъ отъ голоса, сердце отъ сердца.

Проклятыя стѣны!

Но по старой ли памяти или оттого, что ужъ дѣться некуда было, только нерѣдко по вечерамъ выходять дѣти за ворота, на лавочку посидѣть.

А послѣ на верхъ въ «короли» садятся играть или такъ

слоняются безъ всякаго дѣла, придираясь и раздражая другъ друга.

Прометей зеленѣлъ и озлоблялся: ни войны, ни жизни настоящей, а тутъ еще фабричные... Поколачивали, былъ грѣхъ.

* *
*

Послѣ вечернихъ скитаній, когда впереди ничего не предстояло, любилъ Коля оставаться одинъ въ саду около пруда.

Тяжелое смутное чувство, растравляемое просыпающимися мыслями, заразною пылью точило сердце.

Вотъ ему минетъ семнадцать. Училище кончить. Сядетъ за конторку въ Огорѣлышевскомъ банкѣ. Глаза въ графленую бумагу вопьются, выльются, и свѣтъ ихъ загаснетъ. Въ мелкія буквы, въ цифры, совсѣмъ ему ненужные, этотъ свѣтъ обратится.

И мелкіе буквы, цифры, совсѣмъ ему ненужные, ужъ, кажется, сливаются, и бумага топорщится, твердѣетъ, изъ бѣлой въ черную переходить.

Черные огромные клещи голову закусываютъ...

Это то, что будетъ,—онъ ясно видѣлъ, больно чувствовалъ.

А развѣ этого хочетъ?

И почему онъ долженъ считать на счетахъ и вѣчно сидѣть за конторкой?

Почему онъ долженъ?

Коля пробовалъ латинскій и греческій, лишь бы избавиться отъ этой ожидавшей его каторги. Ночей не досыпалъ. Сразу все хотѣлъ. Да такъ надорвался—плюнулъ, забросилъ учебники.

Да, сядетъ за конторку въ Огорѣлышевскомъ банкѣ. Глаза въ бумагу вопьются, выльются, загаснетъ ихъ свѣтъ...

Прудъ молчалъ. Стыло молчаніе на страшной невозмутимой глади.

И съ илистаго дна, изъ ледяныхъ ключей вставалъ образъ женщины, такой горячій и близкій и темный, темный, какъ эти тѣни уснувшихъ рыбъ въ солнечный день.

И сверкали острые, кошачьи зубки—зарябившіяся струйки подъ поцѣлуемъ луннымъ, и милыя уста зацвѣтали ласковымъ словомъ, кликали...

А тамъ ночью, когда замирали вечерніе гулы, прибѣгала въ

садъ Машка—Машка Пашкова, тоненькая, бѣленькая, съ туго стянутой игрушечной грудкой.

— Николай Елисеевичъ, можно походить съ вами?—просилась дѣвушка, и горѣли ея глазки, и голосокъ задышался.

И Коля ходилъ съ Машкой вокругъ пруда и, когда та ластилась, закрывалъ глаза, и искалъ рукъ другихъ, проворныхъ и маленькихъ рукъ Маргаритки... и, нагибаясь, цѣловалъ руки Машки, большія и жесткія.

— Гляньте-ка, звѣзды то какія!—таращила дѣвушка удивленные глазки, заволакивающіеся влажной шелковинкой влюбленнаго сердца.

И она что-то щебетала, и жизнь входила въ ея дѣтскую, надорванную душу, и она жила, какъ во снѣ желанномъ.

— У «душки»—Анисьи коровушка отелилась, теленочекъ маленькій... А дяденька Афанасій, покойникъ, сказывалъ, будто рыбы—съ усами бываютъ, самъ, гаворить, видѣлъ.

Коля, не отвѣчая, прижималъ ея вздрагивающее тѣльце, прижималъ крѣпко, все крѣпче.

— Тоже... и... китовъ усы...—и голосъ Машки пресѣкался.

* * *

Какъ-то послѣднимъ лѣтнимъ закатомъ послѣ Ильина дня, когда, по повѣрью, олень мочится въ воду, и оттого вода холодитѣтъ, а лягушки на дно спать ныряютъ, было прощально тихо, прощально горько въ разросшемся, густомъ, поникшемъ въ рдѣніи надъ прудомъ саду.

Листья желѣли.

Падали листья безъ стона, безъ жалобы.

За плотикомъ поспѣвала дикая малина, у купальни барбарисъ весь завѣшивался рубинной бахромой, и рябина у бесѣдки верхъ опоясывалась крупными коралами.

Прибѣжавшая въ садъ Машка, сначала такая радостная, вдругъ присмирѣла и хоронилась пугливо, она чувствовала крылья, трепетавшія у Коли, трепетавшія и готовые улетѣть, унести ее.

И она схватилась за него, повисла вся.

И они ходили вокругъ пруда, вокругъ пруда.

И ходили долго, много, горячо прижимая другъ къ другу одинокія, родныя сердца...

И сердце ихъ билось — вырывалось, какъ открытый заваленный ключъ, и сердце ихъ шепталось вѣще говоромъ звѣздъ осеннихъ, сердце, перемучившееся тяжелой не-дѣтской мукой.

Кто ты?

Все равно, лишь бы жить... жить...

Любите же меня, любите!

Любуйтесь на красу прощальныхъ взоровъ.

Вся кровь моя при первой встрѣчѣ, при легкомъ дуновеньѣ смертельной стужи щитомъ багрянымъ покрыла грудь мою.

Я золотомъ и тусклымъ серебромъ устлала всѣ дороги.

Въ моихъ глазахъ послѣдній жаркій трепеть заблистала.

Я ухожу отъ васъ...

Любите же меня, любите!

На небѣ зори яркія ужъ зиму возвѣщаютъ, и слезы, не изсякая, льются изъ мутной тучи.

Настало время уйти отъ васъ...

Но пусть же мой прощальный взоръ, и жажды и забвенья полный, безумьемъ пышетъ...

Пусть красота идетъ аккордовъ грустныхъ землѣ холодной, цвѣтамъ увядшимъ!

Любите же меня, любите!

XX.

Осени поздней⁸ перемежно-дождливые дни.

Поздней осени плачи.

Груды лѣнивыхъ, прогорклыхъ листьевъ по дорожкамъ вокругъ пруда.

Паутина замерзла.

Подмерзла калина.

Въ комнатахъ вставлены сѣрыя, скучныя рамы.

Окна заложены ватой.

Запахъ замазки и дыма.

Топятся печи.

Осеннее утро залѣзаетъ за воротъ и холодными пальцами водить по горячей спинѣ...

Въ училищѣ сумрачно тянется часъ.

И слышно кричить прозябшій за ночь звонокъ перемежно.

Коля и Женья перешли этимъ лѣтомъ въ спеціальный бухгалтерскій классъ. Имъ, какъ старшимъ, разрѣшается не выхо-

дять на перемѣнѣ въ залъ. Въ классѣ обычно идетъ разговоръ о ночныхъ походахъ; учатся все богатые и состоятельные: двѣ купцовъ и фабрикантовъ.

— Маргаритка,—донесся какъ-то до Коли перегорѣлый голосъ Семенова—«Совы», бѣлобрысаго купчика,—знаю!—Сволочь, кожа желтая, въ рублевомъ...

Вошелъ учитель.

«Сова» зашептала на ухо своему сосѣду, и лошадиное нечистое лицо товарища затряслось и вспотѣло...

И загорѣлись классныя стѣны отъ нетерпѣнія.

И хотѣлось сейчасъ же бѣжать туда, видѣть ее.

А часъ тянулся.

* *
x

Была суббота.

Суетливыя сумерки лили къ щекамъ и глазамъ уличную грязью.

Застывшее въ переулкѣ мутное ненастье лежало безгрезнымъ водянистымъ сномъ. Нехотя растворились ставни въ домахъ.

Въ угольномъ домѣ въ черномъ окнѣ маслянымъ пятномъ прыгала—расплывалася подозрительный свѣтъ.

Коля пробрался къ дому.

Конфузливо спросилъ Маргаритку.

Сказали, подождать.

Вышибало Яковъ, заспанный и обрюзглый отъ бессонной жизни, ползевшая, чистилъ ботинки.

Перечистилъ одѣ, перечистилъ другія, сколько было паръ—всѣ кончилъ, отвесъ. За юбки приился.

Наконецъ, вышла горничная, повела въ спальню...

Переступилъ порогъ.

Маргаритка стояла передъ зеркаломъ въ кружевныхъ панталонахъ, причесывалась.

— Вамъ что нужно?—не оборачиваясь, спросила она съ полнымъ ртомъ шилекъ.

Коля стоялъ и молчалъ, стоялъ и смотрѣлъ... и смотрѣлъ...

Только ручки одѣ проворныя мелькали въ глазахъ.

Обо мнѣ ты не-е мечтай...

Запѣла тихо и, закрутивъ косу, подергала плечемъ, и опять распустила волосы.

На самой макушкѣ бѣлое пятно—лысыня—пластыремъ лежала... Этотъ пластырь лѣзъ теперь въ влюбленные глаза.

— Ну?—вдругъ обернулась.

— Я къ вамъ.

Коля сказалъ это рѣзко и твердо, рѣзко и твердо сдѣлалъ шагъ...

Еще и еще.

Вытаращила красные запудренные глаза.

— Деньги впередъ!—сухо сказала.

— Я не затѣмъ, я...

— Деньги впередъ!—вдругъ закричала Маргаритка, и хрипъ тащилъ изъ ея горла крики,—вы... хозяйку подводите, оборванцы! Встать по людски не дадутъ, жить не дають, жить—не дають.

Задохнулась.

А у него горло свинцомъ налилось.

И ознобъ сморщилъ кожу и сдвинулъ льдомъ раскрытое сердце.

Раскрытое сердце отъ боли вскрикнуло.

Бросился, обнялъ, впился въ плечи...

И цѣловалъ, цѣловалъ безконечно.

Плѣсень, соль, слизь мазали губы, душный мутилъ запахъ.

— Дорогое, безцѣнное!

Незабѣленные раны сочились; казалось, мясо распадалось, отваливалось кусками.

— Дорогое, безцѣнное!

— Вонь! вонь!!!—взвизгнула, задрожавъ вся возмущенная женщина и, отпихнувъ кулакомъ, сжалась и затихла, какъ дитя беззащитное.

А онъ, не смѣя взглянуть, медленно вышелъ...

Моросилъ мелкій дождикъ.

Всхлипывало мѣсиво грязи.

Разлагались нечистоты.

И пламя фонарей подъ щипками чьихъ-то злющихъ пальцевъ ширялось по вѣтру.

И было жгуче-мутно.

Вспомнилась Машка.

— Машка, какъ она тебя любитъ!

И два женскихъ образа, шепча, сливались во единый—одно тѣло, тѣло покрывалось струпами, назрѣвающими, сине-красными, и пыhalo запахомъ мази и гніенія.

Сердце прогнивало до пустыхъ жилъ.

* * *

— Маргаритка,—разсказывалъ какъ то на перемѣнѣ «Сова» отдувавшемуся сосѣду Прохорову, — сволочь: Кукина болѣзнью наградила, сволочь...

Коля зажалъ уши и, не сказавшись, вышелъ изъ класса.

Пшелъ домой.

Казалось ему, заболѣвала улица.

А на губахъ ныло.

Огромная язва выплывала изъ мглы туманно-холодящаго полдня, сине-бѣлая, синяя...

И по пятамъ гналась гнусавая музыка.

И у плетущихся ломовыхъ въ телѣгахъ между колесъ и грязью явственно копошилось что-то и пѣло горькую пьяную пѣсню веселыхъ домовъ.

Было мутно.

Сердце прогнивало до пустыхъ жилъ.

Послѣдній выпускной экзаменъ, русскій, пронесся градовой тучей, но бѣда миновала.

И Жея, и Коля съ пустыми аттестатами, лишенные за неблагонадежное поведенеіе званія «кандидатовъ коммерціи», пришли домой, вошли наверхъ, что-то сдѣлать хотѣли, кому-то разсказать, и ничего не сдѣлали, никому не разсказали.

Даже обидно стало: и ждать-то больше нечего.

А потомъ изъ глубины почи выплыло одно слово, выплыло и остановилось передъ испуганнымъ лицомъ...

— Пѣть, — пѣть, — пѣть... — спохватился Коля.

* * *

Спустя нѣсколько дней, Жея нанялигъ изодранную курточку, связъ съ форменнаго картуза гербъ и пошелъ въ Банкъ.

И тамъ томительно-целовко ожидалъ дядю, толкаясь въ пріемной.

Наконецъ, прѣхалъ Алексѣй, выругался «для острастки» и велѣлъ всякій день приходитъ Женѣ вонъ въ ту комнату съ ярычкомъ...

И пошла съ этого дня служба.

А Коля ступалъ къ роскошному подъѣзду стариннаго дома съ колоннами въ Воронинскомъ саду.

Лакей провелъ въ классную.

Коля сѣлъ къ окну и ждалъ.

Ждалъ.

И, горячась, доказывалъ себѣ, что глупо вести себя такъ, что ужъ не маленькій, и робѣть печего; а чувствовалъ, что съ каждой минутой робѣеть больше и больше, сжимается, становится маленькимъ-маленькимъ.

Потомъ всталъ, походилъ по комнатѣ.

Не разъ и не два ловилъ себя, что ходитъ на цыпочкахъ, и злился. Принялся велосипедъ ковырять. Отвинтилъ колесико...

— А,—ты что?—послышался голосъ дяди Николая.

Коля вздрогнулъ.

— Благодарю васъ,—началъ Коля сицко, невнятно и остановился, потомъ едва-едва:—благодарю васъ дяюшка...—и опять остановился.

— Что собираешься дѣлать?

Коля молчалъ, теребилъ ремень.

— Если ты рассчитываешь поступить въ высшее учебное заведеніе... то не забывай, средствъ нѣтъ. Да, я понимаю, мои дѣти, да, они могутъ, но тебѣ съ ними равняться смѣшно!

Коля покраснѣлъ, заолодѣлъ, руки было упали...

Вдругъ что-то большое и непонятное чугуномъ загремѣло въ ухахъ, подкатилось къ ногамъ лѣстницей, и поднялась лѣстница отъ сердца вверхъ.

— Я латинскій прошелъ,—проговорилъ онъ не своимъ, рѣжущимъ голосомъ и облизнулся отъ удавшейся лжи.

Дядя мягко прошелся по комнатѣ, поправилъ въ петлицѣ молочную вѣтку туберозы...

La donna è mobile
Qual piumo al vento...

— Какъ знаешь.

Коля выскочилъ на улицу.

Клая-то радость до крови кусала сердце, и тьмы казней блѣдныхъ и мучительныхъ подбрасывали нежданно подъ ноги свои кривыя мучительныя пытки.

И хотѣлось мучить, казнить на смерть.

Прошла недѣля, прошла другая—никто ничего не говорить, никто не назначалъ часа, не приказывалъ являться ни въ Биржу, ни въ Банкъ...

* *
*

Пришла зима—подарила.

Черезъ управляющаго Андрея позвали дѣтей на вечеръ въ домъ къ Огорѣлышевымъ: Алексѣй справлялъ серебряную свадьбу.

Сначала уперлись, потомъ раздумались—поддались и пошли.

И въ первый то разъ такъ близко передъ глазами зашумѣлъ огромный залъ, заестрѣлся платьями, цвѣтами и лицами.

Пышные шлейфы овѣяли музыкой, обняли ноги.

Дѣти прижались другъ къ другу, пристыли.

Станнымъ свѣтомъ горѣли тяжелыя люстры.

Изъ цѣлаго сада цвѣтовъ выплывали подхватывающіе звуки и, о чемъ-то напоминая, призывая куда то, обѣщали...

Сердце колотилось.

— Вонъ, это—Полинька, двоюродная сестра, посмотри, какая красивая!

— А Кукинъ-то...

— Нашъ директоръ...

И много, много мелькнуло еще лицъ, такихъ важныхъ и такъ близко теперь.

Вдругъ танцы остановились.

Залъ затѣснился; разступались и кланялись.

Мимо прошелъ высокій, на голову выше присутствующихъ, генералъ, мутно обводя глазами и улыбаясь вылощеннымъ ртомъ—самъ князь.

Рядомъ съ княземъ шмыгалъ Алексѣй, подобострастно заглядывая и ужъ слишкомъ увѣренно хихикая.

— Финогеновъ! — хлопнулъ по плечу Колю товарищъ по

лучилу, Корзинкинъ, раскрасившійся и запыхавшійся,—ты какъ сюда попалъ!

И стало вдругъ обидно до слезъ и отъ обиды хотѣлось выкинуть такую штучку, чтобы весь этотъ залъ, этотъ князь въ тартарары провалились.

Дѣти прижались другъ къ другу, пристыли.

Никто изъ нихъ не умѣлъ танцовать

Были они дикіе и оборванные, и отъ пиджаковъ и мундировъ несло подгорѣлымъ стеариномъ.

Никто съ ними не здоровался, но, казалось, все знали и чувствовали ихъ, какъ что-то чужое и не нужное, хуже—отвратительное.

Никто ничѣмъ не угощалъ.

А изъ сосѣднихъ комнатъ проникали звоны хрустала и тарелокъ, и вышибались пробки, и что-то, пѣнясь, журчало.

Двоюродный братъ, Димъ, сынъ дяди Николая, въ новенькой путевой формѣ, самъ какой-то весь новенькій, взмахнувъ руками, громко прокричалъ что-то...

И понесся, полетѣлъ за нимъ залъ.

Пьяные звуки кружились, стучали.

И летѣть бы за ними, летѣть вѣчно...

И тѣ женщины, которыхъ дѣти встрѣчали и знали, преображались въ красавицъ, въ этихъ чистыхъ и бѣлыхъ сестеръ и знакомыхъ.

Да, любить такихъ вотъ и жить не въ грязи, а такъ вотъ...

И минуту, забывая свой домъ, жили этой жизнью и, обданные горячимъ паромъ духовъ и красиваго тѣла, чувствовали свою красоту, и на сердцѣ таяло.

— Отправляйтесь-ка вы лучше по домамъ!—ударилъ знакомый жуткій голосъ дяди.

И они молча, гуськомъ, спотыкаясь о ковры и проталкиваясь между лакеевъ, которые, казалось, пронзали ихъ насмѣшливыми глазами и знали... вышли они изъ дому.

И молча неровно шли по двору, не глядя другъ на друга...

Потому что глядѣть не хорошо было.

Видъ дѣлали, строились, что ничего-то такого не произошло, чего бы стыдиться, и отчего мучиться надо было.

А на живомъ мѣстѣ раскрывались раны и ныли тупою болью.

Саша и Женя, Нетья и Коля, всё одно чувство несмутно чувствовали.

И взошли наверхъ и, не глядя на Прометей, который по-челу-то нарядился празднично въ свою «солитерскую» визитку, раздѣлись и легли въ кровать.

И тотчасъ притворились спящими и не спали, не могли спать.

Козалось, кто-то высоко подымать ихъ до самаго неба, и тамъ надъ землею они качались.

И было страшно подумать, страшно вздохнуть, страшно взглянуть въ свою душу...

Потому что глядѣть не хорошо было.

А утро морозное, утро крѣвкое золотомъ-хохотомъ пылало и напцывало бѣлой рукой расцвѣченный жемчугъ на окна.

Саша успѣшно переходилъ съ курса на курсъ; университетскія дѣла не увлекали, не увлекала и наука.

Тянуло къ рѣзкимъ ударамъ, ударамъ плашмя, выворачивающимъ цѣлину, а остальное, думалъ онъ, не больше, какъ замазка, а всякій иной шагъ—царапина.

Для тѣхъ, кто зналъ Сашу еще гимназистомъ, этотъ переходъ изъ смиренника-монаха въ монаха-революціонера казался невѣроятнымъ. Расточить жизнь; ступить гулко по землѣ, бросить вызовъ, дерзнуть, сгорѣть—все это создало у него цѣлую систему дѣйствій во имя какой-то новой жизни, которая должна взойти на этомъ огнѣ и крови... на жертвѣ.

И такъ жилъ онъ, углубляя и развивая свою думу, и былъ ужъ на краю послѣдней ступени, съ которой смерть видится, и не боялся смерти. Искалъ ее.

Общія черты его лица остались тѣ же, только болѣе углубились и возмужали: заостренность отточилась, и глаза подерну-

лись сталью, заковались; темные усы и борода выдвинули скулы, а на лбу обозначились впадины, губы же по прежнему не сжимались плотно и, скрывающіяся частью подъ усами, обманывали наружность.

Если бы спросить его, что грѣтъ въ немъ его душу и си- нить его мысли, онъ отвѣтилъ бы твердо: нѣтъ примиренія.

И во имя непримиримости онъ подавлялъ въ себѣ чувства, но чувства не хотѣли смириться и кричали и, онѣмѣвъ, царапали сердце.

Съ глубокой горечью обманувшагося прекратилъ онъ всякія общенія съ о. Глѣбомъ, и всѣ грѣющіе лучи-мысли старца представлялись ему теперь засоренными источниками, мутнымъ свѣтомъ сквозь снѣжное небо.

Люди, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, топорщились быть большими и вершающими судьбы, подиѣвали и пересказывали его слова и топтались на мѣстѣ въ трескотнѣ пожеланій. Онъ презиралъ ихъ, но держался за нихъ, какъ за силу, безъ которой обойтись невозможно было.

Сталъ онъ такъ думать только въ послѣднее время, а раньше вѣрилъ всѣмъ сердцемъ, все сердце готовъ былъ раскрыть имъ.

И точилъ сердце червякъ маленькій, тщедушный, а живучій, какъ самое гадкое изъ всѣхъ насѣкомыхъ.

И правда, были друзья, скорѣе одинъ другъ—это Сергѣй, братъ Алексѣя Алексѣевича, съ которымъ онъ всю кашу заварилъ и дошелъ рука объ руку до той точки, откуда, какъ казалось, открывался одинъ путь—путь въ безъ-примиреніе.

Ступить гулко по землѣ, бросить вызовъ, дерзнуть, сгорѣть—расточить жизнь...

И шли дни кинуче—прямо до ожесточенія, вспыхивая то радостью отъ правоты, то рѣжущимъ мучительнымъ гнетомъ тоски исподнихъ заваленныхъ сомнѣній.

Петя не румяный, какъ раньше, поблѣднѣвшій, потягивалъ свои рыжеватые усы, совсѣмъ равнодушный къ увлеченіямъ Саши.

По дѣлымъ часамъ просиживалъ онъ у окна за стаканомъ пива и все думалъ о чемъ-то, глядя за монастырь, за бѣлыя башенки.

И казалось, сидѣть бы ему такъ, сидѣть всю жизнь, гадать и загадывать...

А когда подымался между братьями споръ, онъ ни съ кѣмъ не соглашался, но и своей отвѣди не давалъ.

Во всѣхъ его отвѣтахъ звучало тысяча правдъ, и всѣ онѣ, какъ листочки на вѣткѣ, жили на одной правдѣ, но имя ея онъ не умѣлъ высказать, и, путаясь, мучился.

И, измученный, принимался за роаль.

Пѣль.

Пѣль такъ чисто и ярко, до слезъ и восторга.

И, напѣвшись вдосталь, шелъ наверхъ, садился у окна за пиво и молча просиживалъ часы, день и вечеръ, вечеръ...

* *
* *
*

День роспуска на Святую былъ въ этотъ годъ рѣдкимъ днемъ въ жизни Пети: до экзамена его допустили, и пришелъ конецъ его долголѣтняго гимназическаго мытарства.

Цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ таскалъ онъ ранецъ, двѣнадцать лѣтъ долбила, долбила проклятая гимназія.

Хуже тюрьмы.

По давно данному обѣщанію была всеобщая попойка и, по обѣщанію же, торжественно Петя легъ посередѣ улицы въ лужу, бултыхаясь, грязнилъ и мазалъ проклятую шинель.

А Прометей, коноводясь и развертываясь, накачался до такой одури,—сряду два дня безпросыпу спалъ и, очухавшись только на третье утро, свѣсѣмъ обалдѣлъ и никакъ не могъ отчета себѣ дать, гдѣ онъ, и кто вокругъ него, и какъ зовутъ его; только одну Эрихъ, ненавистную тетку, онъ чувствовалъ и морщился, моргалъ, какъ отъ какого то свѣта яркаго.

— Очхнись, полоумный!—усовѣщевала Эрихъ,—мать родную не узнать!—нечистому, видно, и душу-то свою собачью пропилъ.

— Господи, никакихъ концовъ не найти!

— Насосался!

— Напущено, дѣвушка,—горевала Прасковья,—и молитва не помогаетъ.

И долго-долго возились съ помутнѣвшимъ человѣкомъ, щипали и щекотали его, локонько перышкомъ въ носу шевелили, горчицей мазали, пока онъ не сорвался изъ комнаты вонъ на воздухъ.

И тамъ метался, какъ ошалѣлый, и не могъ притти въ себя,

успокоиться. И вдругъ схватилъ полѣно и съ какой-то тупой радостью ударилъ въ подвернувшуюся собаченку, будто въ ней его тревога, все безуміе хоронилось. Съ перепиленной лапкой, визжала собаченка.

Прометей отдышался.

Подняли собаченку, пустили въ домъ.

Лежала она у Сани на диванѣ, подвернувъ перепиленную лапку, и плакала этими невыносимыми слезами, молча.

И Прасковья плакала:

— Молитва не помогаетъ!..

А Прометей все заглядывалъ въ комнату и виновато справлялся у Сани, не прикажетъ ли тотъ пройти куда или сдѣлать чего?

И во всемъ домѣ было не хорошо, все тяжело помалкивали, будто на сердцѣ у каждаго лежали такія собаченки съ перепиленными лапками и плакали этими невыносимыми слезами, молча.

Вотъ и всегда такъ, со смерти матери, какъ подходила Святая, наполняло домъ что-то черное и гнало изъ комнаты въ комнату вонъ изъ дому.

И бродили дѣти по комнатамъ и по двору и по саду, нигдѣ не находя себѣ мѣста.

На дверѣ дрова лежали попрежнему и ходила фабрика и сновали рабочіе, злые и жалкіе, а садъ просыпался и прудъ оттаивалъ и, оттаивая, зналъ что-то, онъ зналъ ихъ маленькими и мать ихъ зналъ, и зналъ то, что завтра будетъ.

Вотъ и всегда такъ, со смерти матери, каждый чувствовалъ это, и чувство это стучалось и темнѣе и темнѣе заволакивало душу.

Коля, измытарившійся за годъ, жилъ безтолочно, ровно ни на чемъ не удерживаясь.

Все распоздалось и усаказывало... дразнило и не давалось.

Какъ на грѣхъ, Машка забрюхатѣла и чуть не померла. А умри она, пожалуй, гора бы съ плечъ! Вынесла. Оправилась.

Согнали ее съ фабрики. На квартиру джеребралась и промышленляла чѣмъ-то, добывая себѣ на урпитаніе и жизнь каторжную.

Много было столкновеній съ Огорблышевыми, но больше

всего влетало теперь Женѣ, которому волей—неволей приходилось на глаза попадаться, и молча отдувался Женя за себя и за братьевъ.

А на дно ихъ сердца камушекъ за камушкомъ надалъ и устилалъ дно каменной корой, болѣло сердце отъ обиды и безсилія.

Приснилось Колѣ, сидитъ онъ будто наверху, въ окно смотритъ.

Весь пустырь подь монастыремъ распаханъ. На дальней грядѣ разрываетъ ворона черный комъ. И клювъ черный и перья черныя, а глаза красныя. Почему у вороны глаза красныя?

Въ дверь входитъ дѣвочка. Бѣлый платочекъ въ рукахъ комкаетъ. Безглазая. Хочетъ дѣвочка въ бѣленькій платокъ душу положить. Безглазая. И убѣжать бы, да ноги не слушаются. И отъ ужаса расщепляется сердце на мелкія щепки...

Передь кроватью стоялъ Саша, говорилъ что-то, но что, Коля разобрать не могъ.

Осколки сна нѣмо съ болью таяли, и подплывала къ сердцу радость, что такъ счастливо опасность канула.

— Вставай! вставай! въ Андроніевъ пойдѣмъ, къ обѣднѣ.

И комната въ ярко-желтыхъ лучахъ, льющихся золотой густотой на сонныя предметы, показалась особенной, золотой, и голубой дымъ папирсы, увязая, цапался и, обезсиленный, сдаваясь, таялъ.

Посередь комнаты, уткнувшись въ сапогъ и подобравъ согнутыя ноги къ подбородку, валялся Прометей, поскрипывая зубами.

Колѣ вдругъ вспомнился прошедшій вечеръ, вспомнилась пивная, въ пивной драка...

Зарѣзало въ глазахъ, и опять повалился.

— Да ты, поскорѣй!—заторопилъ Саша, и то особенное, что прозвучало въ голосѣ брата, вывело Колю на свѣтъ Божій.

Проворно одѣлся, и они вышли.

Несмотря на раннее время, лѣтне парило. Даже въ низкихъ мѣстахъ какъ-то сразу истѣлѣлъ снѣгъ, а ледъ, до крайности напряженный, лопнулъ, и сѣрый слой воды поплылъ по рѣкѣ, и пошла рѣка.

Въ Андроніевѣ звонили къ обѣднѣ, нарядно звонили, какъ только звонятъ на пасхальной недѣлѣ.

И подъ этотъ звонъ утренній доносилъ вѣтеръ чуть внятный далекій шумъ и бурление воды.

Монастырь стоялъ весь бѣлый, весь въ солнцѣ, и жарко горѣли золотые шпиги круглыхъ башенокъ.

Итти было легко; влажная теплая земля не трудила ногъ, а изгибалась воздушно, и хотѣлось понирать ее, понирать все глубже.

На откосѣ къ рѣкѣ зеленѣла травка тоненькая, свѣтлая.

— Вонъ и одуванчикъ!—крикнулъ Коля и мигомъ спустился внизъ, сорвалъ цвѣтокъ и такъ весь ушелъ въ него, лаская, голубя и радуясь этому солнцу, землѣ и цвѣтку первому.

Вдругъ опять встало вчерашнее, зацѣпило, и отдѣлаться не было силъ.

Выронилъ цвѣтокъ.

Шли молча.

Коля возстановлялъ подробность за подробностью, приближалъ эту мерзость къ самымъ глазамъ, вдыхалъ ее, отвращался и опять лѣзъ на нее... но взглянуть поглубже, чтобы отойти прочь, было страшно... и цугался неоплаченный счетъ, драка, и какія-то плевки и харкотина покрывали все.

Саша цѣплялся за послѣднюю гнилую нить, обрывался и падалъ.

Одного желалъ, одного искалъ—выместить свою злобу, рас-

платиться съ кѣмъ-то за эти ночи, отъ которыхъ сердце лопалось, за то свое дѣло, которое совершить хотѣлъ; и для чего, для кого столько убито силъ?..

Дальше нельзя, нельзя... всѣ нити подгнили.

А ждать-то какъ...

Нѣтъ, онъ непременно пойдетъ, скажетъ имъ всю правду, все выложитъ прямо въ глаза, — пускай дѣлаютъ, какъ знаютъ.

Воскресенія день!
И просвѣтятся люди
И другъ друга обымемъ...

—вырвалось пѣніе изъ раскрытыхъ оконъ собора, когда, поднявшись по лѣстницѣ на монастырскую гору, вошли въ ограду.

Въ соборѣ стояла давка, еле на панерть пробрались.

Отъ свѣчей и ладону душно стало. Но пѣніе и то чувство, которое жило вокругъ, были такими легкими и особенными, какъ бываетъ только на пасхальной недѣлѣ.

Потолкались и вышли на кладбище.

— А помнишь, Саша, наши службы? Мы бы тогда всѣ молебны съ акафистами выстояли.

Саша горько и злобно засмѣялся.

— Ты ужъ совсѣмъ не вѣришь?—спросилъ вдругъ Коля.

— Нѣтъ,—рѣзко отвѣтилъ Саша.

Подошли къ склепу, сѣли на ступеньки.

Красный огонекъ поглядывалъ на нихъ сквозь матовое стекло.

— А какъ же Глѣбъ?

— Игра и дешевая: и почему бы я вѣрилъ?—это и у меня есть и у тѣхъ...

— Любви нѣтъ, любовь сонъ... Впрочемъ, я не то хотѣлъ, я на счетъ Глѣба..—прервалъ Коля и чувствовалъ, какъ что-то мучительно-страшное подходитъ къ его душѣ, что-то, чего душа еще не можетъ сказать.

— Данъ-данъ!—Дара-данъ-данъ! данъ! Дуу-доонъ — Дуу-доонъ...—завонили шумно въ всѣ колокола.

Тронулся крестный ходъ съ артосомъ.

Саша и Коля дошли въ хвостѣ до башенки и, покинувъ процессію, стали взбираться по каменной холодной лѣстницѣ.

У самой двери Коля повернулъ назадъ.

— Я не могу,—сказалъ онъ тихо съ усиленіемъ, будто останавливая другое слово, которое билось на языкѣ и рвалось сказаться...

* * *

О. Глѣбъ обрадовался гостю, похристосовался. Но былъ чѣмъ-то разстроены, или такъ ужъ измѣнился: губы, совсѣмъ сохлыя, вздрагивали, и щеки потемнѣли, словно у мертваго.

Улыбался, но лежала на улыбкаѣ ѣдкая горечь.

Пирскій, послушникъ старца, принесъ чаю и пасхи.

Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ...

— донеслось пѣніе въ башенку,—должно быть, крестный ходъ возвращался обратно.

Саша сразу заговорилъ о себѣ, рассказалъ объ экзаменахъ, которые хорошо кончились, объ университетѣ, съ которымъ онъ разстался, и, рассказывая такъ, онъ подходилъ къ чему-то важному для себя, для чего собственно и пришелъ къ старцу, но сказать не рѣшался.

— А чѣмъ жить будешь, Саша?—спросилъ о. Глѣбъ.

Отвѣтилъ не сразу:

— Надо... надо новое создать, большое и крѣпкое, нерушимое навѣкъ.

— Навѣкъ изъ крови?

Саша хотѣлъ что-то возразить и задумался.

— Не вѣрю я въ нихъ,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ,—потому что...—и вдругъ загорячился,—принимаете, только рѣзкое разрушеніе, кровавый неминуемый бичъ, творить мечту въ человѣкѣ. А они смерти боятся, любятъ свою жалкую жизнь, скучную, вѣдь задохнуться можно... Съ ними не выстроить... Они этой вашей любовью прогнили. Николай говоритъ: «любовь—сонъ», хорошо, пускай будетъ такъ, но къ чему она?

Если она—сонъ, то сонъ этотъ для тысячи грезится мутно или совсѣмъ не грезится, и люди костенеютъ въ этой изморози, глаза у нихъ опускаются, сонные, они кутаются, зябнуть и идутъ шажкомъ и топчутъ полегоныку другъ друга—эти братья милосердія—тонетъ, а самъ посмотритъ, не больно-ли... А надо по-

дойти и... вотъ такъ!—Саша сдѣлалъ такой жестъ, будто ножомъ ударилъ.

О. Глѣбъ привсталъ съ кресла. Мускулы задержались на его лицѣ, и руки принялись ловить что-то.

— Душа-то твоя...—едва проговорилъ онъ.

— Душа!—захохоталъ Саша,—песчаная, вывѣтрившаяся, туда и дорога ей, пускай останется одна, но такая... Ты возненавидь всѣмъ сердцемъ твоимъ, возненавидь крѣпко, и придетъ любовь... Не хочу я, чтобы мою душу убивали, и не отдамъ я моего духа, я не отдамъ даромъ!—и, страшно поблѣднѣвъ, застылъ весь, глядя въ упоръ на старца.

О. Глѣбъ запечалился, губы вздрагивали.

— Вотъ, Саша, думаю я, во имя правды мучаютъ, за правду мучаютъ. А правда и тамъ, правда и тутъ. Привели блудницу ко Христу, привели, потому что законъ говорилъ, и ушла блудница непорочною... Тѣсно, жутко, странно жить на землѣ. Ты говоришь: возненавидь, и придетъ любовь...

— А, можетъ быть, Христа и вовсе не было?—подсмѣялся Саша.

— Ты говоришь, надо новое создать, большое и крѣпкое, навѣкъ нерушимое... «Исусъ же ста предъ игемонъ: и вопроши его игемонъ, глаголя: ты ли еси Царь Іудейскій; Исусъ же рече ему: ты глаголеши». Понимаешь, Саша?.. и если не полюбишь врага, нелюбовью измучаешься... а что твой ножъ и твоя кровь, ты послушай меня...

— Не могу я простить,—заерзалъ Саша.

— Вѣдь врагъ—не весь твой врагъ. Подойди къ нему, загляни въ глаза: глаза горюють. А ненависть не зальетъ и не раскроетъ тебѣ этой горечи. Жгучій стыдъ, что вотъ онъ, родной тебѣ, такой вотъ... Нѣтъ, ты подойди къ нему, загляни въ глаза...

— А онъ захочетъ?.. Да онъ тебя ножомъ пырнетъ. Ха, ха, ха. Онъ съ тебя шкуру будетъ драть, а ты съ губами потянешься, ха, ха, ха...

— Я знаю, слушай, Саша, но вѣдь есть путь...

— Я подходилъ,—съ горечью перебилъ Саша,—я подходилъ, руки мои протягивалъ, а онѣ загорались отъ обиды: никто ихъ не принималъ...

И, когда проговорилъ онъ эти послѣднія слова, вдругъ стало ему ясно, что говорить больше не стоитъ, что старецъ ничего не знаетъ, а такъ играетъ въ блаженнаго, увертывается, виляетъ, жметъ передъ нимъ.

— Заповѣдь: убій!—вотъ она заповѣдь!—онъ всталъ и твердо заходилъ по кельѣ,—за зло—тысячекратнымъ зломъ... да, кровь, и если я не пролью крови, такъ мою прольютъ, да не только мою...

— Согрѣйте сердце! согрѣйте сердце!—простоналъ старецъ.

Гадокъ, омерзительнень сталъ для Саша этотъ схимникъ, который схимой прикрылъ прогнившіе глаза; и чудился запахъ, онъ шелъ по кельѣ, проникалъ черезъ платье въ кожу и со-салъ сердце. И такъ захотѣлось обидѣть, уничтожить этого стараго лгуна, прожившаго всѣ свои силы, и хотѣлось крикнуть въ лицо самое тяжелое оскорбленіе, такую какую-нибудь обиду горькую, чтобы прожгла она всю эту показную святость за-кли-нателя бѣсовъ. И, мысленно понося и издѣваясь, онъ злорад-ствовалъ.

— Саша! — протянулъ старецъ дрожащія руки,—Саша!

Саша стиснулъ зубы отъ горечи, а сердце, сердце готово было...

Въ монастырѣ ударили къ вечернѣ.

Вспомнилось Сашѣ, что къ четыремъ онъ долженъ поспѣть, чтобы всѣхъ застать и навсегда ужъ покончить со всякими дѣ-лами. Заторопился.

Одна мысль разрывала другую и, разорванныя, онѣ вновь бросались другъ на дружку, и былъ адъ криковъ въ его душѣ.

И проклиналъ старца, себя и весь м...; онъ не сказалъ чего хотѣлъ, и зачѣмъ пришелъ, зачѣмъ это все...

Не принявъ благословенія и не поцѣловавъ руки, вышелъ изъ кельи.

Старецъ сползъ съ лѣстницы и долгимъ взоромъ сердца гля-дѣлъ во слѣдъ ему, и губы что-то горько перебирали,—молился, и рука крестила — молился, и рука крестила неясно-дальнее, что наступало на челобѣка.

Непопятное одиночество давило Колю: самъ себѣ представлялся онъ смертью, мыкающейя посреди всеобщаго воскресенія.

Такъ кругомъ и небо, и люди жили.

И, силясь не глядѣть, онъ провожалъ всякій крикъ и всякое живое существо и думалъ, не разбирая думъ, о чемъ-то жуткомъ, что вотъ наступитъ, и тогда онъ погибнетъ.

Очнулся.

Увидѣлъ грязный знакомый трехъ-этажный домъ съ черной сплошь измѣлованной доской на воротахъ, позвонилъ.

Вышелъ дворникъ.

Коля стоялъ и смотрѣлъ, удивленный, смотрѣлъ на его рыжіе засаленные усы и на мелкія потныя рябины.

— Вамъ Машку?—спросилъ дворникъ.

— Машку!.. да, да, вызови Машку.

Дожидался. Дожидаясь, разбиралъ фамиліи жильцовъ. Одна фамилія застряла въ мозгу. Манинально повторялъ ее.

— Шлямка—Шлямка—Шлямка..

И, повторяя, осматривался, будто внезапно разбуженный, ничего уж не понимая.

Наконецъ, запыхавшаяся дѣвушка въ драповой кофточкѣ сбѣжала съ лѣстницы, и на исхудаломъ болѣзненнымъ ея личикѣ засвѣтилась улыбка.

И она пошла за нимъ.

Какъ пчела, налетала эта проклятая «Шлямка» и жужжала въ мозгу.

— Куда вы? куда вы?—крикнула Машка.

Но онъ ничего не слышалъ, ноги сами собой шли.

И они плутали изъ переулка въ переулокъ, съ улицы на улицу, пока не поровнялись съ подвальной пивной.

Вошли въ пивную.

Пивникъ—«Гарибальди»—лысый, въ очкахъ, съ крошечной бородкой колышкомъ, безъ усовъ и со скошеннымъ на сторону носомъ, лукаво улыбнулся гостямъ.

Въ пивной было жарко.

Отдышавшіяся тяжелыя мухи полусонно перелетали по стаканамъ. И пиво казалось тягуче-приторнымъ.

— Самую повѣйшую откупорилъ-съ,—утѣшалъ «Гарибальди» какого-то оболваненнаго гостя, и при этомъ нехорошо улыбался.

А Колѣ казалось, это онъ надъ нимъ смѣется, да и какъ не смѣяться лысому: вчерашнюю-то ночь передъ нимъ выворачивали...

Машка сидѣла одѣтая, конфузилась; изъ-подъ платка выбилась свѣтлая прядь волосъ, а лицо покраснѣлось. Нѣсколько разъ порывалась она вытереть себѣ потъ со лба, да платокъ забыла, а тяжелый драповый рукавъ шерстилъ.

Набирались гости, занимали липкіе столики.

Пробки наперебой били.

— Не знаю, что дѣлать,—нагнулся Коля къ самому лицу дѣвушки,—слышишь, уѣду я, тяжело мнѣ такъ сейчасъ, свѣту не вижу.

Машка ничего не сказала, испуганно захлопала покраснѣвшими глазами, а вѣки пухнуть стали, губы вздрогнули.

— Съ другими ходишь... да?

— Хожу,—едва слышно отвѣтила и закрылась руками.

— И не захворала?

— Н-нѣтъ... еще...

— Съ кѣмъ?

— Да съ вашими... съ городovýmъ... Сами вы виноваты, помните, какъ переѣхала я, написала письмо вамъ, а сама ночи не спала, все ждала васъ. И измучилась вся, ждавши, думала, не увижу ужъ. А вы и пришли вечеромъ, поздно, и съ вами этотъ длинный... Поняла я тогда сразу, чего хотите. И горько и обидно мнѣ было, такъ бы всю грудь разорвала себѣ.

Коля сморщился.

— Уйду я,—сказалъ онъ сухимъ голосомъ.

— Богъ съ вами!—Машка сжалась, ушла вся въ свою кофточку, только худенькое личико еще больше зардѣлось.

Подали свѣжую бутылку.

Коля наливалъ Машкѣ и, не дожидаясь ея, пилъ.

Не смотрѣлъ на нее, не думалъ, ни о чемъ не думалъ.

— Плямка,—сказалъ кто-то,—ты и есть эта самая Плямка, паршивая...

Машка утерлась рукавомъ и залпомъхватила стаканъ.

— Навсегда?—спросила она рѣзко, будто перерожденная.

— Навсегда.

И онъ хотѣлъ сказать ей еще что-то, но мысли безалаберно мчались, и одна мысль била другую, а расплывающіеся звуки хмельныхъ голосовъ сновали гдѣ-то такъ далеко...

А это «навсегда» выстукивало у ней въ сердцѣ, выстукивало твердо, безъ пощады.

Она не плакала, лицо состарилось, яркія красныя пятна вспухли на щекахъ, а губы дрожали. Стояли глаза надъ пропастью, ужаснувшіеся. А это «навсегда», ужъ рѣзало сердце, но крови не было, сухо рѣзало.

Острая мысль о завтра разѣкла ее съ головы до ногъ, и стало ясно, что тамъ ничего-то нѣтъ, ни единого самаго малаго свѣтика.

Кофточка на ней затопорщилась, будто лопнулъ тугой неуклюжий футляръ.

Машка вскочила, схватила порожній стаканъ и хряснула имъ прямо въ лицо Колѣ.

И стаканъ, ударившись по губамъ, разлетѣлся вдребезги.

Коля видѣлъ лицо большое и страшное, оно мелькнуло на

минуту передъ нимъ, какъ шаръ-молнія. Вѣки отъ боли захлопнулись.

Машка всѣмъ тѣломъ навалилась на него и била кулакомъ по глазамъ, по этимъ темнымъ глазамъ, скрывающимъ всю жизнь ея, всю тоску, все—переболѣвшаго сердца.

И жгло ему щеки и губы и, царапаясь, ползло по щекамъ, губамъ.

— Хо, хо, хо!

— Ой да бабенка!

Гоготали вокругъ голоса, и огромные красные рты раздирались отъ хохота.

«Гарибальди» подошелъ къ гусямъ, поправилъ очки улыбнулся, взмахнулъ рукой.

И заплѣ гусли широкую заунывную пѣсню, онѣ пѣли, вили,— пѣлась пѣсня, плакала...

— Мать—земля, я—сынъ твой, не покинь меня...

Коля вырвался изъ рукъ Машки и, размахнувшись, шваркнулъ ее оземь...

Медленно поднялась дѣвушка, харкнула кровью и затихла.

Капали на столъ капельки крови, горячія, горькія, и расплывались въ пролитомъ пивѣ.

Въ монастырѣ ударили къ вечернѣ.

— С-сукина манишка!—дубастилъ чей-то барабанный голосъ, разбивая пѣсню.

— Та-та-та-бухъ!—стучали кудачами.

Капали капельки крови горячія, горькія...

— Мать—земля, я сынъ—твой, не покинь меня...—дрожала струна.

У нашего кабака
Была яма глубока.

— задралъ вдругъ чей-то кумачный бабій голосъ.

Показалось Колѣ, что закрыты всѣ двери, забиты совсѣмъ, навсегда, и выйти нельзя...

Навсегда.

А тамъ внутри чья-то желѣзная рука, защемивъ тугими желѣзными пальцами сердце, выжимала кровь сердца.

Духъ перехватило.

И, проскрипѣвъ что-то неясное страннымъ, страшнымъ зеленоватымъ голосомъ, онъ уткнулся въ колѣни Машки и такъ застылъ, весь дрожа и задыхаясь.

— Оставьте, неприлично-сть тутъ...—отстраняла дѣвушка.

Какъ во этой-то во ямѣ
Завелися крысы-мыши,
А крысиный господинъ
По канату выходилъ.

— Кой чортъ, кобыля вонючка, посмѣлъ ты во гусли пѣть, а? Государственными законными правами, слышь лысый.

— Плямка-сволочь!!!

— Лексѣевъ, отступись... Лексѣевъ...

— Ужъ сколько разъ я зарекался...—тянулъ наперекоръ всякимъ звукамъ одинокій мутный голосъ, и чьи-то руки бултыхались въ табачномъ дыму.

А ѣдкая горечь, выползая изъ угловъ, ползла по полу и подползала къ сердцу, впивалась и отпивалась...

Какіе-то голые уроды, киша подъ лавками, вдругъ выскакивали къ столамъ и, взявшись за руки, вертѣлись въ ужасномъ хороводѣ.

И хороводъ росъ, сползался, сливался,—прыгалъ, прыгалъ,—взлеталъ подъ потолокъ огромнымъ грузнымъ тѣломъ, расплывался по полу тягучимъ тухлымъ тѣстомъ,—прыгалъ, прыгалъ,—и, закрутившись зубастымъ винтомъ, вертѣлся—не хороводъ, не тѣло, а тошнотворная, гадкая...

— Плямка...

— Колюшка, годубчикъ, дай помогу.. вотъ такъ...

— Плямка...

«Гарибальди» улыбался.

Коля глубоко дышалъ, вдыхая теплоту вечернюю.

Вѣялъ вечеръ весенній, голубыми вѣздухами любовно пеленалъ красную землю.

Тысячи толкачиковъ толклись, теребя долгій ласковый лучъ, уходящій, засыпающій на ночь.

Коля дошелъ до монастыря и повернулъ на широкую улицу съ чахлымъ, теперь наряднымъ, бульваромъ и медленно пошелъ по боковой аллеѣ, хоронясь и надвигая на глаза шляпу.

Щеки саднило, а прикушенный языкъ то и дѣло лизалъ кусочекъ отсѣченной, мѣшающей губы.

Спина и ноги ныли, и голова тяжелѣла, будто онъ несъ на плечахъ тяжелый пудъ.

Онъ передъ кѣмъ-то оправдывался и, оправдываясь, залѣзалъ въ такія дебри, откуда выхода ужъ никакого не было... Травилъ себя, потому что и въ пивной, и когда прощался съ Машкой, лгалъ, лгалъ и себѣ, лгалъ и ей...

— Я уйду.

Оборвались мысли.

Вышелъ на главную, но, и шагу не сдѣлавъ, повернулъ въ сторону.

Прямо навстрѣчу шелъ Алексѣй Алексѣевичъ.

Очень неловко стало, хватился застегиваться, но неровно пришитая пуговица только отдула полу, бросилъ пуговицу. Да и поздно.

Поравнялись.

Взглянули другъ на друга. Не поздоровались.

Пошли рядомъ.

— Что случилось? — испугался Коля: видъ у Алексѣя Алексѣевича показался ему до нелзя страннымъ, руки болтались, какъ плети.

Но тотъ ничего не отвѣтилъ.

Такъ шли они молча, не глядя другъ на друга, и не расходились, словно кто-то третій шелъ съ ними, сковывая своими руками ихъ руки.

— Сергѣй—братъ зарѣзался, — проговорилъ вдругъ Алексѣй Алексѣевичъ и улыбнулся, — въ отхожемъ мѣстѣ перочиннымъ ножичкомъ.

Коля остушился.

Что-то хотѣлъ сказать, но слова захрясли, всѣ холодныя, какъ ледяшки.

— Крови такъ пустяки, — на ладошкѣ унесешь... — продолжалъ спутникъ и, согнувъ руку совочкомъ, понесъ ее передъ собой, не разжимая пальцевъ.

И опять пошли молча. Шли неровно, то торопясь, то замедляя.

Отъ моста бѣжать пустились.

Все нарастающая вода клекотала, подплывала Синичка къ пруду.

Мелькнулъ красный заборъ.

— Почему это ворота открыты?—крикнуло что-то и кошкой царапалось въ сердцѣ.

Добѣжали до дому.

На сыромъ дворѣ перекрестные слѣды отъ колесъ.

Вломились на черный ходъ.

Голосъ Пети каплей долбилъ.

— Извѣстное дѣло, изъ тюрьмы въ крѣпость...—обдалъ Прометей.

На кухонномъ столѣ горой подымались подушки и одѣяло Саши.

— Братца вашего, такъ ей-Богу, одинъ грѣхъ на Пасху...—виновато обернулся къ Колѣ городской Максимчукъ.

— Ваша милость, никто другой!—ворчала Эрихъ, повода носомъ икосясь почему-то на Прометей,—всѣхъ васъ повѣсить мало.

— Сгноять, извѣстное дѣло...—отплевывался отъ папироски Прометей, и вдругъ, засучивъ руки, заоралъ во все горло: —шпуньники вы проклятые, доберутся до васъ, доберутся до окаянныхъ, просить будете, н-нѣтъ не будетъ пощады, шиломъ пупокъ проколютъ, выворотятъ брюхо...

— Я тебѣ говорю, чтобы ты подушку сейчасъ же отправилъ, я тебѣ говорю...—приказывалъ Петя городовому, уши у него страшно горѣли.

Лисенокъ, собачка Саши, заглядывая въ глаза, служилъ, а глаза плакали этими невыносимыми слезами, молча.

И, настороживъ уши, взволнованно слушалъ кургузый Розикъ.

Коля принялся разспрашивать, но никакого толку не могъ добиться: говорили всѣ заразъ, кричали, и одно понялъ: какой-нибудь часть назадъ вернулся Саша, и его взяли...

Женя ходилъ изъ угла въ уголь,—бровь у него дергалась:

— Чортъ знаетъ что—черти...

Прасковья плакала:

— Сашечка... Сашечка... Свѣгло Христово Воскресеніе... мамаша-то, кабы знала, дѣвушка, мамаша-то видитъ все... Сашечка, яко разбойникъ...

— Маво сызнава по статьѣ законовъ... Филиппокъ-то говорить мнѣ: мамынька...

— Я тебѣ говорю, чтобы ты сейчасъ же несъ, слышишь...

— Мамынька, сердечная...

— Дерьмо ты, шпуньникъ, чортъ...

— Перочиннымъ ножичкомъ... крови такъ пустяки—на ладошкѣ унесешь...

Коля бросился изъ дому, черезъ дворъ, за ворота, на улицу; что-то гнало идти, идти безъ оглядки куда, глаза глядятъ.

Чувствовалъ, какъ ноги несутъ куда-то, и слышалъ все, не проронилъ ни одного звука; шумѣла тревожно жизнь, и слышалъ каждую жизнь.

Свистки на желѣзной дорогѣ и звонъ часовъ и дребезжаніе пролетокъ и гулъ отдаленныхъ колоколовъ были не какъ всегда, не какъ всякій день.

Все вокругъ навязчиво лѣзло, что-то пряча, что-то скрывая. отнимая, отщипывая кусокъ за кускомъ.

На запотѣвшихъ окнахъ какого-то освѣщеннаго дома, подъ едва слышную музыку, прыгали тѣни.

Остановился.

— Тутъ веселятся,—подумалъ,—они не знаютъ. Они не знаютъ.

Тѣни, прыгая, зачертили страшныя слова.

Онъ видѣлъ ясно: люди плясали, а тѣни ихъ плакали.

Вдругъ стрекотами выпорхнули одна за другой всѣ до единой мысли, скучились, зацѣпились, и упалъ ножъ огромный, острый и разсѣкъ ихъ...

Глухая тоска безотвѣтно, тупо хлынула, какъ кровь изъ глубокой смертельной раны.

Если бы можно было сразу выкрикнуть всю эту боль невыносимую, задавить въ себѣ эту тоску... Бѣжалъ, куда глаза глядятъ, не чувствовалъ подъ собой ногъ.

Цапаясь, падая, вскарабкался на монастырскую гору.

Но силъ больше не стало, повалился на землю, на холодную траву.

Тоска не отхлынула, наводняла тоска пустое сердце.

Меркло зеленоватое затихшее небо. Зеленый мѣсяцъ тихо взбирался на ограду вверхъ къ колоколышѣ.

Гудѣла, плескалась высоко подымающаяся рѣка, гудѣла, ворчала, выводила одно и то же, одно и то же.

Поднявшіяся слезы тѣснили грудь, душили горло; что-то холодное царапало ссадины, врѣзалось въ мясо.

Закусилъ отъ крика землю.

— И—себѣ, и имъ—и себѣ, и имъ!—разрывалось сердце, черносинее сердце, и кровь вскипала, и каждая капля крови, испаряясь, ложилась иглой на сердце, и ихъ было тысячи тысячъ, и каждая колола сердце...

И, чернѣя отъ боли, сердце мстило:

— И себѣ, и имъ—и себѣ, и имъ!

Громоздился плахи за плахами, щелкали пытки страшными зубами...

Сгорбившись, прошелъ Алексѣй Алексѣевичъ, неся передъ собой согнутую «совочкомъ» темную руку, зеленый, улыбаясь...

Коля поднялся на руки, минуту каменѣлъ такъ отъ блеснувшей ужасной мысли: догнать и...

Вдругъ со страшной высоты грохнулись на него тысячи колоколовъ и, придавивъ къ землѣ, расплющили мозгъ.

— Дуу-доонъ!—Дуу-доонъ!—били часы, и каждый выбиваемый часъ билъ по обнаженному.

* * *

Медленно поднялся Коля съ земли.

Окутала міръ страшная тишина: рѣка не бурлила, не росла трава, и часы не ходили.

Медленно пошелъ къ оградѣ, къ башенкѣ.

Плакало сердце, тихо, какъ плачутъ одинокіе, у которыхъ отнимаютъ послѣднее, какъ плачутъ оклеветанные, какъ плачутъ безсильные передъ тѣмъ, что кто-то крутитъ и вертитъ міромъ и не слышитъ и слышать не хочетъ...

Каменная лягушка шевелила безобразными перепончатыми лапами.

Вздывалось ея бѣлое брюхо.

И онъ вспрыгнулъ на ея живую спину и, обнявъ полукругъ башенки, ударился.

Градъ бѣлыхъ острыхъ искръ, взорвавъ тьму, разлился въ глазахъ.

И съ безумной радостью онъ бился лбомъ, бился крѣпко, больно, больно, больно...

Казалось ему, прощается онъ со свѣтомъ, надругавшимся надъ нимъ, надъ его дѣтскимъ сердцемъ, прощается со свѣтомъ, искомьявившимъ его тѣло, исполосовавшимъ всю его душу, прощается съ тѣми, кого такъ крѣпко... кого не любилъ вовсе, и просить простить и бить, бить, бить себя за слезы ихъ...

И раскрывалась подъ нимъ извѣденная красная пасть, лягушки и короста, шелуха слетали съ лягушачьяго лица, и открывался камень... Вогъ взовьется...

Встревоженные стрижи закрестились крылами, зазвенѣли, переноса молитвы тихія.

И вспомнился старецъ.

Красный огонекъ теплился въ окнѣ башенки.

А надъ ней улыбался мѣсяцъ искаженно-зеленой улыбкой.

Коля отступилъ на шагъ, отступилъ и, пораженный, остановился.

Окаменѣлъ весь.

Смотрѣлъ пристально, смотрѣлъ долго-долго.

Припоминалъ...

Вдругъ перехватило дыханіе.

Онъ быстро нагнулся, пошарилъ по землѣ, нащупалъ голышъ... вздрогнулъ кровавой дрожью, прицѣпился, развернулся...

И камень свистнулъ.

Жалобный стонъ прозвякнулъ въ окошкѣ.

Раскатился.

Огонекъ метнулся.

Затрепеталъ.

Огонекъ заплакалъ.

— Ха, ха!

И загасъ.

Ночь.

* * *

Въ домѣ Огорѣлышевыхъ отдавалось приказаніе, чтобы духу Финогеновыхъ не было на дворѣ.

— Тебя еще заберутъ...

И люди шли исполнять приказаніе.

А Бѣсъ, неприкрашенный, худой, сидѣлъ на гвоздѣ затопленного забора, отдѣлявшаго Синичку отъ пруда, и, курлыкая, грызъ копыто, голодный Бѣсъ, испачканный плевками, кровью, а людямъ, такимъ жалкимъ и довѣрчивымъ, казалось: это половодье гремѣть, волны ворчатъ...

Эхъ, ты, гордый человѣкъ!

К О Н Е Ц Ъ П Е Р В О Й Ч А С Т И .

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Николая сунули въ камеру.

— Вотъ вамъ парашка, а вотъ кровать!

— Трри-зз-трр...—растерянно затрепетагъ замокъ.

И сначала загремѣлъ, потомъ... а вотъ и совсѣмъ замеръ
звонъ стучающихъ ключей и топотъ уползающихъ шаговъ.

И стало одиноко, какъ никогда еще.

И тамъ, въ участкѣ, гдѣ въ тѣснотѣ и толкотнѣ, скорчив-
шись, забивался въ уголъ подъ пекломъ взглядовъ, ни дорогой
объ-бокъ съ городовымъ, такимъ жалкимъ и зябкимъ...

Бѣлыя—бѣлыя стѣны.

Тертымъ стекломъ усыпаны.

И что-то, будто грязное, сѣрое тѣло, чуть прикрытое лох-
мотьями, распластанное на кровати, полѣзло въ глаза.

Лечь не смѣгъ.

Казалось, отъ его взгляда зашевелилось это мѣсиво, затря-

слось, какъ студень, и начало медленно по кусочкамъ расплываться и растекаться.

Преодолѣвъ омерзѣніе, повалился.

Было невыносимо жарко, когда очнулся.

Да это номеръ, рѣшилъ вдругъ спросонья и обрадовался.

— О. Гаврилъ, а Гаврила—ты?—покликалъ запекшимися губами.

А было такъ тихо и одиноко.

Подъ потолкомъ мутно—брюзжащая лампочка сторожила.

Бѣлыя бѣлыя стѣны.

Тертымъ стекломъ усыпаны.

Свялъ шубу, калоши, шапку.

И только что закрылъ глаза, какъ развернулась биткомъ набитая площадь. И много мелькающихъ лицъ болѣзненныхъ въ искаженныхъ сморщенныхъ чертахъ.

Крикъ рѣзко раздиралъ гулъ и гомонъ; какія-то рахитичныя дѣти, цѣпляясь тонкими блѣдными пальцами за подолъ женщинъ, выли.

Предчувствіе давило сердце. Ждали чего-то, что должно было непременно притти изъ-за домовъ и соборовъ.

Лунныя тучи кутали небо сочащейся зеленью.

И оно ужь шло.

Разрывалось сердце.

Хотѣлъ бы умереть тогда, такой желанной являлась смерть.

Вдругъ окоченѣла толпа, замерла, приросла къ землѣ.

Но одинъ мигъ—и все измѣнилось.

Нечеловѣческій вопль, какъ смертельная вѣсть, пронесся изъ усть въ уста и яркимъ серпомъ стянулъ толпу и острымъ жаломъ проткнулъ всколыхнувшуюся темную грудь.

Черныя, такія длинныя, руки взмахнулись надъ головой.

Черный дождь жужжащихъ бичей взвизгнулъ и дико зашѣлъ, какъ поетъ въ раскаленной степи пожаръ ковыля.

Зданія рушались, разверзалась земля.

Онъ стоялъ среди гибели, ничего не чувствовалъ, одно зналъ, скоро и его очередь.

Какой-то рослый, здоровый парень, перегнувшись съ сѣла, хлесталъ полуобнаженную женщину.

Видѣль, какъ отъ стыда и боли извивалась спина, какъ, про-
ступая, надувались по ней полоски красныя, синія, черныя.

А руки отчаянно ломались въ воздухѣ, хватались за что-то
предсмертной мольбой:

— Спаси меня!

— Та, та-та-та т...—выбивалъ скороговоркой на игрушеч-
номъ барабанѣ о. Глѣбъ.

О. Глѣбъ со сбитой на сторону схимой, совѣмъ пьяный, а
губы кровью вымазаны и на губахъ улыбка разлившейся похоти.

Вскочилъ, какъ ужаленный.

Въ открытую форточку двери глядѣло лицо надзирателя и
мелькала синенькая тетрадка.

— Выписочку,—говорилъ слащавый голосъ,—на завтра напи-
шите.

Было невыносимо холодно.

Зубъ на зубъ не попадалъ.

Опять одѣлся, ходить сталъ.

Въ жужжащей тишинѣ пулями носились слова, обрывки
фразъ, слова.

До мельчайшихъ подробностей возстановилъ прожитый день.

Досадовалъ и горячился и ужасался, хотѣлось повернуть что-
то, сдѣлать не такъ.

И все повторялось и повторялось.

Щелкнулъ волчекъ.

Съ залежаннаго тюфяка и со взбитой комомъ подушки гля-
нула теперь постылость и покорность.

Такой ненужной и мелкой мелькнула жизнь.

Ни одного блага луча, все ползло и было неправымъ и
лживымъ.

Какъ черви, выползала изъ всѣхъ лицъ, на видъ безупреч-
ныхъ, грязь и гадость.

Полѣзли позорящіе человѣческую душу поступки, мысли,
движенія.

Закрываетъ глаза.

Выль вѣтеръ, высокую выводитъ ноту, выль тупо и скучно,
дыша въ самое ухо.

По трубѣ паръ пустили.

Казалось, бѣжалъ кто-то на огромныхъ ногахъ, добѣгалъ до изголовья, заглядывалъ въ лицо и, ухая, бросался прямо въ кровать.

А за нимъ другой, а за другимъ третій...

Отъ толчковъ все тѣло заняло.

И представилось, ѣдетъ онъ будто въ вагонѣ, а буфера въ тактъ желѣзно—сухо трутся и приговариваютъ что-то, какой-то глухой дурацкій припѣвъ:

Сто усось.

Сто носось.

Лавки и полки сплошь кулями заставлены.

И напалъ страхъ, потому что въ куляхъ что-то живое верочалось, не то крысы, не то какіе-то лягушата поганые, а этотъ припѣвъ до тошноты изводилъ.

Метался по вагону, не умѣлъ отворить дверь.

Вдругъ будто градъ осколковъ вился стальными лапками глубоко въ шею, а желѣзный кузакъ ударилъ по головѣ, подкосилъ и началъ бить...

Съ болью раскрылъ глаза.

Въ корридорѣ тюремный колоколь звонитъ къ повѣркѣ.

Надорванно-растянутой, узловатой полосой прошмыгалъ сонный строй ногъ.

Загремѣли ключи.

Срыву рванулась дверь.

Два отекашихъ арестанта, переминаясь и соня, вошли въ камеру, вытащили ведро изъ судна и, отмахнувъ руки, потащили вонъ.

— Въ шесть вставать полагается,—сказалъ надзиратель и, приперевъ кровать къ стѣнѣ, вышелъ.

Николай слышалъ убѣгающіе шаги, такіе большіе и твердые, которые, казалось, могли растоптать его, слышалъ звонъ и стукъ ключей, которые держали его и владѣли имъ, какъ вещью, нѣтъ, крѣпче, чѣмъ вещью, — и новое, яркое чувство наполнило сердце.

Неволя...

II.

Меркнулъ мѣднѣй тусклѣй свѣтъ тюремной ночи.

Подслѣповато-исзябшее утро, проползая по сѣвѣжнѣмъ тучамъ, кутало сухой паутиной ржавое окно.

Худо прикрѣпленная форточка вздрагивала нервно и, вздрагивая скрипѣла.

Николай оглянулъ свое новое жилище холодное, непривѣтное.

Прочиталъ правила, дотронулся до мажущихся стѣнъ, потрогалъ столъ и табуретку, заглянулъ на полку, уставленную казенной посудой, осмотрѣлъ иконку Спасителя, за которой розгой грозила въ прошлогодняя пыльная верба—

Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся
и обремененніи и азъ упокою вы!

повернулся и сталъ ходить...

И, желая что-то сообразить и къ чему-то приготовиться, не-

слышно для себя принялся каплю за каплей собирать всё годы, которые прожилъ въ ожиданіи какой-то огромности и своево-лія, прожилъ, будто въ полетѣ надъ странною пропастью: сры-вался и терялъ голову, грудью о камни бился, валялся ничкомъ въ грязи, захлебывался, но что-то подымало, оживляло, уносило дальше, а можетъ быть, не уносило, только крутило на одномъ мѣстѣ.

Выгнали ихъ изъ дому.

Помнить день, когда уѣзжали.

Ссорились, грызлись другъ съ другомъ, ломали, коверкали вещи, заносились, вызывали, все и всёхъ оболгали, лишь бы на чемъ нибудь сорвать сердце.

Потомъ это невыносимое молчаніе, когда очутились въ грязной комнатѣ, пропитанной жильцами, голодомъ, бѣдностью, когда очутились въ давящей унижающей тѣснотѣ.

Сидѣли на узлахъ, ни слова не проронили, голоса не подали, боялись, онъ выдалъ бы плачь, отъ котораго душа за-ывалась:

— Почему, почему мы такіе...?

Потомъ тихонько въ дверь нужда постукалась—вѣрная смутница, не забыла.

Будто въ уголку гдѣ-то зимовать примостилась, дырявая, гнилая, рваная вся, съ плоскимъ безволосымъ черепомъ., съ загноившимися мутными отъ слезъ глазами...

Разбухшія отъ дынги прѣлыя челюсти ротъ перекосили, а изъ рта хриплый и гнусавый крикъ:

— Ъсть! Ъсть! Ъсть!

Вокругъ тараканы шуршатъ, грызутся мыши, клопы кишатъ.

Кусокъ за кускомъ летить въ эту зловонную пасть—подлизываетъ крошки, а все ей мало:

— Жрать! жрать! жрать!

Приняли они страшную гостью.

Унижала ихъ, горбила, обливала помоями, насылала болѣзни и бѣды, приказывала терпѣть, приказывала сжиматься, приказывала лгать...

Узнали они ночи безъ сна за какой-то грошъ, а потому за грошъ, что не знали, будетъ ли вонъ эта жаба сыта?

Дыханіе ея выжгло клеймо на лбу.

А духъ жилъ пещерной, скрытной жизнью, гордый—внушалъ сердцу бунтъ и царство, богатый—опьянялъ сердце грезами, вольный—рвался изъ цуть на широкой просторъ, горблъ, разливался, буравилъ землю, рвалъ небо.

И душа надрывалась, захлебывалась въ плачѣ:

— Почему, почему мы такіе...?

Помнить эту страшную ночь, когда Александръ изъ тюрьмы воротился... пасхальную ночь.

Ни пасхи, ни кулича не было.

Сидѣли все вмѣстѣ въ полутьмѣ у раскрытаго единственнаго окна, глядѣли въ черную ночь—въ душу себѣ, и пошевелинуться не смѣли, чувствовали, что сзади кто то висѣлъ, не мать ли висѣла...

И вдругъ колоколъ.

Они вскрикнули отъ боли и отчаянія:

— Заѣдемъ, заѣдемъ Ты издѣваешься такъ...!

Бунтовалось сердце, бросало въ небо беспощадную хулу и проклинало землю и, проклиная, плакало одинокое, рыдало горю своему, до котораго итѣть никому дѣла на цѣломъ свѣтѣ...

Вскорѣ Александръ оставилъ ихъ.

Должно быть, тамъ, въ тюрьмѣ, хрустнуло что то, и родилась другая мысль,—вскормили мысль стѣны, взлелѣвала неволя, окрылила злоба дьявольскими крыльями.

Помнить этотъ закованный взглядъ, осторожныя, вѣрныя движения, которыя не вскроютъ ни одного раздумья, не обнаружатъ ни одной полоски.

Все въ стали, вѣрно, къ цѣли, наперекоръ и прямо, какими угодно путями.

И на лицѣ каменная улыбка:

— Все возьму, и то, чего взять нельзя.

Побратался съ Огорблышевыми...

Хотѣлъ власти.

— А еще, еще чего?—заметался Николай.

Вдругъ закружились мысли, сердце перепонилось тихимъ свѣтомъ, но тишина громомъ разсѣлась, выбилось пламя изъ каждой кровинки, загудѣло, завывало, и всталъ среди свирѣпаго дыма преображенный образъ женщины.

Посмотрѣли глаза, посмотрѣли, какъ тогда, темные, въ темь одиночества и безпріютности, темные, но краше и ярче всѣхъ цвѣтовъ и всякой пѣсни.

Согрѣли, пролили жизнь на измученное сердце.

Никогда еще не любилъ такъ,—любилъ, какъ отчаянный свою петлю.

Первые поджигающіе взоры, нечаянные, такіе правдивые, какъ сердце чистое—звѣзды весенніе, что общають красные дни и солнышко.

— А мнѣ,—закричало сердце,—такую жизнь... да, жизнь, глуби ея, тебя,—ты, Богъ мой!

И, повторяя имя, повторялъ голосомъ забывшагося, вознесеннаго сердца этотъ голосъ, эту музыку, эту пѣсню—

Пѣснь пѣсней:

— Приди ко мнѣ!

И чувствовалъ до ужаса близко всю ее; чувствовалъ, какъ билось ея сердце, какъ обнимались души и улетали...

Стукнула форточка двери.

— А чай въ двѣнадцать,—рѣзко прервалъ надзиратель, просыпая кувшинъ съ кияткомъ и ломоть хлѣба.

Сдавило грудь.

Проломить бы эти стѣны, взорвать бы на воздухъ эту крѣпость, эти камни, это желѣзо, этихъ вооруженныхъ, погорныхъ людей—вѣчную стражу вѣчныхъ стѣнъ!

Всѣ мысли прыгали на острии ножа.

Пришелъ голодный,—рвалось—разсказывало сердце,—пришелъ изнемогающій, отчаянный, смерти хотѣлъ, смерти искалъ.

Клятву давалъ разбить грудь, только не жить такъ.

И былъ одинъ путь...

А вдругъ простерлись руки, протянулись къ тебѣ, какъ алы стѣни вечерняго облачка.

Она утолила твою первую жажду, Она сбила тебя съ твоей дороги, Она бросила вѣнчалый вѣнокъ въ твой темный омутъ, чтобы крутился и пылъ, и ты пылъ вѣчно, вѣчно — одинъ мигъ.

Ты любилъ ее.

Но долженъ былъ уйти...

— Выгнали,—захохоталъ кто-то,—тебя выгнали, слышишь!

И представилась ему вся эта гнусная сцена съ ея отцомъ...

— А какую тогда роль ты игралъ?

— Все возьму,—зашептала каменная улыбка на безстрашномъ лицѣ родного брата.

Послѣднія капли жизни во мгновеніе изсыхали.

Опустился на табуретку.

Беззащитнымъ взглядомъ искалъ передъ собой.

Гдѣ-то далеко жили какіе-то люди, люди о чемъ-то думали, чего-то желали, люди за что-то боролись...

Николай надавилъ кнопку.

— Скоро чай-то?—спросилъ раздраженно.

— Часика черезъ два.

— А!

Прочиталъ правила, дотронулся до мажущихся стѣнъ, потрогалъ столъ и табуретку, заглянулъ на полку, уставленную казенной посудой, осмотрѣлъ иконку Спасителя, за которой розгой грозилась прошлогодняя пыльная верба—

Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся
и обремененніи и азъ упокою вы!

повернулся и сталъ ходить...

— Не вернется... не вернется,—напѣлъ темнымъ голосомъ чужой, нелюдимый голосъ.

Будто чумное стадо прошло черезъ всѣ дуга, черезъ всѣ пастбища его расцвѣтшей мечты, утопало, смутило все, что росло, хотѣло расти.

Въ корридорѣ такъ тихо стало, словно слилась съ корридоромъ его душа, только неумолимые шпоры однѣ мѣрно звякали:

— Не вернется... не вернется...

Безшумно распахнулась дверь.

Вошелъ грузный начальникъ.

На рубцеватомъ суровомъ лицѣ свѣтились добрые глаза.

И, когда говорилъ начальникъ и когда обѣщалъ, чувствовалось что-то родное, и всѣ грани, раскалывающія людей на враговъ и не-враговъ, казались такими ненужными, неважными и призрачными...

— Трри-зз-трр... — робко затрепеталъ жестокой замокъ.

Бумагу пообѣщали къ вечеру, — обрадовался Николай.

Теперь принесли чай, но кивятокъ ужъ остылъ.

Попробовалъ заварить въ кружку. Размѣшивалъ, разминалъ. Только ложка, пропитанная щами, распарилась.

Пилъ противную тепловатую бурду. И миръ угасалъ.

Охватывала ненависть.

Ненависть не къ этому начальнику, который только общаніями кормить можетъ, не къ солдату, который туло караулитъ и слѣдитъ за каждымъ твоимъ движеніемъ, а къ тому непонятному произволу, по которому на твою долю голодь выпадаетъ и униженія и такія желанія, которыя сжигаютъ всю твою душу и не даютъ ей покоя.

Съ остервенѣніемъ, съ закипающей кровью пыталъ судьбу.

Видѣлъ издѣвательства, косность, самообольщенія и обольщенія, зѣбство, а надъ всѣмъ одно... одно страданіе.

Видѣлъ, какъ что-то пречистымъ таяло на лицахъ въ ангельскомъ умиленіи, какъ трубили трубы справедливости и негодованія, а въ сердцѣ какія-то паразитическія насѣкомыя гадили и кишѣли и безгранично царили въ своемъ царствѣ мелочности, честолюбія.

Люди хотѣли быть искренними, а лгали, нахально лгали, и себѣ и другимъ, лгали хуже всякаго, кого добродѣтельные клеймили отъявленнымъ негодяемъ.

Люди хотѣли быть чистыми, а чернили тѣхъ, кто не подходилъ къ ихъ мѣркѣ, къ дурацкому колпаку виѣшнихъ заповѣдей; и коптилось людское сердце.

И для чего жилъ міръ, и на чью потѣху прыгалъ одинокій человѣкъ... на потѣху? — на слезы и страданіе себѣ и тебѣ, тебѣ и себѣ, врагъ и не — врагъ?

Какой твой богъ, кому подобіе его, кому образъ?

Свихнуть этотъ произволъ — этотъ мудрый порядокъ безумнаго — слишкомъ расчлѣваго мозга, потушить ли въ своихъ глазахъ этотъ свѣтъ — грязь, сладость... не грязь, не сладость, иѣтъ, не то... — бросалось сердце изъ горячаго пара въ студеной ледникъ.

Бросалось безъ устали, безъ передышки, — отвѣта нигдѣ ему иѣтъ.

Закатившимся каменными бѣлками, ужасомъ и насмѣшкой смотрѣлъ, не глядя, древній, источенный алкающими прикосновеніями, неподвижный сфинксъ.

И по мѣрѣ того, какъ всматривался онъ въ чудовище и копа-лся въ душѣ, камень размягчался, разбухалъ, бѣлѣлъ, разливалась сѣтъ тончайшихъ нервовъ, алѣла, и выступали острыя сине-грозовые рѣсницы, и шевелились сомкнутыя губы, кровь играла...

И снова камень, опять этотъ ужасъ, опять насмѣшка...

— Жертвы тебѣ, жертвы!—задыхалось сердце.

Разлившаяся желчь, какъ камень, затвердѣла и зашрудила живую кровь.

Скучно... такъ скучно...

И время пошло черезъ силу, еле-еле—калъка вѣстовой на изломанныхъ костыляхъ.

Жить, какъ живетъ трава на людной улицѣ подъ водосточной трубой, замасленный, заплеванной, не зная, зачѣмъ живетъ, зачѣмъ другіе живутъ, для чего мѣръ, гдѣ Богъ, какой Богъ...

Принесли обѣдъ.

Николай не дотронулся: стыдно свиньямъ дать.

Ждалъ вечера.

Позвякивая кандалами, прошли арестанты. Шумъ и ниль пронеслись по ихъ слѣду, а за ними уходилъ день.

Растопырявая дымныя, кишащія лапки, поматывая безглазыми, безобразными головами, ползли тюремныя сумерки.

Проползали въ камеру, подползали къ сердцу, вонзали свои тупые вороньи клювы, лизали шаршавыми гадовыми языками, пока не вскрылись раны, не потекла густая отравленная кровь.—

И вотъ въ мутно-пушномъ, все сгущающемся свѣтѣ запи-пѣлъ изводящій голосъ.

А чья-то черная рука съ какой-то губельной страстью запойнаго схватила за его руку и потащила въ глубь страшныхъ кошунствъ, хулы и изувѣрства.

Мучительно надсаживаясь и сопя, два огромныхъ бритыхъ арестанта волокли за грязный обтрепанный подолъ полумертвую женщину.

Казалась она непосильной тяжестью, а была такой маленькой и хрупкой.

Узналъ Машку.

Расцарапанными руками судорожно и пугливо прятала она истощенную худую грудь.

Узналъ эти глаза, наивные и дѣтскіе.

Плюнулъ въ помертвѣвшіе зрачки, плюнулъ отъ невыносимой боли, занесъ ногу, чтобъ каблукомъ навсегда проломить этотъ укоръ:

— Зачѣмъ такъ надругался надо мной?

Потемнѣло въ глазахъ.

Шатаясь и подпрыгивая отъ пинковъ, мать шла.

Челюсти тряслись отъ слезъ.

И онъ протянулъ руку, хотѣлъ приласкать, согрѣть мать, но рука невѣрно скользнула и унала тяжелымъ ударомъ прямо въ спину матери.

А она поднялась и пошла, шла и молила каплю милосердія, обезумѣвшая отъ горя, мать...

Закружились въ глазахъ кровавыя пятна.

Онъ почувствовалъ, какъ въ сжатой горсти закрустѣлъ сухой песокъ.

И, какъ когда-то, прицѣмился и мѣтко цустилъ въ раскрытые больные глаза больного помиривагося брата Жени.

Да, видѣлъ эти глаза, такіе грустные и беззащитные. И сыпалъ и сыпалъ въ эту беззащитность и грусть сухой песокъ.

Тогда душа въ нѣмомъ отчаяніи схватилась за мысли, за оправданія, но онѣ выскользнули, увернулись, все попрятались.

И спасенія не было.

Душа была обнаженной.

Съ безстыдствомъ потерянной женщины она выставляла себя казала всю мерзость и нечистоту своего заразнаго продажнаго тѣла, размазывала пальцами грязь по своимъ измученнымъ членамъ, наваливала на себя грѣхи за грѣхами, подлость за подлостью...

Изводящій голосъ гудѣлъ жуткимъ гуломъ похороннаго звона и ярко, отчетливо выговаривалъ слова за словами своимъ безпощаднымъ чугуннымъ языкомъ.

И Николай просилъ простить его:

— Господи... Господи, прости меня!

Всю мою жизнь я буду ползать, какъ послѣдній червякъ, я все снесу безъ ропота, я пройду все муки, лишь бы Ты...

А черная дьявольская рука съ сладострастіемъ запойнаго тащила въ болѣзненные наслажденія поруганій, дулы и издѣвательства.

На крикъ кричала душа, вырывалась, боролась, но силъ уже не стало,—она отдалась истязанію и пыткамъ и боли безумной.

Сердце по кусочкамъ рѣзали.

Вдругъ бѣлымъ свѣтомъ Преображенія упала пелена на выжженные глаза.

Среди бѣлоснѣжныхъ облаковъ, воркующихъ съ теплой лазурью, встала Она и зашѣла голосомъ полнаго сердца эту музыку, эту пѣсню...

Пѣснь пѣсней:

— Приди ко мнѣ!

Но тѣ, которые такъ глубоко врѣзались въ душу и жалили сердце — ихъ было много — они продирались сквозь серебро бѣлаго свѣта, карабкались одинъ на другого съ искаженными ртами, въ гноищѣ, въ слезахъ, въ нестерпимыхъ мукахъ, съ страшнымъ словомъ на похолодѣвшихъ отъ истощенія и горя ртахъ:

— Проклятый ты, проклятый!

И метался онъ по камерѣ.

— Спаси Ты меня, спаси!

Зажгли лампочку.

Долго не успокаивалась лампочка въ своей желѣзной клѣткѣ: кивала, подмигивала, удивлялась, насмѣхалась, рыдала тоненькими загнутыми язычками.

Въ корридорѣ зазвякали равнодушныя шпоры.

Хлопнула форточка двери.

— Сто двадцать,—сказало—мелькнуло лицо дежурнаго.

Хотѣлъ спросить о бумагахъ, хотѣлъ о многомъ, о многомъ спросить, будто тамъ, за дверью, все знали.

— Сто двадцать одинъ—отвѣтила—захлопнулась форточка.

Вошелъ надзиратель, отперъ кровать, помялся, будто собираясь сказать что-то большое и важное, и вышелъ:

— Спокойной ночи!

И опять ночь.

Стало все крѣпко безотвѣтнымъ и скрытнымъ.

Стѣны молчали, таили въ своемъ каменномъ сердцѣ какое-то безповоротное рѣшеніе неуклонной невѣдомой судьбы.

И погасла зашвырявая съ отчаянія мечта о томъ, какъ было бы хорошо, несказанно хорошо, если бы сдѣлать не такъ, какъ сдѣлать, а по другому, если бы во время догадался, во время спохватился, былъ болѣе чуткимъ...

А гдѣ-то внизу, на тюремномъ дворѣ, громыхали.

Казалось, строили чудовищную плаху, громоздили орудія пытки, точили адскія бритвы...

А гдѣ-то внизу, на тюремномъ дворѣ, шили:

— Не вернется... не вернется...

И глухо ударили молотками:

— Никогда... Никогда...

И кто-то ѣжась на огромныхъ ногахъ, добѣгалъ до изголовья, заглядывалъ въ лицо и, ухая, бросался прямо въ кровать.

А за нимъ другой, а за другимъ третій...

III.

Медленно недѣлями—годами, днями—недѣлями, мгновеньями—вѣчностью ползло тюремное время.

Выпускала тревога острые когти, вонзала когти въ глубь сердца, волновала, душила.

Скрытые глаза души, палимые болью и одиночествомъ, зажигались пожаромъ.

Собирались слезы со всего міра, претворялись слезы въ живую плоть, толпами находили люди, окружали горящимъ кольцомъ, распахивали грудь, вынимали свое сердце.

Онъ читалъ написанную на трепещущихъ огненныхъ свиткахъ судьбу каждаго, разбиралъ вырѣзанныя глубокимъ рѣзцомъ мысли, дѣянія, чувства.

И яснымъ становилось то, что разбредалось, путалось, мѣшалось за грохотомъ—свистомъ и крикомъ—шумомъ сутолки жизни, и понятнымъ становилось и этотъ грохотъ—свистъ и этотъ крикъ—шумъ.

Болгала болтовня свои пустыя бредни, выплясывала игра свои кривляки—пляски, хмурилось раздумьемъ нехмурое лицо, покрывались холодныя губы искристымъ смѣхомъ, а руки упорно тянулись вонъ за этимъ, за тѣмъ... за этимъ...

И, казалось, раскрывалась ужъ тайна человѣческой жизни.

Маски, маски... а за ними лица такія несчастныя, сиротливыя, окаменяблыя, источенныя горемъ, изрытыя сомнѣніемъ, оглушенныя невѣдѣніемъ, раскосыя, помраченныя, растерянныя, скотскія...

Но приходили новыя толпы, окружали смолянымъ кольцомъ, распаивали свою грудь, вынимали свое сердце.

Страшныя, странныя слова горѣли на этихъ черныхъ свиткахъ.

И то, что было грѣхомъ и преступленіемъ, не было теперь грѣхомъ и преступленіемъ, а было пышными кострами, прожигающими міры до ихъ цуповинъ, лабиринтными путями въ лоно нечеловѣческихъ тайнъ,—и то, что вѣчалось красотой и святостью, страшило своей чудовищностью и безобразіемъ и трусостью и наглымъ лицемѣріемъ,—и хаосъ распускался въ созвѣздія,—и добро мѣнялось треномъ со зломъ,—и тамъ, гдѣ низвергались боги и потѣшались въ святотатственныхъ оргіяхъ темныя силы, взирало око Бога,—и тамъ, гдѣ возносились славословія, хохоталъ Дьяволъ.

Разсыпались, слагались, тлѣлись зорьями царственныя сердца, что жили одипоко, раздирались узловатыми пальцами праха, расплющивались коcтями, высасывались науками, точились молью, изѣдались плѣсенью и всѣмъ, на чемъ печать была похожихъ и равныхъ.

И вловь блистала разгадка...

Но покрывалось прѣстранство густой черною ночью.

Несмѣтныя толпы находили и сходились, красныя горящія сердца, какъ огненные языки, пылали, и струились по нимъ слезы расплавленнымъ металломъ, и онѣ горько шептали:

— Пойми насъ!

И эти, одинокія — несчастныя, и эти, убогія — несчастныя... говорили въ одинъ голосъ:

— Пойми насъ!

И душа трепетала... распускала въ мигъ свои мягкія крылья,

укрыть, прижать, пригрѣть, отогрѣть хотѣла эту горестъ, и печаль, и скорбь земную... душа земная.

Падалъ невидимый молотъ, приколачивалъ гвоздями рвущіяся крылья, а на рукахъ гремѣли оковы.

Медленно недѣлями—годами, днями—недѣлями, мгновеньями—вѣчностью ползло тюремное время.

Было тихо, какъ въ застѣвкѣ съ замурованнымъ входомъ.

Свѣты—звуки угасли.

И кора шумовъ и скриповъ, словъ и гуловъ, облекающихъ душу, разбухла, расщепилась на безчисленные волокна; пити свернулись, засохли и обратились въ прахъ.

Онъ слушалъ.

И сказалось то, что вѣчно лишь смутно говорилось, и сказалось то, чего такъ боялся самъ открыть себѣ, и закричало то, чего въ вѣкъ бы не прошепталъ самымъ тайнымъ голосомъ въ тайну отходящей души.

И вотъ поднялись бури голосовъ, слетѣлись, понеслись вихри звуковъ, зажурчали шопоты, покатались волны словъ, встали валы грозныхъ громовъ, выбилъ фонтанъ криковъ, попали капли упрековъ—словъ, загудѣли, завывли водопады побѣдоносныхъ гимновъ, забарабанили боевые кличи, и схватилось причитанье—ропотъ съ разгульной пѣсней, и потонулъ въ лобзаньяхъ безсильный скрежетъ...

Тамъ загорались голоса, какъ праздникъ, кричали камни...

Тамъ голосъ, какъ сѣдая трава, брюзжалъ старческимъ беззубымъ ртомъ.

Беззвучный плачь на зарѣ пѣвучей.

Воспоминаніе въ разгаръ желаннаго безпамятства.

Глухой укоръ въ мигъ наслажденія.

Тамъ темный голосъ, совсѣмъ чужой, вылъ, какъ царь-колоколъ, рвалъ сердце и раздиралъ и разсѣкалъ и рѣзалъ... врасплохъ застигнутое сердце.

Раскидывался театръ.

И голоса, какъ люди, жили.

Мясомъ обростали бездушные скелеты, заливались кровью пустыя жилы, пылали глаза.

Это былъ голосъ—мать, это былъ голосъ—братъ, и голосъ—

другъ и голосъ—врагъ, и голосъ—вождь, и голосъ—рабъ...
измѣнникъ и палачъ, предатель...

И много было голосовъ другихъ — все люди съ плотью,
съ кровью.

Онъ слушалъ, застывалъ, какъ ледь.

Бросался то къ одному, къ другому...

Пыталъ себя.

И хлестала разыгравшаяся буря крупнымъ, частымъ дождемъ,
колола снѣжною крупой, царапала глаза пескомъ, раз-
бѣдала известкой и пылью.

Изнеможенный, падалъ и въ затаенной тишинѣ слышалъ
вдругъ бой часовъ—сторожа неволи, они напоминали...

И въ мигъ распускала душа свои мягкія крылья, улетѣть
хотѣла на землю... душа земная...

Падалъ невидимый молотъ, приколачивалъ гвоздями рву-
щіяся крылья, а на рукахъ гремѣли оковы.

Чуть живыя старыя стрѣлки старыхъ часовъ едва передвигались.

Какой-то сѣрнистый удушливый воздухъ окутывалъ душу; разлагались мысли, и зѣла предъ глазами страшная пустота.

Хотѣлось книги, тѣхъ книгъ, гдѣ слово — смутный отголосокъ какой-то инсй жизни и иного знанія — раскрывало преддверіе царствъ и отбрасывало тѣни отъ тѣней существъ, которыя обитали тамъ, и вело по темнымъ ходамъ въ жизнь невѣдомыхъ міровъ.

Хотѣлось книги, слово — откровеніе которой живой водой вспрыскивало умирающій составъ души.

Но книгъ не было.

Николай казался себѣ такимъ ничтожнымъ и бѣднымъ, и такими жалкими и смѣшными являлись всѣ человѣческія догадки и попытки вырвать у тайны хоть смутный отблескъ, хоть тихое эхо ея глазъ, ея голоса.

Безразличье окутывало міръ сонливой паутиной, а люди, которымъ входитъ полагалось и командовать, казались изнеможенными, жел-

тymi, жалующимися, больными, и была невозмутимая покорность и готовность всему подчиниться и все исполнить.

— Вотъ въ семь у насъ кубъ: кипятокъ несуть, а въ двѣнадцать обѣдать, а потомъ опять кубъ, — такъ оно и пойдетъ и пойдетъ...—сказалъ какъ-то еще въ первые дни надзиратель.

Такъ оно и пошло.

— Грачевъ, а Грачевъ!—кричитъ чуть свѣтъ надтреснутой, усталый голосъ дежурнаго, — Лугачевъ! на работу! Пугачевъ... черти!

Несуть кипятокъ.

Сѣрый день по каплѣ струитъ сухой свѣтъ, и свѣтъ сырветъ, расплзается и входитъ въ жилы и терпкимъ ядомъ точитъ кровь, а душа придавленной птицей неподвижно на землѣ лежитъ и зябнетъ и ужъ хочетъ ли чего—сама не знаетъ.

Николай позвонить и ждать.

Форточка открывается.

— Ну что, ничего не слышно?

— Ничего.

И не пройдетъ минуты, опять звонитъ.

— На счетъ бумаги какъ?

— Ничего не знаемъ.

И ходитъ онъ изъ угла въ уголь, отъ окна къ двери, отъ двери къ окну.

Прислушивается.

Надъ головой кто-то мучительно ходитъ, и по бокамъ кто-то ходитъ, и кто-то кашляетъ, надсаживая хрипящую грудь, и кто-то, должно быть, опять на корридорѣ досадливо-безпомощно ругается.

— Лугачевъ... Грачевъ... Пугачевъ... черти!

И приходитъ ночь, ночь бессонная, бессмысленная, ночь тупо-кошмарная, безгласная.

Онъ ужъ не видитъ ничего и ничего не слышитъ.

Только вѣтеръ, вдругъ налетаетъ вѣтеръ, судорожно теревитъ костлявыми пальцами форточку и вѣтренно-вѣще подаетъ вѣсть...

— Повтори! повтори!

Но вѣтеръ скрывался. Вѣтеръ далеко. Только скрипѣли ржавыя жалобныя петли.

Крѣпко-морозныя звѣзды, разгоняя чертей, пробились сквозь сумракъ Рождественской ночи.

Отдохнувшіе за постъ колокола поднялись, загудѣли со всѣхъ колоколенъ.

Николай услышалъ монастырскій звонъ.

Взобрался на окно, открылъ форточку, вперился глазами вдаль: искалъ бѣлую колокольню Андроніева и пустырь и прудъ.

Безшумно лопались звѣзды, и тучи искрящихся алмазовъ, вспыхивая и разсыпаясь, стлали по небу бѣлые пути, и звѣзда къ звѣздѣ льнула.

Спутывались ихъ золотые волосы, сплетались ихъ серебряныя ручки...

Онѣ неслись по небу, пѣли:

— Слава въ вышнихъ Богу!

А рогатый мѣсяцъ, выглянувъ острымъ краснымъ рогомъ, въ мигъ черный отъ проклятой чертовской ноши, за дома кануль.

И вспомнилось Николаю, какъ когда-то, наголодавшись до звѣзды, пили на верху въ дѣтской чай съ барбариснымъ вареньемъ, да, опрокинувъ липкія чашки, на дворъ выбѣгали, на дворѣ башлыки съ шапокъ срывали, да, посорвавъ башлыки, пускались по пруду до самой купальни.

А морозу, бывало, нарочно подставляютъ щипать щеки: чтобы, какъ у большихъ, брови заиндевѣли, а бровки такія тоненькія... и индевѣть нечему.

Потомъ волчатами къ воротамъ пробирались: огонекъ въ окнѣ у дяди Алексѣя злобно и зорко горѣлъ...

Приходили въ церковь.

Въ церкви темно, только лампада чуть теплится предъ Грузинской чудотворной иконой, да маленькая свѣчка на канунѣ.

И никого еще нѣтъ, не звонили.

Черный, какъ нечистый, бродитъ въ пустой церкви пономарь, Матвѣй Григорьевъ...

Потомъ церковь биткомъ набьется.

Съ нами Богъ...

—грязнуть пѣвчіе.

А Прометею всегда казалось, что это онъ, одинъ онъ рванулъ на всю церковь...

И, вспомнивъ все до капельки, отчетливо услышалъ Николай въ гулѣ звоновъ родной звонъ.

Да, у Грузинской звонили.

Какіе хорошіе, какіе... эти дни были, и имъ никогда не вернуться...

Залилось свѣтомъ сердце.

Не помнилъ ни на комъ зла.

Онъ видѣлъ всѣхъ добрыми, они встали передъ нимъ и словъ такихъ никогда не говорили и никогда такъ тѣсно не жили, какъ въ эту минуту...

Насмѣшливо щелкнулъ проклятый волчекъ.

Слѣзь съ окна.

Лютымъ холодомъ пахнуло въ сердце, — сердце засыпало дрожью.

Изгрызъ бы тогда ненавистную стѣну.

— Одинъ, одинъ... — грустило сердце.

И вдругъ, будто отъ тяжелаго сна пробудился: въ окно, пробивая ледъ пространствъ, прямо глядѣла тихая звѣздочка.

Бросился, окунулъ исзябшее сердце въ ея родномъ грѣющемъ свѣтѣ, простеръ руки къ ея горящимъ рукамъ,—понеслась душа за тюрьму, за дома, за дворцы, дальше и выше...

Она сорвала корону тихаго мерцанья и бурнаго огня, наполнила грудь до верхнихъ краевъ запахомъ весеннихъ растеній, засвѣтила сердце пѣснями и восторгомъ нечаянныхъ радостей.

Тогда изступленно закричали страстныя зарницы, разлились семидвѣтныя зори, разошлись утоленные жажды, загромозились жизни.

И скалами застыло время.

Но алчущій взоръ расплавилъ камни...

И раскинулась вѣчность.

И всякая самость и тварь и сознаніе сошлись и слились въ единую душу.

И была эта душа той, которую любилъ онъ.

И она была всѣмъ, и все однимъ было.

Да! помнишь, помнишь!—кричало сердце—ужъ вечерній свѣтъ погрузился въ голубую дрему, и золото, прилипшее кусками къ къ корѣ сосны, сгорѣло, и ночь пришла и задымила факель надъ знойными июльскими полями, ты помнишь?..

Не вернется... не вернется,—напѣлъ вдругъ чужой нелюдимый голосъ.

Отчаянье сковало тѣло.

И просилъ онъ, просилъ...

А полночь черною жестью на окно ложилась, смѣнялись звѣзды,—прилетали неродныя.

Двурогій кровавый мѣсяцъ вольно плылъ по небу, и кто-то черный, плясалъ и скакалъ на немъ, плясалъ, скакалъ, какъ побѣдитель.

Боялся шелохнуться.

За спиной бродили дразнящіе соблазны и дышали горячимъ паромъ.

Мелькали призраки, неслышно растворялась дверь, и кто-то окликалъ жутко.

Тоска росла.

Казалось, онъ видитъ гробъ свой... зияетъ передъ глазами
яма... опускаютъ гробъ... опустили.

И комъ за комомъ падала земля.

Не смѣлъ закрыть глазъ.

Странной улыбкой горѣли губы.

И кликалъ.

Ни звука.

— Приснись... приснись Ты мнѣ въ эту долгую ночь... оди-
нокую!

Наступили Святки.

Мѣста себѣ не находилъ отъ тоски, почамы глазъ не смыкалъ, одно чувствовалъ, — вся душа изнываетъ, одно чувствовалъ, — подходитъ что-то, становится съ каждой минутой все ближе и ближе.

И въ полузабытїи съ открытыми глазами мерещимись Николаю всякія страхи: наполнялась камера маленькими насѣкомыми, юркими, какъ муравьи, заползали эти муравьи за шею, вползали въ рукава, въ ноги, впивались, точили тѣло, растаскивали тѣло по мельчайшимъ кусочкамъ.

Ужъ, казалось, все было изгрызано и съѣдено, былъ одинъ голый скелетъ, и чувствовалъ, какъ ссыхались и сжимались кости и давили сердце, и сердце болѣло тупою болью.

Дѣлалъ страшныя усилїя, трясъ головой и на мгновенье пробуждался, но только на мгновенье,—тотчасъ же изъ какихъ-то раньше незамѣтныхъ щелей и трещинъ, сначала въ

одиначку, потомъ цѣлыми стаями, выползали эти проклятые гады...

* *
*

Въ положенный часъ повели на прогулку, какъ водили однажды всякій день.

И была эта прогулка пыткой.

До послѣднихъ ступеней провожали мутные глаза камеръ.

Въ нѣкоторыхъ огни засвѣтили, и бросились отъ свѣтовъ тѣни на рѣшетку и, перегнувшись, какъ живыя, хотѣли спрыгнуть въ нижній ярусъ.

И болѣло въ ихъ напряженности страшное отчаянное ожиданіе.

Какъ на арканѣ, ходилъ Николай по кругу.

Заходило солнце, золотисто-инеевой вечеръ разсыпалъ по небу холодные красные кристаллы, и валили со всѣхъ сторонъ алые клубы зимняго дыма.

Зудящее жужжанье телеграфныхъ проволокъ, уханье ухабовъ, скрипъ и скать полозьевъ,—все это мчалось, мчалось куда-то.

Оглушалъ грохотъ, опьянялъ воздухъ.

Снова сунули въ камеру.

Захлопнулась дверь.

Замокъ щелкнулъ.

И глянули стѣны чугунными плитами sklepa.

И нечѣмъ дышать стало.

И нечѣмъ дышать стало еще потому, что съ душой произошло что то неладное: сердце подъ льдомъ горѣло.

А на мигъ такъ ярко блеснувшая мысль, что это—конецъ, страшная болѣзнь какая-то, за плечами которой стоитъ смерть, эта мысль отточила всѣ силы до острѣйшихъ лезвьевъ.

Въ одинъ мигъ ожили всѣ воспоминанія, прошла вся жизнь, и вспыхнули такія мечты и такія желанія...

Имъ грани не было.

Развертывались и вдаль и вширь отъ вѣчныхъ льдовъ до цвѣтовъ весеннихъ, по степямъ, по горамъ.

Утратили имя, къ груди землю прижали, спалили ея нищету и богатство, понеслись за звѣзды... невидимое свѣтомъ

открытыхъ глазъ озарили, неслышное скатили громами, сорвали пелену тверди... свистнули крылья, пустились къ престолу... коснулись ступеней трона...

Хлопнула форточка двери.

— Сто двадцать,—сказалъ кто-то рѣзко изъ-за страшной дали.

И, когда надзиратель отперъ кровать, оставили силы—Николай повалился.

Кутался въ одѣяло, хотѣлъ что-то припомнить, сказать что-то, зацѣпиться, а чувствовалъ: спускаютъ куда-то, на какихъ-то горячихъ красныхъ помочахъ, тянутъ куда-то все ниже въ черную глубину, глубже...

Лежалъ въ оцѣпенѣніи.

Слышалъ, какъ что-то стучало, ходило вездѣ: и въ вискахъ, и въ груди, и за окномъ, и за стѣной.

Жмурился, а въ глазахъ красные топорики и молоточки мелькали, мелькали и постукивали.

Лежалъ такъ долго... цѣлую вѣчность.

Вдругъ рѣзко прокричалъ одинъ одинокій звонокъ.

Кто-то шарахнулся отъ двери, шмыгнулъ по корридору.

Замокъ щелкнулъ... Замокъ щелкнулъ...

Тихо.

Кривила тишина свои сухія, зеленыя губы.

Насторожился.

Сдернулъ одѣяло.

Бросился къ двери.

— Повѣсили!—шепнулъ кто-то.

Шепнулъ кто-то изъ корридора.

И шопотъ прокололъ тишь и тяжелымъ молотомъ хватилъ по виску.

— Повѣсили!

И хлынула смертельная тоска, затопила тоска ужасъ, сорвала всѣ побѣги сердца... кипѣли волны, а по нимъ будто горящія нѣмыя птицы.

Отчаянне сцѣпившихся въ схваткѣ молній.

Крушенье мраморныхъ зданій.

Выбившійся въ небо кровавый фонтанъ.

Затаенность въ мигъ жизни или смерти.

— Повѣсили!

— Тррахъ!!—раскатилось по камерѣ: Николай грохнулъ табуреткой въ лампу.

И звякнулъ, задрезжалъ свѣтъ... хлынула тьма кромѣшная.

Скорчившись, съ затаеннымъ дыханіемъ онъ слышалъ одинъ одинокій, рѣзко кричащій звонъ.

Долгій...

Свой звонъ.

И тихо, снова тихо и черно.

Пожиралъ тьму.

Вдругъ изъ черноты выдѣлилась блестящая фигура.

Медленно и упорно шла она къ обезумѣвшему и, не дойдя шагу отъ него, остановилась.

Это былъ латникъ съ суровымъ, ужасно знакомымъ лицомъ.

Измученными глазами, вытягивая всю душу, латникъ въ упоръ смотрѣлъ на Николая.

И Николай смотрѣлъ на него.

Не могъ оторваться.

Минуту казалось, онъ понималъ что-то, разгадалъ что-то, узналъ человѣка въ блестящихъ мѣдныхъ латахъ и мѣдномъ шлемѣ.

Зашевелился латникъ... сдѣлалъ шагъ...

Мѣдныя латы сдавили сердце.

* * *

И почудилось Николаю, вскарабкался онъ на столъ, отворилъ форточку.

Въ лунной ночи ясно бѣлѣлъ монастырь, а за нимъ черный пустырь, а за пустыремъ прудъ.

Надъ прудомъ поднятыя вверхъ черныя руки огромныхъ обрубленных ветель и никлые кустарники въ бѣломъ серебрѣ.

У плотика прорубь.

А домъ весь въ снѣгу, наверху сквозь запорошенное окно мерцаетъ лампадка.

И вотъ онъ будто выломалъ рѣшетку и сталъ спускаться.

Мѣсяцъ, такъ близко, такъ страшно—мѣсяцъ такой большой.

Совладать не можетъ.

Обрываются руки, и выскакиваютъ, падаютъ камни, шелушится штукатурка—вотъ сорвется!

За сто двадцатый карнизъ зацѣпился, а конца краю не видно.

А мѣсяцъ все ближе...

Да ты вверхъ лѣзешь!—словно ударилъ кто-то.

И въ самомъ дѣлѣ: отъ колокольни мелькала лишь точка, а пруда и вовсе не было.

Вдругъ оборвались руки, скользнули по воздуху... зацѣпились, впились въ кирпичи пальцами.

Влипъ въ желѣзо.

И въ смертельномъ ужасѣ, съ захолонувшемъ сердцемъ повисъ надъ бездной...

* *
*

Былъ часъ разсвѣта.

Но разсвѣтъ былъ лунный, какъ лунной ночью стыла.

До одури пьяный, обдѣлавъ свое дѣло, надъ какимъ то несчастнымъ, хранилъ палачъ въ крысьемъ, безъ оконъ, темномъ карцерѣ.

Изъ подъ подушки красный новенькій кафтанъ торчалъ ухомъ.

Проигралъ палачъ красный кафтанъ, а чуть свѣтъ—въ дорогу опять, и не дадутъ отыгаться.

Вышла изъ подъ пола голодная крыса, осканила чутко желтые зубы...

Разметался, растопырилъ палачъ салные пальцы.

Снилась ему старуха—мать, съ котомкой по полю шла, а онъ, будто совѣтъ крохотный, бѣжитъ за ней; хочетъ за подолъ схватиться—да ножонками не пособиетъ, а покликать не можетъ, пропалъ голосъ. Потомъ скрылась мать, остался онъ одинъ среди поля—на немъ красный новенькій кафтанъ... И взялъ его страхъ: нарядили въ кафтанъ, чтобы въ гробъ положить.

На тюремномъ дворѣ прошла казнь.

На тюремномъ дворѣ неразобранный помостъ къ землѣ пристывалъ.

Огромный на немъ фонарь коптѣлъ.

Отъ фонаря росла черная тѣнь. И другая черная тѣнь находила на тѣнь и расходилась.

Мѣсяцъ, какъ голый черепъ, надъ головой стоялъ.

Часовой на помость поднять глазъ не смѣлъ. Мысли лѣзли жуткія, жалостныя.

Казалось, и смѣны не будетъ.

Видѣлся ему повѣшенный, какъ надѣли на него саванъ, слышался ему голосъ изъ подъ савана:

— Я ничего не вижу.

— Пожалуйте!—звалъ палачъ.

— Я не могу итти.

— Царица небесная!

Въ сводчатой глухой мертвецкой коченѣлъ теплый трупъ казеннаго.

Промерзшія сѣдья доски таяли.

Кто-то острымъ зубомъ стѣну точилъ.

Отъ того звука въ тишинѣ волосъ дыбомъ вставалъ.

Отъ того звука сердце, какъ ножъ, о грудь острилось.

Отъ того звука съ тоски мѣста не стало.

Отъ того звука...

Мѣсяцъ, какъ голый черепъ, надъ головой стоялъ.

И конца ночи не было.

И люди, понуро, спали и съ просонья слипшимися губами бормотали молитвы: чтобы сытымъ быть и сытымъ жить и одинокимъ не остаться... одинокимъ не остаться...

А тамъ, на небесахъ, устремляя къ Престолу взоръ, полный слезъ, Матерь Божія сокрушалась и просила Сына:

— Прости имъ!

А тамъ, на небесахъ, была великая тьма...

— Прости имъ!

А тамъ, на небесахъ, какъ нѣкогда въ девятый покинутый часъ, висѣлъ Онъ, распятый, съ поникшей главой въ терновомъ вѣнцѣ...

— Прости имъ!

VII.

Въ городѣ шла жизнь своимъ чередомъ.

Людямъ не доставало времени всѣхъ своихъ дѣлъ передѣлать, а времени было страшно много.

И дѣла были все ненужныя и неважныя, весь смыслъ которыхъ держался одной минутой.

Всѣ хотѣли сдѣлать что-то такое, чтобы разъ навсегда успокоиться, но пути къ этому покою не знали, а потому метались изъ стороны въ сторону, хватались то за одно, то за другое. И, кончая одно, видѣли ничтожность сдѣланнаго и начинали другое, а чаще толклись на мѣстѣ, переворачивая и подправляя одно и то же всю жизнь.

Все, чего хотѣлось, не исполнялось, а если и приходило, то невзначай, а чаще приходило то, отъ чего обѣими руками открещивались.

Завтрашняго дня не знали.

Казалось, кто-то скрытно изготовлялъ его, да въ потемкахъ подкидывалъ на улицу, а люди по утру отъ неожиданности только

рты разбвали и начинали жизнь по скрытой указкѣ, нелѣпо, на горе себѣ.

Бѣсъ тѣшился.

Силь тратилось пропасть.

Всякій по разному: одни работали, потому что голодъ этого требовалъ, работали до одури, а толку не было — голодали по прежнему и тупѣли; другіе излишествовали—обжирались и опивались, празднословили и праздношатались, изобрѣтали себѣ заботы и хлопоты, а толку не было,—удовлетворенія не испытывали и, обезсилѣвъ, тупѣли.

Съ утра до почти улицы кипѣли людомъ.

Сноваль всякъ туда и сюда за своимъ дѣломъ.

Лица были озабоченныя или искаженныя или напуксныя; никто какъ слѣдуетъ не улыбался и не смѣялся, а если и улыбались и смѣялись, то скверно и отвратительно.

Заповѣди топтались и средь бѣла дня и ночью, подъ призоромъ стѣнъ и подъ открытымъ небомъ.

Насиловали, убивали, грабили, обманывали, растлѣвали, клеветали...

По мелочамъ все ужъ преступили, и преступать нечего было, тайкомъ все нарушили, и пробовать нечего было.

Всѣ знали заповѣди и виѣшне читали.

Заповѣди стояли чѣмъ-то навязчиво-приличнымъ, жизнь же катила своимъ путемъ невѣдомаго и незаконнаго.

И, когда разгорались страсти и когда скрыто кипѣли вождѣленія, въ праздникъ или въ будни, все равно, какими смѣхотворными представлялись всѣ одинокія пожеланія и рассказы этихъ обновителей и устроителей скученной своры, имя которой—человѣки.

Откуда-то издалека, изъ-за стѣнъ, окружавшихъ городъ, доносился голосъ пророка.

Пророкъ взывалъ:

— Остановитесь! Одумайтесь!

И вся эта толкучка слышала и толклась и бѣжала, подергивая своими маленькими хитрыми ушами, съ заплаканнымъ сердцемъ.

Не остановиться, а мчаться, сломя голову, не одуматься, а

оглушиться, чтобы жить, жить, иначе разойдутся всѣ дороги, и пути не станутъ, иначе небо упадетъ на землю, станетъ время, смерть пожретъ.

— А смерти не надо! не надо! не надо!

Куда гонить эта страшная, безошадная рука, зачѣмъ такъ больно бьетъ и мучаетъ,—все равно не узнать... ты не узнаешь.

А тутъ дѣти рученками вѣшались, кричатъ отъ голода:

— Папа! папа!

А у сосѣда тоже дѣти, и у того, кто помыкаетъ и кровь твою пьетъ, и у того, кто его кровь пьетъ...

— Господи, только бы день хорошо прошелъ, да завтра утромъ проснуться.

А для чего проснуться?

Всюду вонь, нечистота, помой, нагая гниль и гниль разукрашенная.

Все тутъ сходило—красивое и безобразное, миловидное и отталкивающее—насыщалось, чтобы жаждать еще большей сытости, рожало, чтобы убивать, и убивало, чтобы плодиться.

Казалось, вотъ распояшутся, сбросятъ съ плечъ лохмотья и побрякушки, бросятся другъ на друга, и закипитъ свалка, и съ перегрызеннымъ горломъ и съ распоротымъ животомъ повалится тѣло на тѣло.

Лицемеріе подтачивало всякую вѣру, и эта подлая напускная святость глаза отводила.

Жалкіе люди,—ибо по другому итти жизнь не могла.

А большаго не вмѣщали...

Даже дѣти—эти единственно милыя и чистыя незабудки...

Нечистый подлинно первымъ былъ коноводомъ.

Не даромъ ходила молва о проклятомъ прудѣ, не даромъ, какъ угорѣлыя, гнали лошади мимо дома Огорѣлышевыхъ, — этого гнѣзда всякой нечисти и судьбы города, а у пѣшеходовъ тряслись поджилки.

По прежнему домъ стоялъ, такой бѣлый, какъ сахаръ, а согрѣтый снѣжной зимой палисадникъ зацвѣлъ теперь душистыми и красными цвѣтами.

Всѣ братья были живы—здоровы.

Николай Павловичъ завезъ по осени изъ-за границы какую-то изумительную и очень острую затѣю, которую и пустилъ въ ходъ на своемъ пригородномъ имѣніи.

Былъ уличенъ съ поличнымъ, но дѣло обошлось благополучно: оказалось, князь давно ужъ этимъ занимается... и въ прокъ.

Игнатій съ головой ушелъ въ благотворительность и въ писаніе душеспасительныхъ книжекъ, которыя раздаривалъ направо и налево.

Нищихъ по воскреснымъ днямъ толпилось около воротъ видимо—невидимо.

И всякое воскресенье подавалась имъ мѣдъ, и душа пребывала покойной.

Управленіе фабрикой перешло сыну Алексѣя Сеиѣ, который еще утонченнѣй перетасовалъ дѣдовскій укладъ съ заморскимъ.

Фабричныхъ не пороли, но шкуру драли не хуже прежняго. Только чисто и гладко—комаръ носу не подточить.

Самъ же, Алексѣй Павловичъ, какъ ни былъ старъ, а ухо остро держалъ, во всякую бездѣлицу встревался и, кажется, ни одинъ волосъ не падалъ безъ его воли и вѣдома.

Пристрастился старый на старости лѣтъ къ бабамъ, много выходило грязныхъ исторій, но все оставалось шито-крыто.

Потому что приблизилъ къ себѣ племянника Александра, съ какихъ-то временъ сдѣлавшагося личнымъ секретаремъ Огорѣльшева.

Александръ же зналъ, какъ хоронить концы въ воду.

Безъ него ничего не дѣбалось, ничего не предпринималось. Какъ тотъ скажетъ, такъ тому и быть. А говорилъ Александръ всегда дѣльно и никакого подвоху не было.

Но по городу этого не замѣчали, а если и замѣчали, то заикнуться не смѣли. И Алексѣй Павловичъ не говорилъ себѣ объ этомъ, боялся: вѣдь это конецъ шель, сама смерть.

А смерть пуше всего ненавидѣлъ.

Придирался къ Александру, изводилъ, муштровалъ, мучилъ въ злыя минуты.

Съ каждымъ днемъ чувствовалъ старикъ, какъ стальная ладонь Александра давитъ ему черепъ, погружаеъ куда-то... загнала по шею, ужъ заливаеъ уши...

А тому только этого и надо: подъ каменной маской разгоралась заповѣдь — давить надо человѣка, чтобы человѣкомъ владѣть, иначе, не ровень часъ, этотъ самый человѣкъ тебѣ на плечи вскочить.

Умышленно раздувалъ огонекъ, который по прежнему куда за полночь свѣтился въ кабинетѣ дяди и мигалъ дьявольскимъ глазомъ, прорѣзая темь двора.

А на дворѣ собаки лаяли, и выло эхо по пруду отъ безсонной фабрики, и кто-то илстой лапой обваливалъ берега пруда и затягивалъ дно тиною, чтобы въ грязи гнѣздо свить.

Только вотъ съ прудомъ и творилось неладное — такъ думали—а то все было по старому, на своемъ мѣстѣ.

Стоялъ красный флигель, какъ стоялъ раньше, будто кто и жилъ въ немъ, а двери были заколочены.

Пришибленно и придавленно шла жизнь, но какъ-то стройно по заведенію.

Одно смущало.

На Пасху въ ночь сторожъ, Иванъ Даниловъ, своимъ единственнымъ неокривѣвшимъ глазомъ видѣлъ, какъ «барышня» Варенька—удавившаяся мать Финогеновыхъ, съ террасы сходила и головой кивала, а онъ съ перепугу доску выронилъ и колѣнку себѣ отшибъ.

Бѣды ждали.

И напасть пришла.

На Николу въ сумерки, когда, по росписанію, фабричные должны были ужъ спать, вспыхнули биткомъ набитыя спальни, вспыхнули съ какой-то неистовой силой, охватившей огнемъ весь корпусъ.

Задувало со всѣхъ концовъ.

Кто не успѣлъ выскочить—и былъ таковъ, а цѣлы остались немногіе.

Дѣтей однихъ погорѣло—тъма тьмушая.

Когда подоспѣлъ вызванный Александръ, только головни пылали, да чадили и дымили пережаренные человѣчьи трупы.

Флигель стоялъ, весь обуглившійся, съ пробитыми окнами, черный...

Во время Александръ не могъ прѣхать: въ этотъ вечеръ раз-

рѣшили ему свиданіе съ Николаемъ, котораго отправляли по этапу изъ города.

Этому обстоятельству всѣ и приписали странность поведенія Александра: извѣстно было, что Николай едва выжилъ послѣ какой-то сильнѣйшей горячки, скрутившей его на Святкахъ, и свиданія трудно было добиться.

А поведеніе во истину было страннымъ.

Пріѣхалъ Александръ такой спокойный и важный, а вмѣсто того, чтобы принять какія-либо мѣры, сидѣлъ долго, запершись въ конторѣ—даже никого не было, всѣ уѣхали на именины къ брату. Потомъ съ какимъ-то остервенѣніемъ выскочилъ на дворъ и, прорѣзая толпу, не хуже самого Огорѣлышева, прилетѣлъ на пожарище.

Лицо было синее отъ злости, тряслись челюсти.

Кричалъ, чтобы головни растаскивали, чтобы все въ прудъ валили.

И, когда оторопѣвшіе фабричные и команда бросились исполнять приказаніе, вспыхнули дрова и деревья.

Насилу огонь уняли.

А онъ, каменный, стоялъ на террасѣ и смотрѣлъ куда-то, и красное отъ зарева и пламени лицо улыбалось.

Какъ улыбалось!..

VIII.

Было ужъ къ ночи, когда Александръ вернулся къ себѣ.

Ходилъ по высокимъ, роскошнымъ комнатамъ.

Не было ни бѣшенства, ни улыбки, ни этого проклятаго камня; лицо стало какимъ-то прежнимъ, немного лукавымъ и милымъ, и острота глазъ притупилась, и были глаза грустные, такіе грустные.

Та мысль, которая взорвалась въ душѣ, теперь улеглась; надолго-ли?—самъ себѣ не могъ сказать. Только не думалъ ужъ о домѣ, о паскудномъ старикѣ, о той тревогѣ, которая не давала покою и гнула, и гнала, и одарила этой властью, и открыла впередъ дорогу, и конца которой не было.

Онъ видѣлъ брата Николая, о которомъ, кажется, всю то жизнь думалъ, а не зналъ объ этомъ, видѣлъ сходныя съ собой черты и слышалъ его голосъ измученной кротости, которая глядитъ въ душу, заставляетъ вспомнить позабытое или создать небывалое, какъ музыка.

Видѣлъ и тѣхъ, другихъ—Петра и Евгенія, такихъ несчастныхъ, изуродованныхъ и голодныхъ.

И на минуту все лицо исказилось, и горькое чувство захватило сердце, но вдругъ кровавый крикъ затопилъ всю душу, лицо окаменѣло.

Не укорялъ себя, не стыдилъ, нѣтъ, онъ твердо зналъ, для чего такъ жилъ и чего хотѣлъ; и выбора не могло быть.

— Довольно ужъ, довольно...

И вспомнилъ всѣ обиды и оскорбленія, накопившіяся за всѣ годы, вспомнилъ всѣ униженія.

Вдругъ вздрогнулъ...

Попятился и застылъ, какъ въ страшномъ испугѣ.

Съ портрета глядѣла дѣвушка.

Она стояла во весь ростъ съ опущенными и крѣпко сложенными руками, а вѣнецъ развѣвающихся русыхъ волосъ едва наклоненной головы полураскрывалъ лицо, и улыбались губы, страдая, губя и цѣлуя, и звали—общали притуманенные темные глаза, пѣли пѣсню.

Пѣснь пѣсней:

— Приди ко мнѣ!

Кто-то стучалъ въ дверь.

Очнулся.

Это Прасковья, нянька, простоволосая.

— Батюшка, Александръ Елисеевичъ, а Колюшкѣ чулочки-то и забыли,—шамкала тупо-горько сжатыми губами,—Митя-го мой тоже опять закрутилъ.

— Кланяться тебѣ велѣлъ,—почти закричалъ Александръ,—Прасковья, говоритъ, кланяйся, слышишь!

— Кто-жъ его знаетъ, дѣвушка, напущено видно. Ну, спите, батюшка, Христосъ съ вами.

И опять встало прежнее, но еще рѣзче закричалъ тотъ голосъ; опять она.. она плыла передъ нимъ и, притупивъ глаза, манила во слѣдъ за собой и сгибала его, трясла этимъ движеніемъ своего тѣла...

Онъ тянулся за ней, онъ вдыхалъ ее... этотъ полевой цвѣтокъ.

— Таня... Таня... Таня...

Онъ вдыхалъ ее... этотъ полевой цвѣтокъ, и чувствовалъ всѣми чувствами—запахъ раскрывалъ свое первородное, что приковываетъ къ себѣ, какъ что-то дорогое безконечно, забытое и вновь возставшее.

И съ болью рвалось желаніе, хотѣлось нестерпимо, ужасно, тотчасъ же взять ее...

Ночь волнистою темною душною грудью міра коснулась.

Лики земные дыханіемъ тусклымъ покрывала.

Зданія спящія, башни зорко томящихся тюремъ, дворцовъ и скитовъ безгрезною, блѣдною тишью завѣяла.

Не услышать, не пронзятся стукомъ сердца моего.

Оно рвется, оно стонетъ.

Не услышать...

Въ оковахъ заботъ люди застыли, въ снахъ задыхаясь болѣзней, нужды.

И ржавое звяканье тѣсныхъ молитвъ завистливо, скорбно ползетъ дымомъ ненастнымъ по крышамъ.

А судьба могилы ужъ роетъ, и люльки готовитъ, и золото сыплетъ, и золото грабитъ.

Не услышать, не пронзятся стукомъ сердца моего.

Оно рвется, оно стонетъ.

Не услышать...

Полночь прошла.

Изнемогая въ предутреннемъ свѣтѣ, время устало несется.

Мнѣ же, Незримому, здѣсь въ этотъ часъ жутко и холодно.

Жутко и холодно.

Отчего-жъ не могу я молиться Родному и Равному, но изъ царства иного?

Проклятіе—царство мое, царство мое—одинокое.

Люди и дѣти и звѣри мимо проходятъ, мимо проходятъ скорчась, со страхомъ.

Я кинулся въ волны рѣчныхъ.

Ты мнѣ отвѣтишь?..

Ты не забыла?..

Ты сохранила образъ мой странный и зовъ, въ поцѣлѣхъ?

Ты сохранила.

И ушла съ плачемъ глухимъ въ смѣломъ сердцѣ своемъ.
Такъ въ страсти, любви къ страсти, любви прикасаясь, — Я
отравляю.

Даже и тутъ одинокъ.

Слышу тоску и измѣну и холодъ въ долгихъ и рѣдкихъ
лобзанняхъ.

А сердце мое разрывалось.

Алая ризы утреннихъ зорь загорѣлись.

Въ пурпурныхъ гребняхъ дымятся черныя волны.

Устами прильнули вы, люди, къ пескамъ пустынь повсе-
дневныхъ.

Ищете звонкихъ ключей въ камнѣ истлѣвшемъ.

Въ мечты облакаетесь мутныя.

У меня есть пѣсни!

Слышите пѣніе—кипѣніе слезное?..

Вы затаились, молчите въ заботахъ.

Алая ризы утреннихъ зорь кровью одѣлись.

Проклятіе—царство мое, царство мое—одинокое.

Словно золото облачныхъ перьевъ крѣпкою бронью заставило
путь между мною и вами.

Такъ вѣчно, во вѣки, всю жизнь...

А кто-то живетъ, мечтая и тутъ и на небѣ.

Такъ вѣчно, во вѣки, всю жизнь, вѣчно желать безотвѣт-
нымъ желаньемъ, скорбь глотать и томиться.

Власть и тоска.

Безпросвѣтная.

Темная.

И одинокая.

IX.

Шла третья недѣля, а этапъ все задерживался.

Казалось, прятался тотъ день, когда войдетъ «старшій» и объявить, и всѣ подымутся, загудятъ, споря и собирая рухлядь со всевозможными тайниками для табаку и «струменту».

Назначенный, наконецъ, на Николу къ вечеру, когда ужъ все было готово, этапъ былъ отмѣненъ по случаю праздника до слѣдующаго дня.

Шла третья недѣля, какъ, неожиданно для себя, Николай очутился въ «общей» и еще слабый, не оправившійся отъ болѣзни, жимъ озираясь, со слипающимися глазами, словно все время засыпалъ, а кто-то непрерывно будилъ, или самъ поминутно просыпался отъ чего-то непремѣнно нужнаго, что прикасалось и напоминало о себѣ.

Карманы въ первую же ночь были вырѣзаны, а вскорѣ какъ-то среди дня, когда отъ страшнаго утомленія и напряженнаго бодрствованія, не помня себя, повалился на нары, и сонъ легко

и приятно потянулъ его въ какую-то пропасть, бездонную и темную, часть штіблетъ была срѣзана.

Шумъ, драки, ругань—постоянныя, назойливыя, скрутили всѣ мысли, и онѣ забились куда-то, а тамъ, гдѣ жили и ходили, зіяла пустота ровная, страшная и тихая...

Только что «соплась повѣрка», и надзиратели обходили окна, постукивая молотками о рѣшетки и рамы.

Принесли огромную парашку и заперли камеру.

Полагалось спать, но камера все еще шумѣла и галдѣла о разнаго рода притѣсненіяхъ, банѣ и шпіонствѣ.

Не разъ у рѣшетчатой двери появлялась черная фигура надзирателя.

— Копытчики, черти, ложись спать! чего разорались? — покрикивалъ его суровый, раздраженный голосъ.

И кое-гдѣ забирались подъ нары, стелились...

Такъ понемногу и неугомонные успокоились и, тѣсясь другъ къ другу и зѣвая, дремали.

Стало тише, только тамъ и сямъ все еще вырывался скрипучій смѣхъ и сильный визжащій окликъ; «Лизавета» — подростокъ-арестантъ—шнырялъ по нарамъ, и мелькало лицо его, избалованное, мягкое, съ оттопыренной нижней губой и желтизной вокругъ рта...

И становилось душно, душны были мысли, бродившія подъ низкимъ черепомъ гніющей и мутной камеры.

Ночь чистая, весенняя засматривала въ окна тысячезвѣзднымъ ликомъ своимъ, такая вольная и такая широкая.

Николай лежалъ съ открытыми глазами.

Такъ сбить былъ за весь этотъ день свиданія съ Александромъ, столько неожиданнаго онъ принесъ ему.

Припоминалъ Александра, припоминалъ свой разговоръ съ нимъ, видѣлъ лицо брата и слышалъ глухой, опавшій голосъ внезапно раскрытаго сердца, и какъ вдругъ братъ потемнѣлъ весь, когда онъ о Танѣ спросилъ...

И вновь припоминалъ весь разговоръ свой и мучился, потому что долженъ былъ сказать что-то, а не сказалъ, и мучился, потому что поддающійся отвѣтъ какой-то только дразнилъ, разжигалъ, распаялъ душу.

Лежалъ Николай бокъ-объ-бокъ съ своимъ неизмѣннымъ ноч-

нымъ сосѣдомъ—«Тараканымъ Пастухомъ», который по цѣлымъ днямъ молчаливо выслѣживалъ тюремныхъ насѣкомыхъ и давилъ ихъ, размазывая по полу и нарамъ; на прогулкѣ, сгорбившись, ходилъ онъ одиноко, избѣгая «публику-людей» — прочихъ арестантовъ, и только, когда мелькалъ женскій платокъ или высовывалась въ ворота юбка, онъ выпрямлялся, ощеривался и долго, порывисто крутилъ носомъ. Николай прижимался къ этому безотвѣтному бродягѣ, впивался въ него глазами, будто ждалъ рѣшенія.

И тотъ никакъ не могъ устроиться, ерзалъ, чесался; песочное лицо его съ буграми и впадинами отъ какой-то болѣзни, въ безцвѣтныхъ рѣдкихъ волосахъ, напоминавшее спину небрежно выщипанной вареной курицы, мутилось и ощеривалось. Вся его исторія давно была извѣстна: когда-то пѣвчій у «Василія Стаканыча», потомъ переплетчикъ, потомъ завсегдатай «холодной», сталъ онъ, наконецъ, «подзорнымъ», захирѣлъ и теперь снова шелъ...

— Въ такую ночь сердце живетъ,—вдругъ проговорилъ «Тараканій Пастухъ» хрипло, почти шопотомъ, — въ такую вотъ ночь...

Онъ привсталъ и задумался.

Николай отодвинулся.

— Такія ночи были свѣтлыя, теплыя, а я голодный, — продолжалъ сосѣдъ,—какъ собака какая, бродилъ по лѣсу. Все нутро то изсосало у меня, поди, дня три и во рту ничего не было. Оглядывался, да осматривался, не пройдетъ ли, молъ, кто, а тутъ листъ ли хрустнетъ, птица ль вспорхнетъ—такъ и насторожишься весь, подкатить къ сердцу, жрать больно хочется. Думаешь, вотъ тебѣ тутъ и подвернется кто, а никого нѣтъ. Помирать собирался...

Такъ вотъ ходилъ — ходилъ, а лѣсъ кончился, ужъ заросль пошла... Только глядь это, крыша блеснула. Обрадовался я,—бѣжать. Оглядѣлъ домъ. Вижу, свѣту нѣтъ. Спать, думаю. Я—къ окну, дернулъ,—поддалось. Подлѣзь, да прямо въ кухню. Сталъ шарить, шарю, а варенымъ-то этимъ, кислотой, такъ въ носъ и пышетъ, самъ едва стою, мутить. Цѣлую миску шей вытащилъ, и принялся уписывать. Насытился. Ну, думаю, возьму изъ вещей чего, да и уйду. Вижу, дверь въ комнаты ведетъ. Отворилъ, про-

бираюсь, иду, самъ не дышаю, тишкомъ, кабы чего не спихить. Вдругъ вижу въ углу на койкѣ женщина лежитъ, спитъ. Я къ ней. Распласталась вся, бѣлая, рубашка-то съ плечъ съѣхала... Постоялъ—постоялъ... Крови-то у меня какъ загулутъ, отъ духу-то отъ одного этого дрожъ всего засыпала,—нагнулся. Вотъ бы, думаю, этакую... царевну, да какъ чмокъ... Вскочила.

«Петръ! ты?—говорить,—пришелъ, не забылъ, а какъ я, говоритъ, какъ встосковалась по тебѣ!»

Смотритъ она на меня своими свѣтлыми, свѣтлыми глазами, а потомъ обняла меня, стиснула всего, цѣлуетъ. Крѣплюсь я, кабы не сказать чего.

«Чего ты,—говорить,—молчишь все,—ни словечка не вымолвишь?»

«Не время»,—отвѣчаю ей, и голоса ужъ своего не признаю... забрало больно.

Да... ну... вотъ, возились, возились...

Домой думаю, застигнуть еще кто.

«Куда—говорить,—ты, Петя, или ужъ разлюбилъ меня, все-то вѣдь я отдала тебѣ... не совладала съ собой».

Такъ вдѣпилась, такъ вдѣпилась, не оторвешь. Выскользнулъ я, да въ окно. Да только это ноги спустилъ, вижу человѣкъ... такъ прямо и претъ на меня. Я было въ сторону, а онъ за мной. Нагналъ. Остановились мы. Стоимъ. Смотримъ другъ на друга. Глядѣль-глядѣль онъ на меня, страшный, будто мертвецъ какой.

«Распутница—говорить,—разпутница!»—и пошелъ.

Пошелъ, не оглянулся. Гляжу ему во слѣдъ: все идетъ, и домъ прошелъ. Окно-то открытымъ осталось, блеститъ. А она стоитъ въ одной рубашкѣ, глаза вытаращила, смотреть...

Такъ это онъ сказалъ тогда про нее: распутница...

«Пастухъ» скорчился весь, и голова и грудь его пригнулись къ животу, а кашель глухой и тяжелый колотился и рвался и рѣзалъ мягкое что-то и нѣжное больно...

Мѣнялось дежурство: тяжело стуча, прошли шаги нетвердые и сонные, и другіе шаги со скрипомъ, перебивая ихъ, приближались.

Вся камера спала, кто-то бормоталъ и скрипѣлъ зубами.

«Тараканій Пастухъ» лежалъ навзничъ и, ослабѣвшій, безпомощно дышалъ.

Гдѣ-то далеко шелкали колотушки, а ночь по прежнему заглядывала въ окна, ночь чистая, весенняя, и такая вольная, такая вольная, такая широкая...

Не двигался Николай, не раскрывалъ глазъ, боялся большаго, боялся знать, боялся думать...

Холодный потъ покрывалъ лицо.

Приютившійся на кончикѣ наръ и перебѣсившійся весеннимъ бѣшенствомъ, вдругъ поднялся тюремный Бѣсъ и, скрутившись въ дугу, поползъ, вереща, вдоль распластанныхъ тѣлъ по грудямъ, по ногамъ, и сталъ Бѣсъ мѣшать, сливать,—душить...

Х.

Прошелъ и обѣдъ и кипятокъ, а распоряженій никакихъ не было.

Со злости дрались и грызлись: у подслѣдственнаго татарченка оборвали ухо, старику кипяткомъ ноги опшарили, и, Богъ знаетъ, до чего бы еще дошло...

И только когда ужъ смеркось, вошелъ старшій и объявилъ, и тѣхъ, кому итти слѣдовало, перевели въ другую камеру и заперли.

Одѣтые въ дорогу, сидѣли арестанты на нарахъ и ждали.

Соскучившіяся и измученныя лица ихъ сливались съ сѣрой одеждой.

Надъ дверью казенно лампочка брюзжала.

Говорили о порціонныхъ и дорожныхъ, жаловались, на все жаловались, какъ больные.

Потомъ молчали, искали, чего бы сказать, на дверь косились, оправлялись.

— Скоро придетъ надзиратель, отопретъ, поведутъ въ контору, а тамъ на вокзалъ...

Вдругъ встрепенулись: въ корридорѣ загремѣли ключами.

Надзиратель широко раскрылъ дверь.

Конфузливо запахивая халатъ, вошелъ незнакомый высокій, худой арестантъ изъ «секретной» и, разсѣянно, будто никого не замѣчая, сразу сѣлъ.

Большіе глаза его, казалось, когда-то провалились, потомъ внезапно выскочили, измученные, перепуганные.

Приступили съ разспросами.

— Ты далеко?—кто-то спросилъ его.

— Въ Устьсысольскъ,—отвѣтилъ онъ не то робко, не то нехотя.

— За что попалъ?

Но арестантъ молчалъ.

И только спустя нѣкоторое время, глядя куда то за стѣну и читая что то, началъ.

Всѣ присмирѣли.

— Исторія... рассказывать долго...—заговорилъ арестантъ,—служилъ я конторщикомъ въ Пензѣ и уволился. Поступилъ въ Тулѣ на заводъ рабочимъ, запыняствовалъ. Правда, пилъ сильно, да, лѣтомъ ушелъ въ деревню. Нашла тамъ тоска на меня: хожу по полю и все думаю. Разъ такъ горько стало, легъ я на траву... и вдругъ вижу, чортъ стоитъ по правую руку и Ангелъ Хранитель по лѣвую. Прочиталъ молитву,—чортъ скрылся, да... и опять. Всталъ я, молитвы читаю, а онъ за мной, ни на шагъ не отпускаетъ. Дома рассказалъ о чортѣ.

«Иди,—говорятъ,—къ священнику».

Пошелъ я на утро. Священникъ спалъ. Я ждатель-пождать.

«Не дожدهшься ты его»,—говорить работникъ.

И пошелъ я на кладбище, легъ въ холодкѣ на могилку... и пошли мысли у меня: какъ на свѣтѣ жить, и зачѣмъ жить? Думалъ я, думалъ и забылся. Просыпаюсь,—легко мнѣ, будто что слетѣло съ меня. Осмотрѣлся: ни пиджака, ни шапки нѣту. Ну, думаю, пропалъ теперь: документы и все украли. А кругомъ ни души, тишина, солнце высоко поднялось. Постоялъ я, посморѣлъ такъ и пошелъ, и самъ не знаю куда. И тоска взяла меня, такая тоска. Вдругъ чортъ... и идетъ за мной, такъ и идетъ. Куда я—туда онъ. По дорогѣ канава...

«Раздѣвайся,—говорить,—ложись»!

Послушался я, снялъ съ себя все, хочу лечь, только вижу на днѣ гробъ, а въ гробу скелетъ. Я и говорю:

«Милый ты человѣкъ, можетъ, богатъ ты былъ, а теперь ничего не можешь»...

А чортъ говорить:

«Эй,—это твой скелетъ: ты изъ мертвыхъ воскресъ!»

И я увидѣлъ, раскрылось небо, адъ представился. На самомъ верху Богъ Саваоѣ, а съ другой стороны стѣна высокая, пре-высокая...

«Тамъ праведники, а ты тутъ будешь, мучиться будешь!»—услышалъ голосъ. Тутъ упалъ я на колѣни, смотрю на небо смотрю на небо, и такъ хорошо мнѣ, да...

Не знаю, какъ очутился я въ коморкѣ безъ оконъ темной, тѣсной, не жилой, видно. Въ щели засматриваютъ мои товарищи, засматриваютъ и смѣются... И всѣ—черти. Прочитаю молитву—прогонятся, а потомъ опять выглядываютъ. Какъ закричу на нихъ—явился Ангелъ, заплакалъ, взялъ меня за руку, и повелъ...

Иду я по лѣсу, думаю: и зачѣмъ это я къ нѣмцамъ нанялся по лѣсу голымъ ходить за сто рублей? Возьму разсчитать... голымъ ходить, да...

А ужъ нѣмцы идутъ, кричатъ по своему... И всѣ—черти.

«Не хочу служить вамъ!»—кричу на нихъ,—«отдайте мнѣ семьдесятъ девять рублей, а остальные на братію жертвую. И гдѣ это видно, чтобы по лѣсу голымъ ходить за сто рублей?»

А они ругать меня принялись, издѣваться надо мной... И вижу вдругъ, смотритъ солнце на меня, смотритъ и ласково такъ манить къ себѣ.

«Солнышко,—взмолился я,—куда итти мнѣ?»—ужъ такъ досадно мнѣ было на этихъ нѣмцевъ.

«Туда вонъ!»—говоритъ оно и показываетъ будто дорогу.

Бросилъ я нѣмцевъ, иду, а солнышко говоритъ, говоритъ, и такъ хорошо, такъ хорошо мнѣ...

«Чего безобразишь, а?—закричали надо мной,—не видишь, что ли, дѣвки тутъ?»

Очнулся: поле, сѣнокосъ, полно людей, а я совсѣмъ голый.

«Отдайте мнѣ мои деньги!»—закричалъ имъ.

А они какъ бросятся на меня, лупили, лупили, къ уряднику

поволокли, и тамъ всю шкуру спустили. Потомъ въ острогъ посадили за безписьменность. Нашла тоска на меня, такая тоска... черти явились, всю камору заняли. И куда ни глянешь, вездѣ они, черти, да... черти.

Остановился.

Губы странно, страдая, улыбались. Глаза выскочили: не отрываясь, глядѣли они на что то смертельно страшное.

Между рамами отъ нестерпимой боли завизжалъ вѣтеръ.

Хлопнула форточка.

Сидѣли всѣ молча, и каждый думалъ о чемъ то неясно-тоскливомъ, о какой то ошибкѣ непоправимой, о жизни ушедшей.

Сидѣли всѣ молча, и они посреди нихъ, темные, вертѣлись, сердце травмили, сердце щипали, и рвалось это сердце наперекоръ куда то, наперекоръ...

— Собирайся!—ключи зазвенѣли.

И тотчасъ гурьбой, подталкивая другъ друга и оступаясь, повалили черезъ корридоръ въ контору.

Пришелъ старшій, принесъ какую то темную ржавую связку не то ключей, не то замковъ, бросилъ ее на столъ, и подъ тихій ея стонъ и дрожанье прошла перекличка.

Когда же окончилась перекличка, и каждый держалъ по ломтю чернаго хлѣба, вошли конвойные, нехотя взяли первую попавшуюся руку и руку сосѣда и сомкнули замки... нацѣпили «баранки»... И большой и малый стали близнецами, и малый лѣвъ и корчился до большого.

Такъ ужъ видно судьба!

— Съ Богомъ!

Ихъ было немного, и попарно прикованные другъ къ другу, они шли и пылили затекшими ногами.

Шли-плелись, безпокойно вертя рукой невольной, и отъ сильной близости что то оттягивающей тяжестью нависало на плечи и гнуло спину.

Сіяла теплая майская ночь.

Теплыя темныя тучи расходились, и звѣздное золото, открываясь, разливалось по густо-синему шелку, и они жадно вбирали дыханіе какой то страшной свободы, распахнувшейся далеко

вокругъ до самыхъ послѣднихъ краевъ, гдѣ съ тучами поля сходились, гдѣ кресты колоколенъ уходили подъ звѣзды.

Но грязные и закорузло-потные они и тутъ не переставали жить нарнымъ тяжелымъ воздухомъ—ибо всякому терпѣнію положена своя мѣра.

Конвойные—забитые солдатки, худые и тонкоголосые, окружали беззащитную голь, но ихъ обнаженные пашки не сверкали, а были ненужными и даже, казалось, тупыми и картонными.

До вокзала дороги два-три часа оставалось.

То тутъ, то тамъ вспыхивало тонкое змѣиное пламя, и малиной входила махорка въ ночь.

Стало теплѣе и уютнѣе: что-то домашнее осѣдало на душу и тихо ласкало.

Будто ужъ и на волю выпустили!

— Это такъ не полагается!—сказаль было конвойный, сказаль и забыль.

Ихъ было немного и попарно прикованные другъ къ другу, они шли и чувствовали куртку сосѣда и тамъ, за этимъ сухимъ волосатымъ сукномъ, изможденное тѣло и ребра, но каждый чувствовалъ также, что вотъ сзади идетъ Аришка и идетъ Васька, нескованные и особенные.

Аришка то и дѣло забѣгаетъ напередъ, сѣменя около каждой пары.

Она заглядываетъ въ глаза... и зубы ея широкіе и бѣлые подразаиваютъ, а глаза свѣтлые, дѣтскія и жалѣютъ и смѣются и просятъ и тоскуютъ. И вся она живетъ передъ ними какая то горячая и желанная. У всѣхъ то допытывается: куда ты и за что, куда и за что?—И всѣ охотно по нѣскольку разъ повторяютъ одно и то же, и не замѣчаютъ этого. А Аришка толкуеть, что идетъ она по «аферистическому дѣлу», идетъ только въ роты, потому что малолѣтняя, а купца Сальникова, у котораго въ любовницахъ жила, въ Сибирь сослали... вмѣстѣ деньги поддѣлывали, вмѣстѣ и старуху покончили злющую.

Вся фигурка ея, чистенькая и опрятная, кажется маленькой, болливой птичкой, перелетающей въ этой грезящей ночи, и жизнь ея—мгновенье...

Васька, напуганный и шершавый мальченка, напротивъ того,

какъ поставили, такъ и идетъ молча, задумчиво. Изорванные рыжіе сапожонки шмыгають, а ученическая курточка съ бляхой на ремнѣ виситъ, будто приставленная, и поддегивается.

Николай, скованный съ «Чортомъ», глазѣющимъ куда то за звѣзды и жутко вздрагивающимъ, вдругъ вспомнилъ Алексѣя Алексѣевича, вспомнилъ театръ, «Тучки небесныя», но надорванные мысли спутались и разошлись; и осталась одна эта ночь, теплая, майская.

Такъ прошли они за—городъ съ полемъ и огородами, и едва ужъ мигалъ вдогонку тюремный фонарь, ненавистный и злой, какъ цѣпной песъ.

Сразу открылся шумъ, и конвойные подтянулись, хотя публики еще не было.

А идти стало тяжеле: камни задѣвали и рѣзали ноги, на перепрѣвшихъ пальцахъ зажглись ссадины, и обувь давила и тѣснила.

Өеня—Өеня—Өеня—я
Өеня—ягода моя!

— раздирая гармонику и приплясывая, шла на встрѣчу пьяная пара.

Женщина высоко обняла его шею и, наваливаясь всѣмъ тѣломъ, жмурилась и причитала, а онъ безъ картуза, красный съ слипающимися волосами на лбу, здоровый...

И съ сохой и съ бороной,
И съ кобылой вороной!

— долетѣлъ послѣдній, почему то грустный голосъ замирающей гармоньки.

И это счастье, брызнувшее въ лицо пойманнымъ бродягамъ, взорвало глухое неясное желаніе и заострило, распалило несчастье это.

Угрюмо молчали.

Поровнялись съ «домами».

Въ окнахъ было ужъ слишкомъ много свѣта, и заливалась, пилила скрипка.

Незаятыя женщины толпой сбѣтали съ лѣстницъ и что-то кричали и махали руками.

Яркій цвѣтной фонарь освѣщалъ ихъ, и обнаженные ихъ груди росли, колыхались и были вездѣ и всѣмъ, были нарядомъ и лицомъ и глазами и голосомъ.

Пахнуло чѣмъ то парнымъ, гнойнымъ и раздражающимъ до боли... и онѣ, такія красивыя и богатые, казались родными и самыми близкими.

— Сволочи! — пронесся вдогонку отчаянно хохочущій голосъ, — сволочи!

Прокатился экипажъ — одинъ, другой. Извозчики трусили. Прохожіе по разному проходили мимо — грустя, чуть подвигаясь, и убито, и махая руками, надорванно раскачиваясь, и бѣшено, но каждый шагъ ихъ съ твоимъ сливался и, пропадая, отрывалъ кусокъ за кускомъ отъ твоего сердца.

Они жили на волѣ.

Съ шипомъ, дразня мелькнулъ голубенькій огонекъ биткомъ набитаго трамвая.

Фонари зажигали.

Изъ лавки выскочилъ мальчишка, сунулъ конвойному связку черствыхъ баранокъ и шмыгнулъ обратно.

Въ окнѣ бородатый старикъ освѣнилъ себя большимъ крестомъ и строго пожевалъ губами.

Старушенка-нищенка трясущейся рукой положила копѣйку, перекрестилась и горько заковыляла: сыночка вспомнила.

Улица, выростая въ волю, въ жизнь, какою и они когда-то жить хотѣли, какою будто изо-дня въ день жили, тянула и рвала душу.

— Не все ли равно? — Да, не все равно! — будто шепталъ кто съ этихъ спующихъ мостовыхъ, и кричалъ изъ каждаго камня высокихъ, согрѣтыхъ огнями зданій и звалъ и мучилъ скованную руку.

И воля и нищета вставали распутнымъ кошмаромъ, сновали разгульные дни, что сплющивали человѣка въ лепешку, тащили въ прорубь, гнули въ петлю.

Николай вздрогнулъ.

Изъ-за домовъ, гдѣ долженъ былъ выступить красный флигель, высовывалось теперь черное что-то.

Прощался онъ съ домомъ:

— Никогда я не увижу тебя!

Прощался онъ съ прудомъ:

— Никогда я не увижу тебя! Я жилъ съ вами, я любилъ васъ...

Вошли въ вокзалъ, бѣлый, холодный, и суетный. Новенькіе блестящіе паровозы, огромныя закопченныя трубы.

Отдѣленные конвоемъ отъ публики, они разсѣлись на самомъ краю платформы.

Аришка грызетъ сахаръ, и рожица ея ослабляется.

И отрѣзанные, другіе, чужіе тѣмъ, расхаживающимъ гдѣ-то тутъ, рядомъ, они, какъ свободные, какъ въ своихъ углахъ, благодушно распивали стаканъ за стаканомъ.

— Васька, а Васька, какъ же это тебя угораздило?—лукаво подмигивая, обращается къ мальчнкѣ весь заостренный и насторожившійся бѣглый съ «Сакалина».

— Въ Америку!—робко отвѣчаетъ Васька.

Всѣ они хорошо знаютъ, какъ и что, рассказывалъ онъ про эту Америку тысячу разъ, но все же прислушиваются, и непонятнымъ остается, какъ онъ, этотъ Васька, идетъ съ ними, живетъ съ ними, ѣсть съ ними.

— Ахъ ты, пострѣленокъ, въ Америку! Ишь куда хватилъ шельмецъ!

— До Ельца добѣжалъ,—начинаетъ Васька,—а тамъ поймали и говорятъ: ты кто такой? а я говорю: изъ пріюта, а они говорятъ: какъ попалъ? а я говорю: въ Америку. Потомъ...

Тутъ Васька отломилъ кусокъ булки и, напихавъ полонъ ротъ, продолжаетъ:

— Потомъ, въ острогѣ, я говорю надзирателю: ѣсть, дяденька, хочется, а онъ, подождешь, говорить, а скандальники увидѣли, булку дали, чаемъ напоили, одинъ, лысый, говоритъ: хочешь, я тебѣ яйцо испеку... Я еще булку возьму!—и снова тянется маленькая, грязная рученка, и Васька сопитъ и уписывается.

— Да какъ-же ты убѣгъ-то?

— Въ Америку?

— И не забижалъ никто?

— Нѣтъ! протягиваетъ Васька и задумывается.

— Въ Америку, говоритъ начальникъ, въ Америку бѣжишь, сукинъ сынъ... Я еще булку возьму!

И смуглое личико Васьки сіяло теплющимся свѣтомъ, и истерзанное перепуганное его сердечко качалось и трепетало въ надорванной грудкѣ.

— Второй мѣсяцъ иду...

Николай прислушивался къ этому мечтающему маленькому голосу и невольно искалъ глазами въ толпѣ любопытныхъ...

Вдругъ выпрямился, рванулъ «чортову» руку, наклонился.

Да, онъ не ошибся: за стѣной конвоя и жандармовъ стояли Петръ, Евгений и Алексѣй Алексѣевичъ.

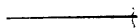
Хотѣлъ Николай прорвать эту цѣпь, вырваться изъ этихъ сжимающихъ рукъ, сдѣлалъ шагъ, другой...

Вдругъ съ рѣзкимъ свистомъ и шумомъ, шипя и киша бездной горячихъ, стальныхъ лапъ, подлетѣлъ поѣздъ и заколебался, перегибая длинный, пышный хвостъ.

И сразу что-то отсѣклось, и крикъ смѣшался съ равнодушіемъ, и жгучая тоска приползла и лизнула сердце пламеннымъ жаломъ, и что-то тянущееся, глухое и безысходное заглянуло прямо въ глаза своимъ краснымъ безпощаднымъ глазомъ.

— По мѣстамъ!—закричалъ конвойный.

А онъ засохшимъ отъ боли сердцемъ простался съ домомъ, простался съ прудомъ.



XI.

Зеленый огонекъ потухъ. Давно ужъ замеръ шумъ и стукъ колесъ, и людной опустѣлъ бѣлый, непривѣтливый вокзалъ.

Петръ, Евгений и Алексѣй Алексѣевичъ все стояли.

И только, когда сторожа принялись подметать платформу, и медленно подкатилъ товарный поѣздъ, они вышли на путь и пошли по шпаламъ.

Шли они угрюмо и молча. Было на душѣ столько сказать, но тотъ, къ кому рвалась душа, не могъ услышать.

А какъ онъ дорогъ имъ сталъ, какъ необходимъ теперь, какъ близко чувствовалъ каждый его биенье въ биенья своего сердца.

Онъ былъ для нихъ свѣтомъ въ этихъ сумеркахъ полной лишениі жизни и вдохновеніемъ, когда сѣрость буденъ заваливала своими отупляющими мелочами, онъ былъ для нихъ той радостью, какая живеть у несчастныхъ къ подростающему ребенку, надеждой на какой-то новый, лучшій міръ, который придетъ съ нимъ.

Такъ имъ всѣмъ представлялся Николай.

Вся ихъ жизнь вмѣстѣ прошла, вмѣстѣ росла, вмѣстѣ выросли, голодали, мучились, себя открывали, чувствовали.

Не надо было говорить, онъ все угадывалъ, проникалъ душой въ душу и окружалъ сердце взоромъ, который болѣетъ и любить тебя.

И, вспоминая свои отдѣльныя минуты, которыя глубокой бороздой въ душѣ легли, каждый чувствовалъ на нихъ его прикосновенія.

— Почему жизнь у насъ отрываетъ самое дорогое?—заговорилъ Алексѣй Алексѣевичъ.

Бѣшено во весь духъ съ оглушительнымъ звономъ промчался мимо весь трепещущій поѣздъ.

Земля колебалась.

И не было отвѣта.

Ужъ забѣлѣлъ монастырь; мостъ кончался.

Теперь надо было спуститься съ крутого откоса.

И они, какъ когда-то въ дѣтствѣ, выстроились въ рядъ и разомъ на перегонки пустились и, не передыхая, вбѣжали на монастырскій холмъ.

Шли по знакомой стѣнѣ.

Около каменной лягушки остановились.

Безобразныя, заплыванныя бельма, освѣщенные тихимъ краснымъ лучемъ бѣлой башенки, беззвучно плакали.

— Не зайти ли къ Глѣбу?—предложилъ Евгенийъ, — давно мы у него не были.

Но было ужъ поздно, рѣшили въ другой разъ непременно, и объ Николаѣ сказать надо, старецъ такъ любилъ его.

Пошли быстрѣе, отъ дома ужъ недалеко было.

И Алексѣй Алексѣевичъ и Петръ жили у Евгенія.

Въ прошломъ году Евгенийъ женился, былъ у него маленькій ребеночекъ, а жена послѣ родовъ померла.

Эта смерть легла на него тяжелымъ крестомъ... Подымался; новое что-то выросло въ душѣ, и жизнь пошла было лучше...

И вдругъ смерть.

— Почему жизнь у насъ открываетъ самое дорогое.

Оробѣлъ, затихъ какъ-то, и безъ того тихій. Съ утра до поздняго вечера за гроши по родственному просяживалъ въ

Огорблышевскомъ банкѣ, гнулъ за работой, такой отупляющей, а главное, съ вѣчной палкой за спиной—вѣчными помыканіями и придирами.

Занимали они маленькую квартиру за монастыремъ, тѣснились, и все шло какъ-то неуютно и безшабашно.

Алексѣй Алексѣевичъ цѣлый день на урокахъ корпѣлъ. Петръ часто подолгу уѣзжалъ съ театромъ. Вышелъ изъ него хорошій актеръ, да все не могъ найти себѣ дѣла и околачивался у шаромыжниковъ. Теперь ходилъ безъ мѣста и до зимы ничего не предвидѣлось...

Пришли домой.

— Ну, проводили отшельника? — встрѣтила Эрихъ — нянька Бобика — по прежнему повода табачнымъ носомъ, но такая старая, сѣдая совсѣмъ.

— Проводили! — махнулъ рукой Петръ, — проводили, Эрихъ! Долго еще не расхотелись.

Алексѣй Алексѣевичъ принимался нѣсколько разъ на роляхъ играть, говорилъ, какой-то голосъ все слышитъ, и пробираетъ морозъ до костей отъ тѣхъ звуковъ, что повиваютъ, растутъ, сплываютъ этотъ голосъ, а подобрать не могъ.

Все, и эти книги, бережно разставленные по полкамъ, книги, которыя такъ любилъ Николай и которыя такъ дорого доставались ему, и этотъ старенькій столикъ, перевезенный съ верху изъ дома, вмѣстѣ съ бумагой, рукописями, дѣтскими дневниками,—все это лѣзло въ глаза и кричало:

— Мы одни!

Потушили, наконецъ, свѣтъ.

А сонъ не приходилъ, не могли заснуть.

— Мы одни!

Ворочался Петръ, думалъ о своей жизни, о той полосѣ, по которой итти рука показала.

И то, что мучило въ ней, всплывало теперь, будто какая-то пальная искра воспламенила кругомъ душу.

Для чего и для кого,—спрашивалъ себя, — вся эта наряженность, все это кривлянье, все то, что театромъ называется?

Во имя чего служить, передъ кѣмъ раскрываютъ душу?

Мелькнулъ биткомъ набитый залъ, скучающія лица, лица,

потерявшія всякій образъ и подобіе Божье, а тамъ на верхахъ въ черпотѣ рой пчелинный.

Аплодисменты...

И ликующая бездарность, увитая вѣнцомъ глупаго сочувствія, тупого браво и такимъ еще невиннымъ, горячимъ восторгомъ непорочныхъ вѣрящихъ глазъ, для которыхъ все искрится, ибо сами — одна искра... Мгновенный успѣхъ, мгновенное царство, дешевое подложное царство.

Но тысячи бѣгутъ, цѣпляются за рампу, протискиваются на подмостки, давятъ, толкаютъ, царапаютъ, грызутъ другъ друга.

Дешевое царство!

А когда душа отъ слезъ перегораетъ, а когда смѣхъ перехватываетъ горло...

Но ты жди, жди своей очереди—тутъ не для тебя мѣсто.

Тутъ пошлѣйшая душа ведетъ свою роль.

А для этого сочиняется театр—публичный театръ увеселеній и ходульнаго нравоученія.

Гдѣ оно, творчество?

Все крушится, разлагается, гаснетъ, и болтовня, гримасы клоуна пляшутъ свой блошинный танецъ на еще живомъ сердцѣ...

Онъ не видалъ нигдѣ такой страшной давки, такого беззастѣнчиваго оголѣнія, какъ среди своихъ товарищей.

Норовятъ подставить ногу другъ другу, подкопаться, оклеветать... Злоба и ненависть вьютъ свое паутинное гнѣздо, опутываютъ.

И эта косность, избитые приемы, затверженные шаблоны.

Вспомнилъ нѣсколькихъ актеровъ и актрисъ—настоящихъ...

И представилось то, о чемъ мечталось въ жгучія минуты одиночества.

Казалось, исполнить театръ свое назначеніе, онъ дойдетъ до своей бѣлой вершины, станетъ великимъ дѣйствиємъ.

Театръ—обѣдня, гдѣ и актеръ и зритель сольются въ великомъ актѣ божественнаго таинства...

Но на мигъ сверкнувшій міръ закружился передъ глазами и разлетѣлся, какъ пухъ...

Пожретъ это пестрое стадо другъ друга, разыграетъ свою комедію...

И какая лживая эта порода...

— Господи, сдѣлай такъ, чтобы я вѣрилъ, сдѣлай такъ, Господи!

Вдругъ ослабѣлъ, куда-то погружается, сталъ жалкимъ, изогавшимся, завистливымъ, какъ тѣ... его товарищи.

И открылась пустота, а въ ней одни и тѣ же дни бессмысленные, ненужные...

На послѣдней репетиціи,—мелькали обрывки этихъ дней, -- подвыпилъ и съ расшатану попалъ въ купель съ водой, которую держали на случай пожара... во время спектакля передъ самымъ выходомъ задержался въ буфетѣ, а набросившемуся антрепренеру кукишомъ наковырлялъ носъ... выгнали...

Петръ вскочилъ и глядѣлъ въ голубой ранній разсвѣтъ.

Проснувшійся ребеночекъ хныкалъ.

Эрихъ укачивала, напѣвала старческимъ усталымъ голосомъ:

Котикъ сѣренькій,
Хвостикъ бѣленькій.

Напѣвала долго, однотонно.

Заснулъ ребеночекъ.

Взошло солнце.

Солнце...

А въ монастырѣ въ постный колоколъ звонили, словно Эрихъ пѣла:

Котикъ сѣренькій,
Хвостикъ бѣленькій.

ХП.

Путанная и темная исторія разыгралась въ Андроніевѣ на первые дни Петровокъ.

О. Глѣбу воспретили исповѣдывать.

Пошли по городу суды да ряды.

Но никакого толку нельзя было добиться.

Вѣрные люди клялись-божились, будто и самъ преосвященный о. Евтихій—«Каіафа» въ этомъ дѣлѣ кругомъ безпричиненъ, а причинное мѣсто будто въ указѣ свыше.

Правда это или нѣтъ, только въ первую же пятницу духовникомъ назначенъ былъ казначей о. Самсонъ—«Пахмарный»—гладкій, раскаряченный, съ обвареннымъ лицомъ и непомѣрно развитымъ тазомъ, давно зарившійся на эту весьма доходную халтуру.

Объ этой исторіи Финогеновы узнали отъ Эриха. Ходила Эрихъ Бобика причащать, все и вынюхала.

Рѣшили возможно скорѣе, не откладывая въ долгій ящикъ, провѣдать о. Глѣба. А тутъ какъ разъ письмо пришло отъ Николая съ посылкой для старца.

Собрались въ воскресенье и отправились.

Въ соборъ не зашли, противно было на паперть взойти, а пошли прямо въ башенку.

У старца сидѣлъ въ гостяхъ о. Гавріилъ и рассказывалъ что то, должно быть, о «политикѣ», потому что старецъ внимательно, но съ какой то безсильной грустью улыбался изъ своего глубокаго кресла.

Господи, какъ обрадовался, когда услышалъ знакомые голоса, такъ вѣдь давнѣе никто не заходилъ къ нему.

А о. Гавріилъ, Богъ вѣсть когда видѣвшій Финогеновыхъ, но знавшій всѣ злоключенія ихъ, сначала сдѣлалъ видъ, что не призналъ, а потомъ напустилъ на себя какую то важность и говорилъ въ носъ.

Подогрѣли самоваръ.

Пошли распросы и воспоминанія.

О. Гавріилъ забылся и, напавъ на свою старую любимую тему, бралъ то у одного, то у другого руку, жалъ суставы и, разгадавъ по твердости кожи что то, блудъ какой то, прикусывалъ губы:

— Похудалъ, похудалъ,—покачивалъ онъ головою,—изсосутъ онѣ, Петечка, тысячи...

Скоро вся келья хохотала до упаду

— Стой, о. Гавріилъ, стой! — закричалъ, спохватившись, Петръ,—экъ, вѣдь, мы, курзупые, главное то и забыли.

Онъ досталъ изъ подъ шляпы свертокъ и бережно развернулъ его.

Въ рукахъ очутилась продолговатая сѣрая коробка, перевязанная крестъ-на-крестъ тоненькимъ краснымъ шнуркомъ, концы котораго сливались въ красной бумажной печати подозрительнаго вида. Отъ печати къ краямъ разбѣгался мелкій убористый шрифтъ.

— Эпитафія — провозгласилъ Петръ, держа передъ собой коробку, какъ держалъ когда то за амвономъ старинный тяжелый Апостоль.

Притаились.

Тихо о. Глѣбъ улыбался.

Петръ продолжалъ обыкновеннымъ тономъ.

«Миръ тебѣ, неустрашимая съ красной печатью коробка!

До послѣдняго дня этапа сохранила ты гордость и неприступность и окончила побѣдно долгій и трудный путь.

Что за вкусныя сласти несла ты!

При тщательномъ обыскѣ, когда меня потрошили, и мои, переполненные папиросами и карандашами карманы пустѣли, ни одинъ тюремный палець—щелчекъ не дотронулся до тебя, и съ благоговѣніемъ опустили предъ твоей красной печатью начальственныя головы.

Однихъ ты испугала, и они притихли, другихъ заставила отдернуть руки прочь, меня же ты обрадовала, и когда щелкнулъ замокъ камеры, и мы очутились глазъ-на-глазъ, ты распечаталась, и я закурилъ.

Чуть стуча, гдѣ то ходили шаги.

Дремалъ вѣчно-сонный волчекъ.

Папирота за папиротой—дымъ на всю тюрьму!

А помнишь, съ меня стащили брюки. чулки... но къ тебѣ.. довольно было одного моего напоминанія: Коробка съ печатью!—и тебя бережно поставили на зеленое сукно.

А меня оставили босымъ на каменномъ полу.

Въ камеру тебя, такую маленькую, обѣими руками понесъ самъ старшій...

— «Ихъ нѣтъ»,—шепнулъ, я, когда мы остались одни.

И тотчасъ ты развернулась и положила мнѣ на столъ бумагу и карандашъ.

Но потомъ, на свободѣ, ты тряслась, всѣми своими нитями и бумагой отъ хохота надъ міромъ, надъ тѣмъ міромъ, гдѣ красная печать цѣнится выше человѣка.

И горько мнѣ стало за душу человѣческую».

О. Гавріилъ долго, сначала съ благоговѣніемъ, потомъ кряхтя и сопя, разсматривалъ коробку, дулъ на печать и протиралъ ее

пальцемъ и, окончательно опѣшенный, прервалъ наступившее было молчаніе:

— Батюшка, о. Глѣбъ, какъ же это такъ, вѣдь печать-то Илья Ивановича... ихъ фирмы... ихъ, кондитерская...

Общій неумолкаемый хохоть взорвалъ келью.

И долго бы еще кусалъ губы и охалъ о. Гавріиль подъ этотъ заражающій грохотъ, если бы не послушникъ, который принесъ тройную трапезу.

И принялись всѣмъ хоромъ подкармливать о. Гавріила.

Появившаяся водка быстро изсякла.

— Душечка, душечка, — ужъ лепеталъ о. Гавріиль, — Илья Ивановичъ достигъ можно сказать... постъ... у! какъ пчелы, шмели самые такіе...

— Жри, Гаврила, жри!

— Мартынь-Задека... Колечка... а ты, Петечка, если безпокойство испытаешь, пучекъ преломи... преломи пучекъ...

— А ты самъ преломилъ?—подразнилъ Евгеній.

— Я... я...—разжевывалъ о. Гавріиль,—преломилъ, душечка, а намедни, душечка, выхожу изъ трапезы, а кормилица ко мнѣ... Матушка, говорю ей, не могу я... не вытерпишь семь вершковъ.

— Жри, Гаврила, жри!

О. Глѣбъ, минуту назадъ такой веселый, сидѣлъ теперь среди этого дыму, духоты и непристойностей, такой утомленный и, казалось, былъ совершенно одинъ, на страшной дали.

— И стало мнѣ горько за душу человѣческую...—явственно прозвучалъ его кроткій, глубокій голосъ.

И въ мигъ разсѣялся шумъ, только сѣрый день глядѣлъ въ окошко, да, наклонившись всѣмъ туловищемъ къ тарелкамъ, сладко похрапывалъ о. Гавріиль.

— За что, за что?—произнесъ тотъ же голосъ этотъ мелькнувшій вопросъ у всѣхъ разомъ, — и развѣ знаютъ они, — продолжалъ старецъ,—развѣ знаетъ человѣкъ, за что человѣка гонить, но гонить... до самой смерти. Душа его каменѣетъ, и нѣтъ тепла въ ней, нѣтъ свѣта. А жизнь твердитъ: дайте мнѣ этихъ камней, этого холода... и гонить...

— О. Глѣбъ,—перервалъ Петръ,—ну какая это жизнь... издѣвательство одно... родишься на свѣтъ, съ пеленокъ ошпарять глаза тебѣ, а потомъ идешь безъ дороги подъ пинками... куда идти... вездѣ одна цѣна...

— Миръ тебѣ! — сказалъ старецъ, и снова сталъ такимъ веселымъ и такимъ безмятежнымъ, какъ ребенокъ.

И то, что говорилъ онъ, сливалось теперь съ поднявшимся шумомъ, а онъ рассказывалъ о монастырѣ, о той бѣдѣ, которая страшилась надъ нимъ.

Онъ видѣлъ въ этомъ перстѣ Божій, избраніе, потому что приходитъ бѣда не карой, а испытаніемъ, только она раскрываетъ человѣку затемненные очи, погруженные въ мимолетное и близкое, а со скорбью крылья растутъ и поднимаютъ на выси, откуда невидное видишь и видишь то, что подлинно мечеть и гнетъ человѣка, не кулакъ брата твоего, не мечъ ближняго, а утерянная надежда, безвѣріе...

Проснувшійся о. Гавріилъ безмысленно уставился въ окрошку и, растягивая слова, укорялъ кого-то.

— Семь вершковъ... семь вершковъ...

Такъ много припомнилось и забылось такъ много...

Ужъ кончилась вечерня, ужъ привратникъ «Сосокъ», гремя ключами, прошелъ къ воротамъ, а келья отверженнаго старца не унималась. И часы били. — не замѣчали боя, и заходило солнце, — не видѣли заката. Даже Евгений, запечаленный, принялся откалывать съ о. Гавріиломъ такія штучки—Николаю въ пору...

ХШ.

Вотъ ужъ лѣто преполовилось. Каждый день будто вколачивалъ гвоздь въ дверь дома, закалачивалъ, ровнялъ его со стѣной, но чѣмъ больше гвоздей уходило, тѣмъ жарче разгоралось желаніе войти въ домъ. А домъ былъ далеко... на краю свѣта...

Бѣлый соборъ, опоясанный бѣлой зубчатой стѣной въ темныхъ прогалинахъ каменныхъ мѣшковъ, съ колокольней, увѣчанной тусклымъ, мягко-играющимъ золотомъ, такой одинокій и въ своемъ одиночествѣ гордый и несравненный, жилъ поверхъ скученныхъ низкихъ домиковъ и всякаго громоздкаго чернаго жилья, и виденъ былъ со всѣхъ концовъ, покуда глазъ хваталъ.

И изъ окна мезонина на пустынной окраинѣ, гдѣ Николай поселился, и оттуда виденъ былъ.

А эти березы съ вѣтвями-крыльями, поникшими въ густую старую крапиву, и эти огненно-малиновыя «собаки» рпейника, и эта вздрагивающая холодная рѣка, — все это жалось, ползло,

подплывало къ гигантской стѣнѣ, какъ жались, сновали вокругъ маленькіе, хилые люди.

Началась новая жизнь съ новыми людьми... Николай попалъ въ среду такихъ же оторванныхъ отъ родного крова и родной земли, какимъ онъ былъ.

Приняли его сердечно и участливо, такой встрѣчи онъ не думалъ найти: такъ ожесточилось сердце на все и всѣхъ... на весь міръ.

Даже стыдно стало, глазъ поднять не могъ, чувствовалъ: беретъ что-то незаслуженное. Про такія отношенія слыхалъ разъ отъ Петра. Петръ говорилъ, будто среди актеровъ это случается, но что-то не вѣрилось...

И была душа полна благодарности и той возносящей радости, какую испытываетъ человѣкъ, когда находитъ сердце, которое не злобствуетъ на тебя, не обижаетъ, не творитъ козни, а только любить и грѣветъ.

Любить и грѣветъ и прогоняетъ холодъ, какой напускаютъ люди другъ на друга, вынужденные напускать этотъ холодъ, ибо по другому не знаютъ жизни.

Чужіе люди.

Нѣтъ, думалъ тогда, есть еще Богъ, живъ Богъ въ сердцѣ человѣческомъ, и человѣкъ не потерянь.

Человѣкъ не потерянь... а какъ онъ мечталъ объ этомъ, ужасаясь и проклиная себя и другихъ, и себя... потому что всегда чувствовалъ въ себѣ что-то опрокидывающее, сшибющее, неостанавливающееся... Нашелъ! Раскрылся и распоясался... все, все, все до нитки выложить хотѣлъ...

Настало завтра, это безошадное завтра, оно сдуваетъ лепестки съ нѣжнаго цвѣта, разрушаетъ и покрываетъ морщинами милое лицо.

Завтра настало.

Наткнулся...

Изъ-за сердечности и участія — этихъ лазурныхъ теплыхъ облачковъ — глянуло вдругъ изсушенное лицо суроваго устава; оно не грѣло, а заставляло, не радовало, а сковывало, остирило сердце.

И чѣмъ больше знакомился, тѣмъ ярче видѣлъ что люди эти чужды другъ другу, ненавидятъ другъ друга, окружаютъ себя

сектантскими стѣнами нетерпимости и взаимныхъ подозрѣній, что это люди самые обыкновенные, какъ всѣ, полные человѣческихъ слабостей, только во множествѣ скрываемыхъ личинами чего-то такого безконечно высокаго, о чемъ думаешь въ темныя минуты...

Съ глубокой грустью и беспокойнымъ сердцемъ глядя на ихъ взаимную вражду, а потомъ грусть улеглась и сердце затихло, устало,—будни настали.

И пошли онѣ, медленныя, изо дня въ день безъ всякой перемѣны, мучительныя въ своемъ однообразіи.

Кругомъ распластывалось, вылѣзало мелко-житейское, убогое, озлобляющее, и самое страшное—самодовольство.

XIV.

Тамъ не было дня, не покрытаго тюрьмой, смертью, изгнаніемъ.

Не было дня, въ который нельзя было быне вспомнить о людяхъ и дѣлахъ, которые могучимъ побѣгомъ выбѣжали изъ крѣпкаго ствола, и съ каждой весной побѣгъ разрастался и съ каждымъ листочкомъ глохли старыя, когда-то пышныя вѣтви.

Противъ бойницъ и собора, построенныхъ еще Грознымъ — простой деревянный домикъ, а въ домикѣ, гдѣ гнѣздится колонія отторгнутыхъ, вернутся судьбы.

А стѣна стоитъ увядающе-пышная, гордая.. Деревянные, топорныя балки въ бока упираются.

Смерть изъ cadaго пурпурнаго цвѣточка и звѣздочки смотреть и ѣсть и точить каждый гвоздикъ.

И волю смерти преступить невозможно.

Придутъ люди, воздвигнутъ новыя стѣны, и стѣны разорвутъ грудь свѣта, ибо каждая власть рветъ волю... но они придутъ...

Вонъ они—весенніе вѣстники...

Ихъ было въ городѣ человѣкъ до пятидесяти. Больше держать запрещалось. Остальнымъ же указаны были уѣзды, глухіе и замкнутые.

Пятьдесятъ человѣкъ безъ того дѣла, которымъ жили. Безъ дѣла и безъ средствъ къ жизни. Какая-нибудь подлая работа и тупая, отупляющая скука или ожиданіе работы, гнетущая праздность и озлобленіе. А часто такъ устроенъ человѣкъ, оторви его—вся душа изноеть, избобется и погибнетъ... Да тѣ, остальные товарищи, сорокъ девять, какъ навязанные призраки, вѣчно неизмѣнные по улицамъ, въ домахъ.

А такъ какъ каждый цѣплялся за свою петлю и разжигалъ ее воспоминаніемъ и засвѣчалъ ей ореолъ, то, сходясь, начинали всегда одинъ и тотъ же разговоръ, а съ нимъ входили одни и тѣ же споры.

Каждый слушалъ только себя, вѣрилъ только себѣ и, подхвативъ какое-нибудь чужое слово, выворачивалъ, мялъ, приплеталъ къ нему цѣлую исторію и въ такомъ видѣ бросалъ противнику.

До личныхъ оскорбленій.

Изъ пятидесяти выдвигались вожаки: притягивали, группировали вокругъ себя, а тѣ поддакивали и гикали сплоченной слѣпой оравой.

Каждое собраніе казалось собраніемъ злѣйшихъ враговъ.

Такія обвиненія возводили, къ такимъ издѣвательствамъ прибѣгали—поискать, да мало.

Сердце, что ли, такъ уже расходилось?

И скука, скука смертная.

Не малый раздоръ кипѣлъ около кассы.

Главное, надо было уставъ положить. А какъ его положить? И начиналось. Собирались, толковали-перетолковывали. А въ заключеніи самыя полицейскія мѣры торжествовали: налоги и надзоръ.

До смѣшного.

И опять ссора и опять озлобленіе.

Не послѣднюю роль судъ игралъ.

Судили за все, за что только ни вздумается, но первымъ обвиненіемъ всегда являлось подозрѣніе въ шпіонствѣ.

Возникали комиссіи; смѣнялись другими.

Играли въ процессы.

Скрытая ненависть другъ къ другу и та тягота близости, въ которую втиснули нѣсколько жизней, точили скуку. И вдругъ проламывались и вспыхивали дико, необузданно...

Какъ злѣйшіе враги.

И ждали, ждали часа, когда снимутъ, наконецъ, запретъ, и дорога ляжетъ скатертью.

И какимъ дорогимъ и соблазнительнымъ казался вокзалъ, а тѣхъ, кого принималъ онъ, какими счастливыми. И все бы забылъ, только бы вонъ, вонъ изъ этой взаимной травли и ненужныхъ дней...

Несмотря на зарокъ какую-то такую жизнь начать по новому, Николай не могъ усидѣть. Итъ-нѣтъ да и ввернется.

Ядъ ужъ заразилъ его, и, думая совѣмъ о другомъ, начиналъ думать о нихъ, объ ихъ интересахъ и о тѣхъ скандалахъ, которые произошли съ кѣмъ-то на этихъ дняхъ, и, не желая вовсе, становился то на одну, то на другую сторону.

Вдругъ спохватывался, но оборвать не могъ: мысли сами собой складывались и не слышали бьющейся души, которая кричала: перестань!

Объяснялъ, оправдывалъ, негодовалъ.

На слѣдующій день опять пошелъ, съ кѣмъ-то сошелся, съ кѣмъ-то разошелся. Вторился, наконецъ, въ какую-то исторію сплетническую и нехорошую, и пошла жизнь старая, по заведенному.

Какъ-то послѣ реферата и бесполезныхъ и оскорбительныхъ споровъ, такъ вдругъ опротивѣло все, и такая тоска нашла и такая боль зажглась, махнулъ рукой.

* *
*

Оставался одинъ по цѣлымъ днямъ. Разговаривалъ самъ съ собой. Слушалъ свою душу.

И печалился и тосковалъ. Хотѣлось хоть что-нибудь сохранить въ сердцѣ, сохранить изъ того, что привело въ тюрьму и въ этотъ каторжный городъ, а чувствовалъ, какъ раскалывается и разрушается прежнее, камень за камнемъ.

Прислушивался, ждалъ новаго голоса, который долженъ былъ вырости изъ этихъ обломковъ, но ничего не слышалъ, — было печально и затаенно.

И угнетало предчувствіе новыхъ бѣдъ и горькихъ паденій; они подступали, близились со всѣхъ концовъ...

Въ домикѣ сквозь задернутыя бѣлыя занавѣски тускнѣлъ зеленый огонекъ, одинъ... другой... Въ домикѣ спорили и рѣшали: подбрасывали душу человѣческую, измѣряли ее, судили... и въ глазахъ горѣла ненависть и месть, и въ груди разливалась любовь, и гримасничало лицо, играя, и надрывалось сердце, и...

Да, у нихъ было свое дѣло и свой путь, жизнь и смерть...

И метался онъ въ отчаяніи и тревогѣ, и одного ждалъ—ночи, звалъ ее, темную, колыбельную.

И она не темная, безпокойная, бѣлая, мѣдная приходила, нависала ночь надъ землею кошмарнымъ колпакомъ.

Густѣло упоенное зорями небо, раскаленными руками подымало изъ рѣчной глубины бѣлыя ограды.

Бѣлый безъ свѣта выходилъ мѣсяцъ и, улыбаясь истощающей улыбкой, тянулся, какъ калѣвка, къ визжащему блеску крохотной звѣздочки.

Изоркія птицы, какъ черныя молніи, молча мчались къ востоку.

И изъ столбовъ дневного гомона, дневной суеты, дневного преступленія, растлавшихся надъ городомъ, Марѣ вставала.

Марѣ безсмертная, Марѣ темная,—проклятіе рожденнаго.

Корчились всѣ ея члены, перевитые, будто шелковинками, красными нитями незаживающихъ вѣчныхъ ранъ.

А заплаканный ротъ судорожно кривился, и вылетали мучительные вопли изъ сдавленнаго горла.

Выкрикивала Марѣ безотвѣтныя обиды, и по міру пущенныя слезы, и слезы, тайкомъ пролитыя и слезы, проглоченныя подъ улыбкою...

Марѣ безпріютная—крикъ отчаянныхъ.

И растворялись рѣзные ворота бѣлаго призрачнаго собора и медленно выходили въ чешуйчатыхъ кольчугахъ воины и рында и парчевое боярство и монахи — опричники и красный палачъ, а надъ лѣсомъ мечей и топоровъ сіялъ драгоцѣнный царскій крестъ Грознаго.

И въ ужасѣ кривился заплаканный ротъ безпріютной Мары, рвался изъ горла убитый хрипъ.

Проклинала Марà царя, проклинала дьявольскихъ чернецовъ, краснаго палача.

Проклинала міръ, — мать свою, что зачала и вскормила дѣтище на муку и поруганіе.

Но захлопывались безшумно золотыя кованныя ворота, подымалось шествіе вверхъ по рѣкѣ.

И теплый свѣтъ багровѣлъ по голубой водѣ, и заливался небосклонъ алою кровью.

И подымалось огромное нестерпимо—яркое солнце, неустанное солнце надъ спящей землей.

И подымались жгучія желанія изъ безсоннаго сердца.

Быть этимъ кровавымъ слѣдомъ и стать великимъ солнцемъ, взорвать міръ неопалимой купиной и освѣтить омытую душу для новой жизни...

Ты, Господи, дай эту мощь мнѣ, дай совершить великій подвигъ, наложи крестное бремя на меня — я все возьму, я все снесу... Она не будетъ роптать на Тебя, она не будетъ звать напрасно... вѣчно мучиться—земля моя—Твой міръ...

XV.

Не тутъ-то было.

Словно что прорвало, или нашелъ такой несуразный стихъ на Николая, только оставилъ онъ окно своего мезонина, и съ утра до поздняго вечера опять сталъ шляться по городу.

Заходилъ то къ одному, то къ другому. Ходилъ на рефераты, на собранія, участвовалъ въ прогулкахъ за городъ, — всюду и вездѣ совалъ носъ.

Опять знакомился, опять слушалъ, опять присматривался.

Замѣтилъ онъ въ своихъ товарищахъ еще одну черту, которая дала на минуту отдохнуть сердцу: были они глубоко безкорыстны, и не кричало въ нихъ торгашество, которое опутывало городъ сверху до низу.

Но проклятое сектанство — партійность — глушило это хорошее, стирало различіе этихъ непокорныхъ.

И замѣтилъ еще одно; были среди нихъ прямо избранные, вѣрные, готовые на смерть... но порой духомъ убогіе...

Вступалъ въ разговоры, сочинялъ небылицы и вымыслы, — мистифицировалъ... Отъ тѣсноты духъ задыхался, серединность самодовольства, какъ гарь, бѣла глаза.

И потѣшался, въ смѣхѣ изливалъ свою душу, которая другого ждала и о другомъ мечтала, изъ смѣха создавалъ свой міръ.

Вспомнилась какъ-то Пелагея Семеновна, вспомнилось то время, когда Огорблышевскій уставъ камнемъ лежалъ...

Тутъ тоже свой монастырь, свой дворъ, свой уставъ, суровый до безопасности.

Схватился Николай за некрологи. Кому-кому только не писалъ сгоряча.

Ударилъ некрологъ по больному мѣсту.

И поднялась дѣлая буря.

Собирались и толковали, толковали и обсуждали, пока не пришли, наконецъ, къ рѣшенію...

* *
*

Въ субботу вечеромъ назначенъ былъ судъ надъ Николаемъ. Вею недѣлю ждалъ онъ его съ какимъ-то сладострастіемъ, приговоръ заранѣе могъ предугадать.

И вотъ пришелъ этотъ день.

Просторная комната колоній, гдѣ обычно жили сообща нѣсколько душъ и гдѣ находили пріютъ все вновь пріѣзжающіе, была биткомъ набита. Сидѣли вокругъ стола, на кроватяхъ.

Поднявшійся шумъ едва улегся.

Николай медленно вышелъ.

Что-то липкимъ ртомъ припадало къ сердцу и кусало сердце.

Если-жъ погибнуть придется.
Въ тюрьмахъ и шахтахъ сырыхъ,
Дѣло всегда отзовется
На поколѣньяхъ живыхъ.

— донеслась пѣсня расходившейся колоніи.

— А ты умереть можешь? — спросилъ себя вдругъ. Подумалъ.—А они умрутъ... И Катиновъ умретъ и Розиковъ и Хоботовъ.—Опять подумалъ... — Розиковъ и Хоботовъ, можетъ, и не умрутъ, а вотъ Катиновъ... Но ты то можешь? Ну!.. и вообще то, на что ты годенъ?..

Надъ головой и кругомъ шумно отдѣлала прощальная, яркая ночь...

— Прими меня, ночь!

И будто въ отвѣтъ шуршала листва въ опустѣлыхъ садахъ, и падали звѣзды, кружась и летая, какъ листья,

И онъ—листь бездомный и оторванный.

Оглянулся,

Въ деревянномъ домикѣ колоніи сквозь задернутыя бѣлыя шторы мелькалъ зеленый огонекъ. Помелькалъ огонекъ и пропалъ.

Ускорилъ шаги.

Смѣло друзья, не теряйте
Бодрость въ неравномъ бою,
Родину—мать вы спасайте
Честь и свободу свою.

И, перебивая такъ пѣсни, кто-то гулко стучалъ по мостовой, торопился.

Казалось, вотъ достигнетъ, схватитъ за плечи...

И заколотилось сердце:

Умереть!

Не могъ ужъ ровно идти, бѣжать сталъ — далеко домъ — на краю свѣта...

Наконецъ, добѣжалъ, вбѣжалъ на лѣстницу, захлопнулъ дверь, защелкнулъ задвижкой.

Звѣздный свѣтъ игралъ на стеклахъ, и свѣтъ какого-то свѣтила за звѣздами вливалъ въ окно.

Николай задернул занавѣску.

Затаился.

Одинокая свѣчка насмѣшливо глядѣла.

И шумы какихъ-то тайныхъ лепетовъ сжимали сердце.

Сердце ныло.

Отъ окна неожиданно тѣнь упала.

— Кто ты?

Одинокая свѣчка насмѣшливо глядѣла.

Онъ бросился, хотѣлъ задуть этотъ мѣдный ненавистный,
этотъ сверлящій взглядъ... убить тѣнь...

— Не надо мнѣ правды! не надо!

Глаза упали на столъ.

На столѣ лежало письмо.

Знакомый почеркъ...

Отшатнулся... Вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ рѣзко... смертельно
улыбнулся... блѣдный... бѣлый...

— Завтра—завтра!



XVI.

Таня пріѣхала!

А онъ и не чаялъ, не думалъ... думалъ... навсегда ужъ прошло, все кануло.

Не надо приходить, не надо будить!

А вотъ пришла... Обрадовался?

Не радуйся, не радуйся!

Не твоя она.— Чья же?— Его.— На брата руку подымеешь?— Нѣтъ.

Нѣтъ.

Таня пріѣхала. Пріѣхала сказать правду. Она не любитъ тебя. Не хочетъ лгать. Любила тогда...

— Любила?— спросилъ Николай тихо.

Таня молчала. Она сидѣла передъ нимъ, такая же гордая, такая же... сулящая безконечную жизнь.

— Но моего брата...?

— Не знаю.

Вдругъ она встала, точь-въ-точь какъ на портретѣ у Александра.

— Ну что же я могу сдѣлать съ собой, если теперь я только вѣрю вамъ, вѣрю, какъ первому, близкому, и душу мою выкладываю.

— Стало быть, такъ.—Николай приподнялся.

— А вы мнѣ не говорили всей правды. Почему вы мнѣ тогда не сказали?.. Какъ то вечеромъ зашла она ко мнѣ, забитая такая, помочь просила... Ребенокъ, говоритъ, былъ, да померъ. А сама вся трясется, еле на ногахъ стоитъ, пьяная... Почему вы тогда не сказали мнѣ?

— Не могъ.

— А когда вы уѣхали, и все это я узнала и еще узнала... Убила бы тогда, такъ ненавидѣла... Не себя, не себя, а васъ...

Николай понятился.

— Что же...

— А знаете, если бы я васъ любила теперь, думаете, я могла бы забыть? Никогда не забыла бы. Всю жизнь отравило бы... Я всегда видѣла бы васъ рядомъ съ этими...—Таня стиснула кулаки.

Не говорили.

А потомъ опять. Такъ цѣлый день.

Ему вдругъ показалось, что она его любитъ... Нѣтъ, нѣтъ, если бы любила, не рвалась бы такъ домой, а то завтра уѣдетъ непременно, сказала твердо, уѣдетъ непременно и, какъ ни просить, уперлась на своемъ. Да и жить тутъ неудобно. Комнату внизу едва уступила хозяйка, а у него тутъ негдѣ, ему некуда уйти на ночь. А одну оставить не хорошо. Да и это все не то. А главное въ томъ, что теперь, послѣ всѣхъ разказовъ Николая о себѣ, ей становится ясно, что онъ не такой, какъ показался ей въ первый разъ. Вотъ Катиновъ, навѣрное, интересный, вѣрный...

— Знаете, Катиновъ на вашего брата Александра похожъ.

— Да у нихъ даже и манеры одни и тѣ же...

— А онъ сильнѣе васъ.

— Можетъ быть...

Разговоръ замаялся. Въ комнатѣ было душно. Хотѣлось на волю.

На дворѣ дождикъ шелъ.

Вечеромъ долго не расходились, опять перебирали все прошлое. Незамѣтно выросло довѣріе, и лампа довѣрчиво свѣтила... Таня сидѣла съ нимъ рядомъ на диванѣ, и они болтали.

Теперь она ему все сказала. Онъ ея другъ. Онъ пріѣ-

детъ къ нимъ. Ему рады будутъ. Прошлое все забылось, и отецъ на него не сердится. Она начнетъ новую жизнь. Ей легко.—А то все что то мучило.

И она пошла къ себѣ внизъ.

Николай слышалъ, какъ закрылась за ней дверь, какъ опустились гардины, какъ потухъ свѣтъ...

* *
*

Убаюкай меня, ночь,—колыбель моя!

Вѣтеръ осенній шумитъ, скрипитъ. Неслышно могилы вскрываетъ въ сердцѣ.

Мучаетъ...

Укрой меня отъ мглы и дождя, ночь—мать моя.

Руки дрожатъ... Вотъ упаду...

.
.

Николай вскочилъ съ широко раскрытыми глазами, насторожился.

Откуда то изъ низу, изъ-за стѣны тянулся больной бредъ, и свѣтляками мигало тревожное дыханіе въ безмолвіи.

Вотъ и опять.

Да, это она...

Ея голосъ, ея стонъ, ея дыханіе.

Прислушивался...

Повторялось чужое имя, повторялось безъ конца, наполняя собой все кругомъ, всю его душу, блѣдную и жаждающую, одинокую, а онъ твердо и хорошо зналъ рвущимся, разодранымъ сердцемъ, что тянется весь, готовъ что-то сдѣлать... долженъ сдѣлать...

Почему долженъ?—спохватился.

Вотъ, кажется, подходитъ она, садится рядомъ съ нимъ, беретъ его за руку. И чувствуетъ онъ ея теплую грудь и сердце слышать...

Нѣтъ, нѣтъ, она никогда не придетъ.

Обезумѣлъ.

Долго искалъ спичекъ, циркаль, спички ломались, и, когда, на-

конецъ, вспыхнулъ голубоватый огонекъ, увидѣлъ Николай свои пальцы блѣдные и заостренные, какъ зубья, и представилось лицо въ спутанныхъ, извивающихся змѣйками волосахъ и повисшіе усы и красные, провалившіеся отъ мукъ и безсонницъ глаза... свое лицо... глаза...

Закурилъ.

Сталъ перебирать повторенное тысячу разъ и днемъ и ночью... всѣ дни и всѣ ночи.

Пріѣхала сказать... проститься...

— Ну, пусть бы вѣчно оставалось такъ, — замолилъ безнадежный голосъ, — не зналъ бы ничего, и ждалъ... Ну, пусть бы гдѣ-нибудь...

— Поздно, ужъ поздно!

«Барыня-то у васъ какая красавушка!» — Аграфсна, хозяйка, перемываетъ посуду и вдругъ — тррахъ! — стаканъ объ полъ.

А потомъ подмигиванія; знаемъ, знаемъ!

И ничего-то вы не знаете... знаемъ, знаемъ!

Все тѣло отяжелѣло. Затихъ.

Видѣлъ ее такой, какъ смотрѣла на него въ первый разъ.

И дикой птицей вонзила она голодный клювъ въ его пробужденное сердце.

Она подходитъ къ нему... всматривается своими темными глазами — хищные звѣрки въ засадѣ... — протягиваетъ руку...

И чувствуетъ онъ эту горячую ладонь, а губы ея прильнули къ его губамъ...

Тогда въ первый день.

Зачѣмъ она пряталась, словно выжидала, и бросилась и...

Дни безъ времени съ жаждой любви... опьяненіе жаждой.

Лица сближались и отдалялись, а кто-то говорилъ: да-нѣтъ, да-нѣтъ...

И онъ ждалъ и просилъ.

Первый поцѣлуй, вырванный и затягивающій, поцѣлуй бездонный, а за нимъ кипящая пасть, а изъ нея жало...

«А я думалъ, вы — честный человекъ!» — прозвучалъ вдругъ голосъ отца, и старикъ — отецъ мучительно глядѣлъ въ глаза этого... въ его глаза...

Качался онъ гдѣ-то въ воздухѣ и среди пустынного затишья

шипѣли темныя изсохшія лица, шипѣли, какъ маятники: знаемъ— знаемъ...

Задохнулся.

А время подкатывало жизнь къ чему то, отчего и уйти не уйдешь.

Вновь вползающій бредъ проникъ въ сердце и точилъ его.

И была тупая, тяжелая боль. Она стягивала лобъ желѣзнымъ обручемъ, а сверху надавливала мозгъ нестерпимой тяжестью.

Съ ревомъ кровь хлестала по жиламъ и сѣкла каждый нервъ и кутала плечи въ горящую ткань.

Нервно зажегъ свѣчку.

И тотчасъ шумъ сдавленныхъ голосовъ наполнилъ комнату, будто свѣтъ свѣчи крикнуть хотѣлъ, а кто то зажалъ горло, остановилъ крикъ.

На дворѣ дождикъ шелъ.

* *
*

Со свѣчкой въ рукѣ на дыпочкахъ Николай спустился внизъ къ Танѣ.

Тихонько раздвинулъ портьеры.

Ударился колѣнкой о стулъ, замеръ отъ боли.

Смятая бѣлая кофточка съ длинными, черными шнурами глаза бѣла, вшивалась, тянула.

Прикоснулся къ кофточкѣ, какъ къ живому тѣлу.

Замеденнѣвшее сердце обдало вдругъ краснымъ лучемъ бѣлую кровать, и лучъ, какъ игла, вшилъ ей въ сердце.

Все тѣло дѣвушки, вздрогнувъ, подобралось, обороняясь.

Онъ повторялъ что-то, какія-то слова, просилъ о чемъ-то... и силился что-то вспомнить, что-то разглядѣть, что-то уловить...

И увидѣлъ глаза ея ужаснувшіеся... долго-долго они ждали... не губить просили...

Туманился его голосъ, задышался.

И вдругъ тихій стонъ оглушилъ его: два взѣрошенныхъ звѣрка выскочили изъ ея большихъ глазъ.

Но ужъ взоръ его гнался за дразнящими тѣнями на ея груди...

Ужъ коснулся..

Николай чувствовалъ, какъ что-то крѣпко стальное и горячее сда-

вливало его тѣло, слышалъ, какъ опрокинулось что-то, переломилось, какъ что-то жалобно хрустнуло... и хрусть пронзилъ его мозгъ и пробрался глубже, разорвалъ мякоть и зазвенѣлъ мертвымъ звономъ въ пустыхъ костяхъ...

Потомъ ревъ взбѣшеннаго звѣря, жалоба обиженнаго ребенка, вопль изступленной матери, дрожь охрипшей боли... и даль бездонно-черная въ спѣшащихъ огонькахъ снопахъ и нѣжно-стелящаяся тишина и баю-бай укачивающей пѣсни... пѣсня...

Колебались портьеры, а сзади стоялъ кто-то и двигалъ ими взадъ и впередъ, взадъ и впередъ.

А съ бѣлой кровати, съ этого опрокинутаго тѣла... глаза.

Остановились глаза; они сливались съ далью, съ скользящей полосой нестрашной, какъ ласкающее сіянье минувшей грозы, и двѣ слезинки дрожали у полураскрытыхъ губъ, да разметавшіеся волосы женщины перьями сухо чернѣли.

Свѣчка, вбирая кровь и тая алой кровью, плыла...

И стали всѣ предметы подходить и заходить, сплываться и сжиматься... вотъ умывальникъ вошелъ въ кровать и расползлся по полу ножки стула... и вдругъ стянулись въ адскій кругъ и закружились кругомъ, и кругъ запрыгалъ кругомъ, кругомъ.

Сквозь какую-то туманную и душную даль закричали бѣшеные голоса и, огненнымъ ножомъ пырнувъ во мракъ, поползли... и Николаю представилось, будто ползетъ онъ за ними по нестерпимо зеленой луговинѣ, по грудамъ живыхъ тѣлъ... въ кровѣшную тьму... въ отчаяніе...

Темный обморочный сонъ сковалъ Николая.

Ему казалось, вбѣжалъ онъ въ огромный домъ.

Нѣтъ конца комнатамъ.

Какіе-то оборванные люди усѣлись на сундукахъ, какъ погорѣльцы на спасенномъ добрѣ.

А въ широкое окно смотреть золотой глазъ.

Но они не видятъ его, посинѣвшими руками впились въ сундуки.

И тупой страхъ тянетъ вѣки къ землѣ.

И нѣтъ конца комнатамъ.

Вдругъ погасъ свѣтъ.

Николай забился въ тѣсную коморку.

Тихо отворилась дверь.

Съ тяжелыми котомками какіе-то странники въ запыленныхъ армякахъ и въ грязныхъ онучахъ, сѣдые.

Смотрягъ, и уйти отъ нихъ некуда...

А за окномъ шумъ водопада и вѣтренный шорохъ летающихъ осеннихъ листьевъ.

Стѣны сжимаются, потолокъ все ниже...

Да онъ у себя на верху, вонъ и зеркало...

— Колюшка-то померъ!—явственно донесся знакомый голосъ съ лѣстницы.

— А вѣдь это голосъ бабушки...—подумалъ Николай.

Отъ ужаса зажмурился.

И представилось, идетъ онъ по черной степи. Изрѣдка худыя, изогнутыя деревца, свернувшіеся листочки на изрѣденныхъ плѣсенью вѣткахъ...

И небо такое черное.

А идти трудно, но онъ идетъ, потому что долженъ выкопать яму—для себя яму.

— Вотъ тутъ!—говорить кто-то на ухо.

И, обливаясь потомъ, принялся копать.

И странно, все измѣнилось.

Онъ—среди весенней черной степи.

Вокругъ одно сине-бѣлое небо.

Христось воскресъ!

И чувствуетъ Николай, какъ легкія крылья поднимаютъ его и несутъ по теплой волнѣ все выше надъ землей и степью.

И такъ легко, вечернимъ замираньемъ переливаетъ сердце...

Что жъ намъ дѣлать,

Какъ намъ быть,

Какъ латинскій порѣшить

—обрѣзалъ несуразный голосъ.

Прометей поеть.

Худой, зеленый весь, оскалилъ зубы, головой мотаеть.

А кругомъ всѣ свѣчи горять, плащеница стоитъ, и пусто, ни души нѣтъ.

Вдругъ Прометей выпрямился, обвелъ безумными глазами вокругъ церкви, присѣлъ на корточки..

У Николая потемнѣло въ глазахъ.

Прометей извивался, скакалъ, сигалъ, срывалъ бахрому, разрывалъ бархатъ, сдарапывалъ изображеніе, спибалъ под-свѣчники.

Летѣли свѣчи, загорались иконы, трещалъ иконостасъ.

Вой, визгъ, взрывъ зачинающаго пожара, и среди стихій-наго гвалта стихійный шопоть:

— Я люблю тебя!

И поднялась душная, грозная ночь.

Только они одни, Николай и Таня, одни въ дѣтской.

Увѣренно теплится лампадка, жарко пылаеть крещенская свѣчка.

Жмутся другъ къ другу—хоронятся отъ этой вздрагивающей синей бѣды, что проползаетъ надъ кровлей, вотъ низвергнется и похоронитъ весь домъ.

Жмутся другъ къ другу—хорошо имъ, не страшно...

Вдругъ будто раскололся домъ пополамъ, заскакали окна, вытянулись лица... и на порогѣ сѣдая нянька съ прыгающимъ беззубымъ ртомъ:

— Маму убило!

И кричалъ нечеловѣчскій голось, бѣлѣй молніи, безошад-нѣи всѣхъ громовъ:

— Я люблю тебя!

Бросился вонъ.

Но крикъ гнался, превратился крикъ въ шопоть, сверлилъ сердце, путалъ цѣпями ноги, толкалъ въ спину, пока не пова-лилъ на землю.

— Сорокъ девять! сорокъ девять! подхватилъ хоръ глухихъ сильныхъ голосовъ.

Николай поднялъ голову:

— Эге! да они всѣ тутъ!

Будто стоитъ онъ на откосѣ желѣзнодорожнаго полотна.

А тамъ, внизу, какіе-то люди сѣменятъ на одномъ мѣстѣ и, держась за руки, притоптываютъ что-то красное, вязкое, хлюпающее, какое-то мясо.

Мороситъ мелкій осенній дождь.

Вдругъ въ глазахъ потемнѣло, весь изогнулся.

Кто-то сзади ловко петлю накинулъ и тянетъ...

А съ откоса лѣзутъ и лѣзутъ, руками машутъ...

Чья-то рука ведетъ Николая въ высокую башню, бѣлую, безъ единого окошка.

Переступаютъ порогъ башни.

Тяжелые засовы упали.

Зналъ, что приговоръ ужъ подписанъ, и съ часу на часъ смерть наступитъ.

Николай лежалъ на нарахъ въ грязной камерѣ, видѣлъ кровавотеплый свѣтъ, сочащійся сквозь мутное рѣшетчатое окно и ждалъ...

Съ визгомъ дверь растворилась.

Два человѣка въ черныхъ плащахъ и черныхъ полумаскахъ, съ тонкими, золотыми шпагами на бедрахъ, вошли въ камеру и, молча взявъ его подъ руки, вывели изъ тюрьмы.

Долго они шли по незнакомымъ узкимъ улицамъ, завертывали въ переулки, упирались въ тупики, снова возвращались, пока не выбрались на людную широкую площадь.

Толпа затрудила всѣ проходы; лѣзли, давили другъ друга.

Истерически надорваннымъ хохотомъ заливался колокольчикъ остановившейся конки, и кондукторъ, морща желтое лицо и насѣдая на тормазъ, заливался мелкимъ гаденькимъ смѣхомъ.

А небо ярко-синее надъ пестрой толпой куталось въ блестящую сѣтку знойнаго солнца и не летѣло, а спускалось ниже, все ниже.

Онъ могъ ужъ достать его, когда сталъ на высокій помостъ и глянулъ поверхъ кипѣвшей толпы, но палачъ ударилъ кулакомъ по шеѣ, и голова упала на грудь, и замеръ взгляды, упираясь въ страшную, большую точку...

У столба на краю помоста, ударяя себя по бедрамъ и прихлопывая въ ладоши, плясала растерзанная съ оборванной петлей на шеѣ полунагая женщина, а измученное лицо отъ слезъ над-

рывалось, словно всѣ муки вонзились въ него, и отъ боли глаза на лобъ выскакивали, и вваливались, какъ у похолодѣвшаго трупа.

Плясала женщина, ногами притопывала... плясала женщина... мать плясала...

Завертѣлся Николай на мѣстѣ, хотѣлъ броситься, но въ тотъ же мигъ будто острый кусокъ льда со свистомъ лизнулъ его шею, и черно-красный большой свѣтъ густыми брызгами взметнулся предъ глазами, и щемящая сухая боль и что-то до приторности сладкое загрызло гдѣ-то въ глубинѣ рта, но страшные клещи сдавили черепъ и поволокли куда-то по вязкимъ неостывшимъ трупамъ, по гвоздямъ черезъ огонь въ ледъ—кромѣшную тьму... въ отчаяніе.

Выгорѣвшая свѣчка вздыхала голубымъ тяжелымъ вздохомъ.

И въ смрадномъ свѣтѣ, закусивъ конецъ половика, лежалъ Николай у сбитой кровати, у неподвижнаго тѣла Тани, а по стѣнѣ, какъ разбитыя мельничныя крылья, шараясь, ходили наливающіяся тѣни отъ торчащихъ затекшихъ ногъ.

И караулила ночь закрытое окно... поруганное сердце... обманутое...

Запретила она, темная, всѣмъ беззвѣднымъ шорохамъ и одинокимъ стукамъ врываться и гулять по дому... по дому отчаянія и изступленной жажды.

Погасъ свѣтъ.

И время стало.

XVII.

Падали листья послѣдніе, красные... Красныя зори сторали.
Кутая ватой измученный берегъ, угрюмый туманъ восходилъ
надъ бурлящей рѣкою.

Пароходы ревѣли.

Прощальные звуки рѣзали льдистые вздохи.

А кромѣшное небо вѣтренно — шумно за хлопьями хлопья
бросало на сжатую землю.

Подъ крышами вьюга металась, — ковала синюю стужу.

И въ дымѣ по звѣздамъ луна костяная ходила и улыбалась
замогильно-скорбной улыбкой.

Злые туманы...

Листья сорвали, пѣсни задули...

По временамъ казалось Николаю, онъ съ ума сходитъ.

Былъ онъ весь одной тончайшей струной, и становилась эта
струна съ часу на часъ тоньше, и отъ малѣйшаго прикосновенія
стонала... Стонала и болѣла.

Былъ онъ весь однимъ безконечно живымъ нервомъ, и не было пушинки, которая, касаясь, не жгла бы душу, а эти руки... эти руки закручивали узломъ обнаженное сплюснутое сердце...

Обычно, какъ только смеркалось, выходилъ онъ на улицу и, пробираясь среди старыхъ домовъ, шелъ на безлюдье, въ поле.

Если случалось, встрѣчалъ кого, опускалъ глаза и сжимался, будто жестокой ударъ готовился на его голову.

Такими страшными казались люди.

Кое-гдѣ фонари зажигали.

Молча, какъ раздавленная собака, Николай глядѣлъ въ ихъ сѣрое хилое пламя.

И они говорили:

— Ты помнишь?..

И въ отвѣтъ гудѣло сердце, какъ гудѣлъ вѣтеръ.

А тамъ, въ бѣломъ полѣ, среди пушистыхъ раскинутыхъ снѣговъ во мракѣ и зелени, темной ночью, лунной ночью онъ со стиснутыми зубами и сжатымъ сердцемъ не покорно молился, а требовалъ, настаивалъ, чтобы оно совершилось.

И казалось, оно совершалось.

Онъ видѣлъ ее, была она такой... неподдѣльной... лицо, тѣло, все... являлось ярко, рѣзко и жило живѣе, будто подъ вызывающимъ, долгимъ поцѣлуемъ.

Да, да, да...

Онъ бѣжалъ по люднымъ бульварамъ, и она бѣжала, онъ свертывалъ въ аллеи, и она мелькала по дорожкамъ, садился, и она сидѣла на скамейкахъ противъ, она заглядывала въ глаза, онъ шелъ, — провожала...

Падалъ, задыхался отъ скрытыхъ рыданій — колкія слезы глаза слѣпили, будто слезы и соль.

И что-то темное охватывало съ головы до пятъ: онъ вбѣгалъ въ домъ къ себѣ, запиралъ дверь, задергивалъ занавѣски, и сидѣлъ, отдыхая во тьмѣ, безъ огня.

Свѣту боялся.

Впрочемъ, тогда боялся всего.

И среди давящей тишины забывался, и въ забытіи снились кошмарные сны.

То казалось, будто кто-то на дыпочкахъ входитъ въ комнату,

раздѣваетъ его до нага, уноситъ одежду и снова входитъ и медленно, не спѣша, принимается за старое: выносить одну вещь за другой. А вещей дѣлая уйма.

А онъ будто лежитъ на полу, видитъ все, и холодно ему, а подняться не можетъ.

Потому подняться не можетъ, что вещей еще такъ много, а извѣстно, когда тотъ снесетъ все, только тогда...

Цѣлая вѣчность!

И такъ до разсвѣта.

Или такъ: пріотворится дверь, и въ какомъ то странномъ стрекочущемъ свѣтѣ вылянетъ съ лѣстницы старая, престарелая старуха.

Синія ея губы вздрагиваютъ, слезятся гноящіеся глаза, и трясущаяся рука, привычно корчась, тянется за милостыней.

А онъ упивается злѣйшей горечью: видитъ, какъ эта загнанная безпріютная нищенка опускаетъ пустую руку... Видитъ, и ничего дать не хочетъ, не шелохнется.

Нищенка протягиваетъ руку...

И такъ до разсвѣта.

И наступалъ бѣлый день, мучилъ несносными тягучими часами и въ потугахъ превращался въ страшную ночь.

Ночь. Не было на свѣтѣ ни лица, ни такого предмета, на чемъ бы глаза успокоить.

Даже дѣти, эти единственно милые и чистые незабудки... Дѣтскія личики казались въ звѣрскихъ стальныхъ намордникахъ.

И скалили изъ за рѣшетки свои молочные острые зубки.

* * *

За городомъ по большой дорогѣ, прикрытая частымъ лѣскомъ, раскинулась дѣлая усадьба, посреди которой возвышалось огромное странное зданіе—сумасшедшій домъ.

Окна съ толстой желѣзной рѣшеткой, окна, униженные истощенно-ободранными полускелетами, полутѣлами, и тамъ — понурья лица бритыхъ головъ, и сдавленный животный смѣхъ, и дьявольская улыбка, обвивающаяся змѣей вокругъ смертельно бѣлыхъ губъ, и остановившійся долгій, изнуряющій взоръ, и такая открытость, такая беззаботная увѣренность, какъ у ребятъ малыхъ.

А тамъ, за живой шторой, сладострастный сапъ и грязь и распутство и уличная брань и тихая молитва, стонъ горькій.

Желѣзная угрюмая дверь и выползающій на волю запахъ подгнивающего, запертго жилья.

Вялый, увязающій въ нерасходящейся мглѣ, измученный желтоватый свѣтъ, и пробитыя ступени каменныхъ лѣстницъ, и та чернота корридора, непроглядная, гдѣ въ пыткѣ задыхающихся желаній, замирающихъ воплей давятъ, лѣзутъ, мнутъ другъ друга слипающіяся тѣла съ этимъ единымъ глазомъ, съ этимъ ртомъ...

И оргія безумныхъ бредовъ — остановившійся проклятый смерчъ.

И страшная, жуткая темь угловъ, куда уходятъ и гдѣ таятся такія слова сердца, такія думы, загадки и разгадки—сама судьба и жизнь и смерть...

Звалъ этотъ желтый домъ, приглашалъ подъ свою безпредѣльную кровлю, мигалъ своимъ безумнымъ, бредовымъ глазомъ.

Гналъ этотъ желтый домъ, стращалъ своими палатами, гдѣ творится что-то странное, отпугивалъ странностью, тайной, вѣдь, человѣку хочется такого, чтобы не бояться, не тревожиться,—покою...

ХVIII.

Вьюжный день свистѣлъ за дверью и засыпалъ окна.

Въ переполненной приѣмной жутко горѣла неяркая лампочка. Только что привезли больного.

Налитые кровью глаза съ подбитыми черными подглазницами, пережегшіе всю ярость и боль затравленнаго на смерть звѣря, выширались неумолимымъ и безотвѣтнымъ вопросомъ. А длинная рыжая борода, изодранная въ клочья и примерзшая къ тулупу, торчала сухою паклей.

И не было живого мѣста на тѣлѣ.

Перерѣзанныя веревками руки, красно-водянистыя лепешки отмороженныхъ ушей, багровые подтеки и ссадины на лбу, перегрызенныя запекшіяся губы и неимовѣрно худые, блѣдные пальцы.

Мелкими мурашками разбѣгался ознобъ по его тѣлу и, собираясь въ огромный муравейникъ, колотилъ кулакомъ по шеѣ и подкашивалъ ноги...

И взоры всѣхъ къ нему обращались и, казалось, это въ немъ вьюга выла.

Пришелъ, наконецъ, докторъ, и публику изъ пріемной удалили.

Чуть внятно доносились теперь распоряженія и опросы, да въ валенкахъ служитель шмыгалъ со связкою ключей, какъ тюремный надзиратель.

Николай толкался у дверей, ждалъ, когда поведутъ больного.

Вдругъ нечеловѣческой крикъ прорѣзалъ стѣну и отточенной бритвой хватилъ по мозгу.

Въ пріемной поднялся шумъ и возня.

Трое служителей пробѣжали мимо, шмыгая валенками.

Сгорбившись, вышли два городскихъ.

— Не полагается! — сказалъ одинъ, — не полагается тутъ: уходите!

Николай вспомнилъ, что ему назначили притти и именно въ этотъ часъ: докторъ назначилъ — и онъ не тронулся.

Вдругъ обрадовался: Господи, Павлушкинъ!

Веснушчатый плюгавый человѣкъ въ огромной ушанкѣ съ болтающимися концами пронирыливо выглянулъ изъ чуть пріотворенной двери.

Увидѣлъ Николая, униженно закивалъ головой.

И вспомнилось Николаю, какъ однажды онъ вышвырнулъ это жалкое тѣлце «наблюдающаго». Это было въ одинъ изъ тихихъ, закрытыхъ снѣгомъ дней, когда такая скука... и ему стало скучно.

Павлушкинъ принялся рассказывать: больного везли изъ вѣзда безъ передышки пять сутокъ, больше тысячи верстъ отмахали въ пургу, въ метель, перекидывали съ санокъ на санки, — торопились поспѣть къ празднику. Очень беспокойный, бунтовался, двѣ рубахи на себѣ разодралъ, уряднику самоваромъ голову прошибъ.

— А чѣмъ же мы то виноваты?..

Но въ это время дверь распахнулась. Притихло.

Въ длинной сумасшедшей рубашкѣ, какъ въ саванѣ, полупронесли человѣка.

Ни лица, ни глазъ не было видно, только надъ бровями мертвъя черныи упорный шрамъ.

Гдѣ-то наверху гнусаво пропѣлъ тяжелый замокъ.

И волокни что-то грузное и затихшее по ступенямъ вверхъ.

А кругъ тѣней, увязая въ желтоватой мглѣ, трепеталъ: вотъ оживетъ, займется, вспыхнетъ мириадами искръ, бросится на стѣны, и рухнетъ стѣны, и помчится черезъ ограду въ садъ, и полемъ въ огородъ, обойметъ, вопьется въ городъ, вырветъ всѣ камни, обуглитъ зданія и дальше...

Пока земля не разлетится вдребезги.

Но кругъ тѣней расползся въ желтоватой мглѣ, и незамѣтно вышли люди, и затаились больные въ своихъ кельяхъ.

И только выжженный день свистѣлъ за дверью и засыпалъ окна. Захолонуло на сердцѣ.

Чернымъ ртомъ припала горечь и упивалась.

Ползкомъ выползъ Николай изъ желтаго дома.

* * *

Николай шелъ по полю.

Бѣлый сыпучій снѣгъ столбы крутилъ, а въ столбахъ вѣтеръ пѣлъ.

— Скоро—скоро!

Онъ прокладывалъ путь по сугробамъ, а выюга ливнемъ налетала и уносила.

Сердце—всѣ нити сердца, нервы сердца—запутались въ клубокъ и перетирались и тяжелой цѣпью давили грудь.

— Скоро—скоро!

— Но этого не будетъ, я не хочу, чтобы было...—бился охрипшій голосъ, а въ то же время хорошо зналъ всю бессмыслицу и ужасъ словъ: онъ не властенъ перевернуть по своему, если въ немъ самомъ все перевертывается.

Вдругъ упало все небо, придавило спину, какъ доской съ гвоздями.

Николай упалъ на землю.

Припалъ горячимъ лицомъ къ пылавшему снѣгу, хотѣлъ забыть, не думать...

— Пусть сразу все! пусть сразу!

И сердце не кричало, сердце визжало, будто желѣзные руки защемили его между желѣзныхъ пальцевъ.

— Уйдите, оставьте меня, не надо мнѣ васъ...

Мерещились ему цѣлыя полчища, они надвигались съ арканами, съ нагайками, и свистѣли...

— Странные вы, хотите привязать меня, хотите приручить меня...

Упало сердце, сдался...

— Пусть сразу все, пусть сразу все!

Вдругъ вскочилъ.

— Не хочу!

Бѣлый сыпучій снѣгъ столбы крутилъ, а въ столбахъ вѣтеръ пѣлъ.

Дѣва днесъ Пресущественнаго рождаетъ,
И земля вертепъ Неприступному приносить...

Вспомнилъ Николай домъ.

Перебралъ все старое. Въ каждый уголокъ заглянулъ. Ласкалъ, прижималъ къ сердцу.

Кончилось поле.

Подлетая и бухая объ ухабы, катили санки.

Толкаясь и перегоняя другъ друга, неслись пѣшеходы по тротуарамъ.

Въ магазинахъ зажигали огни.

Въ прошломъ году былъ за рѣшеткой... и ползла она, эта болѣзнь...—подумалъ Николай,—да...

Жилъ себѣ человѣкъ...

Зачать безъ желанія, а на свѣтъ появился — кричалъ: грудь матери не молоко, а слезы точила.

Кѣмъ посѣянъ? зачѣмъ свѣтъ увидѣлъ? на что выросъ?

Любилъ... душу свою отдавалъ.—

Не приняли?.. Да ты ее отдавалъ ли, отдавалъ ли всю... всю?..

Вѣрилъ безконечно.—

Кто вѣру нарушилъ? — самъ первый нарушилъ.

Миръ себѣ сотворить хотѣлъ, а вотъ онъ: буря и вой и бѣлыя снѣжныя ленты метаній съ неба на землю, на небо съ земли.

О мирѣ мечталъ.—

Нѣтъ покоя?.. да ты минуты не выжилъ бы въ этомъ покоѣ...

Заслужено всякое сердце, а твое... горить?

Теперь, когда видятся предпраздничные огоньки, и ни одинъ изъ нихъ не пріютитъ тебя...

— Братья мои! сестры мои!

Подточилъ червь башню, ты его рвалъ, топталъ.

Подточилъ червь башню.

— Не вѣрю Тебѣ!

Жилъ себѣ человѣкъ, жилъ тихо, смирно: что велятъ, радъ радехонекъ... все исполнить. Да вдругъ ударила его вся эта толкотня и сутолока, хлеснулъ по глазамъ тотъ вонъ свѣтъ въ каменномъ домѣ, рванулъ за живое какой-то упрекъ...

— А чѣмъ я хуже, а?—и пошло.

Сначала грубое слово—слово за слово—въ морду, потомъ...

— Не мразь же я какая, которую, кому не лѣнь, топтать волею, не кобыла, которую лупи, сколько вѣзетъ, все стерпитъ.

Я гну для тебя, подлеца, спину, потому что жрать хочу, но гнуть себя не позволю!

Подточилъ червь башню, ты его рвалъ, топталъ, думалъ подохнетъ...

— Эхъ ты, тупой болванъ, старый хрычъ, каждый мой кусочекъ, каждый мой обрывокъ острымъ зубомъ отъ злости, отъ боли въ камень впивался и грызъ...

Подточилъ червь башню.

А если лебезить задумаешь, обѣщаніями глотку заткнуть... рай свой, солнце свое, свѣтъ свой посулишь...—не вѣрю тебѣ, не вѣрю!...

Жилъ себѣ человѣкъ... какой человѣкъ?

— Братья мои! сестры мои!

— Гей!—заоралъ кучеръ.

Николай вздрогнулъ, шарахнулся въ сторону.

Мимо мчались санки, тьма колкихъ, грязныхъ снѣжинокъ ударила въ лицо.

Заскрипѣлъ зубами.

Такая боль поднялась нестерпимая.

Вверхъ дномъ опрокинулъ бы дѣлмый свѣтъ, прошелъ бы по трунамъ, пока не упалъ бы отъ крови, этой теплой, которая стекала бы по его пальцамъ...

Шель убитой.

Толкались прохожіе, перегоняли другъ друга, спѣшили.

Въ магазинахъ огни горѣли.

Забравшіяся за воротъ снѣжинки грызли спину.

Тоска на сердце упала.

Тоска на сердце упала и росла...

И потянуло туда... въ домъ.

Надѣтъ бы шапку—невидимку, мигомъ перелетѣтъ, стать на порогѣ...

Дѣва днесъ Пресущественнаго рождаетъ,
И земля вертепъ Неприступному приноситъ...

Душа залилась слезами.

Остановился.

Видѣлъ одно черное небо, да крутился на небѣ дикій, бѣшеный столбъ, рассыпался въ безднѣ тончайшихъ сверкающихъ снѣжинокъ и вновь выросталъ и крутился:

— Никогда—никогда!

И встала передъ глазами выломанная дверь, и мать, ея вывороченные ужасомъ глаза...

— Никогда — никогда! — рвануль черный вѣтранный столбъ.

И гудѣла телеграфная проволока и повторяла на разные лады тысячу разъ.

— Никогда!

Пошелъ устало.

Жалѣлъ себя и звалъ смерть, и вмѣстѣ умирать не хотѣлось, и проклиналъ и мучилъ и издѣвался надъ собой...

Вѣдь, когда тебѣ въ лицо плевали, когда на спину садилась, ты гнулся и несъ, и топтали и помыкали тобой и ты несъ.

Вѣдь ты смирился, потому что позволилъ согнуть себя...

Катиновъ не согнулся, Катиновъ ушелъ изъ этого города, а съ нимъ и другіе ушли, а съ ними и другіе уйдутъ, а ты тутъ прѣвешь и пакостишь и жалуешься: на кого ты жалуешься?

Катиновъ тебя по мордѣ сѣзидилъ, потому что ты и есть морда...

На кого жалуешься? чѣмъ виноваты люди, что ты — такой.

Что они тебѣ сдѣлали?—вѣдь всѣ они въ тысячу разъ лучше тебя, потому лучше, что мерзостей этихъ самыхъ не дѣлаютъ.

И никто тебя не просилъ, самъ навязался всѣмъ.

Эхъ, ты!

А потомъ, знаешь, ты кругомъ околпаченъ, самъ себя околпачилъ. Думаешь, съ міромъ борешься, нѣ-ѣтъ, съ самимъ собой: этотъ міръ ты самъ сотворилъ, надѣлилъ его своими прихотями, омерзилъ его, огадилъ, измазалъ нечистотами.

Что съ Таней сдѣлалъ?—слышишь!

Она никогда тебя не любила.

И гадко, гадко, потому что, если бы ты ее взялъ подлинно, ты бы не оправдывался. А то все оправдываешься... мучаешься... сгорбился весь... посмотри, посмотри на себя... фу!

Кого тѣшилъ?

Силу некуда дѣвать было?

Ахъ, да... силу некуда дѣвать было.

Но раньше, помнишь...

— А Глѣбъ, Глѣбъ?—простоналъ Николай безсильно.

«А я думалъ вы—честный человѣкъ!» — долбилъ страшный голосъ отца Тани.

— Молчи!— ударилъ кто-то изо-всей силы, и все тѣло Николая сжалось, присѣло подъ страшнымъ ударомъ.

XIX.

Была темь, едва пролѣзъ Николай къ двери своего дома. Дрожаль весь.

Не глядѣль бы на себя и не слушалъ бы...

Зажегъ лампу.

Тамъ и тутъ ударили ко всенощной.

И стало такъ пусто и невыносимо постыло.

И грубо сжимали облѣзлыя стѣны и давилъ низкій съ отставшей прокопченной бумагой паутинный потолокъ и шурилось обидчиво, издѣвалось это пестрое пятно на абажурѣ — старая почтовая марка.

Уйти бы!

Вдругъ услышалъ, будто запѣлъ кто-то... да, да, ясно звучалъ родной далекой голосъ...

Въ тягостно убитыя мгновенья, когда нѣтъ на землѣ мѣста, подъ одинокой плачь...

Такъ вознесся духъ надъ гранями, и поясами и путами, надъ землею высоко.

Все дамъ тебѣ!—ударилъ громъ.

И озвѣрѣвшія синія златогруды грозы разорвали небо.

И раскрылось око Бога, не Бога, что насылаетъ морь и голоть и вѣтеръ и зной на землю,—не Бога, что затмеваетъ свѣтила и рождаетъ солнце, а Бога, парящаго надъ солнцами и звѣздами, Бога, проникающаго всякую тварь, Бога надкрестнаго—

Царю Небесный
Утѣшителю, Душе истины,
Иже ведѣ сль и вся исполня,
Сокровище благихъ и жизни Подателю,
Приди и вселися въ ны
И очисти ны отъ всякія скверны
И спаси, Блаже, души наша.

— Такъ-такъ,—услышалъ Николай часы внизу отъ хозяевъ.

И вспомнилъ домъ не свой... ея.

Онъ мелькнулъ въ высокихъ освѣщенныхъ окнахъ. Вся въ огняхъ елка пылаетъ. Какъ яркая свѣчка.

И мечется, колеблется елка.

И вдругъ стала искоркой и отодвинулась, и, отодвинувшись, превратилась въ горящую кровинку, — и, ставъ горячей кровинкой, поплыла и разсѣкла страшную даль, а все плыла и, кажется, приходила минута, когда должна ужъ была погаснуть, но жила и видѣлась, раздвигала новыя дали, плыла.

Такъ парилъ надъ адомъ борьбы и терзаній и слезъ съ единой возносящей въ великую высь неугасимой тоской.

И падалъ въ самое пекло, разбивалъ черепъ о крѣпкую стѣну и вновь оживалъ.

Нищій.

Нищій... потому что ни вѣчности, ни божественности не дано ему.

А вся тоска, вся жажда — стать Имъ, Царемъ надъ царями Вездѣсущимъ, Всенаполняющимъ.

И прошелъ мечемъ сквозь его душу тотъ образъ, что возжегъ эту безумную мечту.

Второй звонъ зазвонили.

И мысли, прожженные тоской, отточенные мысли переломились и рухнули, и плакали гдѣ-то тутъ-тутъ.

Прислонился къ печкѣ. Откуда-то изъ угловъ изъ подполья шло бормотанье.

Напрягался... все, все тянулось понять этотъ шумъ.

Кто это, что это бормочетъ?

А оно ползло, сновало, тоненькими - тоненькими голосками пѣло, подлетало, дразнило, жалило...

Вдругъ острой судорогой передернуло лицо: кто-то будто холодными пальцами провелъ по спинѣ.

И никому ты не нуженъ, и никому нѣтъ дѣла до тебя, слышишь: нѣтъ! нѣтъ!—стонали въ клубокъ спутанныя мысли — и ты умрешь также, какъ умираетъ собака... умираетъ безъ крова, безъ любящей заботливой руки...

Нѣтъ, ты хуже умрешь, потому что о тебѣ и вспоминать-то будутъ по-собачьи...

А почему? почему?—сдавило горло.

А потому, что ты—самъ...

Улыбнулся.

Мошкора ты, мошкора!

И всегда-то вывернешься, подъ любую кровлю спрячешься, лишь бы не нашли тебя, лишь бы самъ не нашелъ себя...

Ну что мнѣ дѣлать?—простоналъ безсильно.

Будетъ изо дня въ день,—заговорило что-то,—будетъ ночь и день ускользать земля съ тобой, съ твоимъ трупомъ по безмѣрнымъ пространствамъ, будутъ матери дѣтей рождать и пойдутъ, разбредутся дѣти по всѣмъ вѣтрамъ...

И тѣ, которые заревомъ пройдутъ по землѣ, и тѣ, которые туманомъ наполняютъ дали, они ринутся въ бездонную высь, напоятъ міръ своимъ горячимъ сердцемъ...

И вотъ одинъ за другимъ покроютъ всю землю до послѣдняго уголка.

Поколѣнье за поколѣниемъ. Кишить, давить другъ друга, а кто-то отъ хохота трясется надъ этой толкотней и глупостью и горемъ, надъ тѣмъ, что проползаетъ въ сердце грѣхомъ и надъ умомъ и сердцемъ...

А кто то тяжелой скорбью перевиваетъ свое великое сердце— скорбь съ каждымъ лѣтомъ горше,—ждетъ...

И солнце померкнетъ, звѣзды чернѣе ночи выглянутъ съ чернаго неба.

А изъ очей ихъ заструится алый свѣтъ—кровь дѣтей—кровь мучениковъ—кровь всѣхъ, кто одиноко, забившись въ четыре стѣны, имъ, этимъ стѣнамъ, свою скорбь отдаетъ, глухимъ исповѣдается, бьется безотвѣтно, молитъ безотвѣтно...

И настанетъ, то, чего такъ ждали...

А тѣ желанія, что затирались и замирали, развернутся своимъ цвѣтомъ, и ты возстанешь и пойдешь по землѣ и будетъ тебѣ, будто во снѣ: всѣ отдаленности приблизятся, а близъ уйдетъ въ безконечность и предстанутъ сонмы существъ, жизнью, и знаній, и раскроется... око Бога, Бога проникающаго всякую тварь, Бога надкраснаго.

Царю Небесный
Утѣшителю, Душе истины,
Иже вездѣ сый и вся исполняя,
Сокровище благихъ и жизни Подателю,
Прииди и вселися въ ны
И очисти ны отъ всякія скверны
И спаси, Блаже души наша.

Застылъ Николай, не смѣлъ оглянуться: сзади себя чувствовалъ, будто стоялъ кто-то и дышалъ изсушающимъ холодомъ.

— Я спасу!

Измученная голова съ гуломъ половодья упала на грудь.

Повертѣлся—повертѣлся въ чернотѣ и дымѣ,—пригрѣваться сталъ.

И представилось Николаю, будто совсѣмъ онъ маленькій. Всклакиваетъ онъ съ горячей постели, накидываетъ на плечики одѣяло, да и къ окошку.

А въ окнѣ чуть маленькій свѣтикъ.

И, кутаясь въ одѣяло, онъ таращить глазенки:

— Когда-жъ это волки со звѣздой пойдутъ путешествовать?

А по пруду дядя Алексѣй идетъ и такъ медленно, едва передвигаетъ ноги... и самъ такой мохнатый, какъ волкъ...

Дѣва днесь Пресущественнаго рождаетъ

И земля вертежь Неприступному приноситъ...

XX.

Зима увядала.

Дороги желтѣли; почернѣвшіе дома, оттаивая, болѣзненно и тяжело вглядывались въ улицы.

Стѣны комнаты казались стѣнами башни, и такъ хотѣлось сдвинуть всю эту каменную, навалившуюся груду...

Будто сидятъ вокругъ большого стола пустого и темнаго, собрались и ждутъ... вотъ распахнется дверь и придетъ кто-то, желанный такой,—и выведетъ вонъ, въ поле...

Цѣлина голубѣетъ.

Дымится малиново-морозное солнце.

А на утро жесткій молчаливый снѣгъ, и опять сѣрый слѣдъ, и небо черное...

Темныя думы собирались и висѣли клоками затвердѣвшихъ тучъ.

У полузамерзшаго окна просидѣлъ Николай въ сумеречные медленные дни, какъ приговоренный, день казни котораго откладывается.

Безразсвѣтность глушила всѣ звуки и гнетомъ ложилась.

Разсвѣтъ вспоминался...

Такъ однажды безъ ночлега одинъ онъ бродилъ по незнакомымъ улицамъ чужого города...

Надвигалась грозная ночь.

Одичавшія горы синѣли, и вершины ихъ были, выдыхая серебристыя стрѣлы.

А острый, поспѣшный дождь колосилъ виноградникъ.

И вдругъ съ трескомъ тысячи разрываемыхъ шелковъ разорвалось небо, и улыбнулось, будто розовое лицо ребенка... ибѣтъ, больше... онъ счастливъ былъ, онъ любилъ, и его любили!..

А теперь нечего ждать было...

И когда смеркалось, выходилъ Николай на улицу и ходилъ безъ цѣли, неглядя.

Ползла эта дорога безконечная...

Безконечная.

И также медленно онъ возвращался домой, затаивъ въ себѣ какое то тяжкое оскорбленіе, и клевалъ и ненавидѣлъ себя.

Обломки воспоминаній, обломки мыслей — острые и такіе горькіе...

Эхъ, не вспоминать бы!

Кто то обухомъ ударялъ по тѣмени, а не убивалъ.

И до глубокой ночи жилъ онъ въ темнотѣ, жилъ медленно, — тянулось время, будто въ часахъ какой то гадъ гнѣздо себѣ свилъ, плодился тамъ и гадилъ, — засорялъ механизмъ.

Разверзалась передъ нимъ безпредѣльная пропасть, а онъ, какъ птица, вился въ тяжелой тучѣ, и эта безнадежность хватала и тащила его за крылья въ муку, и не было силъ вырваться...

Теперь, когда зима увядала, и въ немъ увядало что то, а другое росло и тянуло... куда?

Былъ Николай на вокзалѣ.

Эта машина, эти рвущіеся паровозы неумолимо свистѣли, и свистки, скрываясь и дразня, звали... куда?

Все тутъ припомнилось...

Какъ Таня уѣзжала, какъ онъ насильно обнялъ ее, и подѣлуй этотъ былъ такой страшный, какъ къ дорогому трупу, что никогда не возстанетъ.

Огоньки послѣдняго вагона потухали, а видѣлись другіе огоньки... и платформа опустѣла, а видѣлись огоньки.

И когда капля за каплей собралось все бывшее и ледяной корой сдавило сердце, такъ больно захотѣлось остановить время и вернуть... онъ не такъ бы сдѣлалъ...

Но колоколь, закричавшій вдругъ, придавилъ сердце.

— Совсѣмъ, совсѣмъ я чужой ей.

Огоньки послѣдняго вагона потухали... люди бѣжали, догоняли кого то...

— Совсѣмъ, совсѣмъ я чужой ей,—твердилъ всю дорогу возвращаясь съ вокзала, и ночью до разсвѣта, пока чья то желѣзная ладонь не прихлопнула вѣки.

* *
*

Съ болью продралъ Николай глаза.

Золотое, послѣднее зимнее утро горѣло.

Страшно было вспомнить все до конца, слишкомъ ужъ ярко, есть такія вещи, которыя самой, самой глубио души не могутъ сказаться...

Снилось ему, будто вошелъ царь Соломонъ и Мартынъ Задека, точно такіе, какъ въ гадальникахъ пишутся, и подаетъ ему будто Задека замуслеванный воцаной катушекъ, который надъ кружками надо подбрасывать, чтобы по числу судьбу узнать, подаетъ ему этотъ шарикъ, не шарикъ, а глобусъ, и не глобусъ... голову... чью голову?

Вскочилъ, дрожалъ весь.

Не держался на ногахъ. И былъ какимъ то квѣлымъ и желтоватымъ.

Чувствовалъ все свое тѣло, а руки, какъ какую обузу.

— Куда она уѣхала? гдѣ она? какъ живетъ, смогла ли жить?— словно впервые ударилъ по сердцу этотъ неотвязчивый вопросъ, и въ сердцѣ зашевелилось что-то, рѣшилось что-то, рѣшилось безповоротно.

Забылъ боль, забылъ немощу.

Одѣлся. Попросилъ чаю.

И когда Аграѣна принесла чаю, забылъ о чаѣ.

Сталъ собираться.

Онъ не зналъ, какъ все это выйдетъ, зналъ одно — уйдетъ непременно.

Все равно, терять больше нечего.

Бережно завернулъ въ узелокъ маленькаго фарфороваго медвѣдя — единственную игрушку, какая въ дѣтствѣ была: отецъ наканунѣ смерти подарилъ. Никогда не разставался онъ съ этимъ «Медвѣдюшкой» и теперь не забылъ.

Снялъ фотографію «Пруда»: прудъ изображенъ былъ зимнимъ полднемъ; за деревьями едва видѣлся домъ, все въ инеѣ, ледоколы ушли въ трактиръ, покинувъ лошадей, къ мордамъ привѣшены мѣшки съ овсомъ, и сани съ наколотымъ льдомъ; по льду слѣды...

Попарилъ въ шкафу, — пальцы бѣгали между книгъ, книги валялись, — остановился на полотенцѣ. Мать вышивала. Крестикомъ красной ниткой тянулся рядъ взъерошенныхъ пѣтуховъ.

У матери въ спальнѣ висѣло.

Положилъ въ карманъ полотенце.

— Гдѣ, гдѣ, гдѣ она?

— Мартынъ Задека — Мартынъ Задека... — ходили часы внизу у хозяевъ.

По лѣстницѣ кто-то шлепалъ.

XXI.

Поѣздъ опоздалъ.

И везъ извозчикъ утомительно долго.

А хотѣлось Николаю, какъ можно, скорѣе.

Шли дома и церкви, шли, встрѣчая и провожая, какъ вереница кладбищъ съ стертыми и еще живыми надписями на крестахъ и памятникахъ.

И сумракъ, сливая крыши, растягивалъ ихъ въ одинъ огромный пасмурный катафалкъ.

Падалъ снѣгъ.

Она, невидимая и горячая, обнимала крѣпко-крѣпко и сыпала подъ ноги талый снѣгъ... не весеннія травинки, а синія гвоздики отъ своего дома.

И на перекоръ неукротимому шопоту, что по каплѣ вливался и возмущалъ его душу, на перекоръ невнятной тревогѣ, что собиралась гдѣ-то подъ сердцемъ, и бѣдѣ, что слѣ-

дила изъ-за каждаго угла, изъ каждахъ воротъ,—рвалось что-то удѣвиться за желѣзностойкое и карабкаться.

— Не все еще пропало, — плыли, какъ плыветъ воскъ воркуны мысли — глупыя ручныя птицы вокругъ стынущаго трупа.

И огнистая полоска крови волной завивалась подъ сердцемъ.

Будто кружились красно-осеннія листья, и неслись — уносились пушистыя хлопья, усыпая и погребая.

А горячія руки все сильнѣй и сильнѣй прижимали, и огнистая полоска крови рвалась къ какой то жизни, завивая волной и творя адъ.

Увидѣвъ Николай Грузинскую церковь, старую, все ту же, только куполь какъ будто позолотили.

— Притти, какъ прежде, — подумаль, — стать на клирсь...

— Не поможетъ...

— «Домъ Бр. Огорѣмышевыхъ».

Николай чуть не вскрикнулъ, прискочилъ весь.

Острою горечью облилось сердце и, съ болью всколыхнувшись, крѣпко впилось въ грудь.

Оно было какъ засыхающій комокъ крови, и жизнь его, изнывая, цѣплялась изъ темной пропасти за паутинную лѣстницу.

— Скорѣй погоняй! — закричалъ вдругъ.

Но извозчикъ, какъ ни стегалъ лошадь, едва двигался.

Ужъ фонари зажигали, когда, наконецъ, подѣхалъ къ дому, гдѣ жилъ Евгеній.

На самомъ порогѣ охватилъ его страхъ: ну-какъ, подумаль, и тутъ не примуть.

Такъ ужъ загнали, легли клеймомъ всѣ эти камни — дни.

Минуту стоялъ столбомъ, прежде чѣмъ рѣшился позвонить...

Засталъ Евгенія.

Пристально всматривался Николай въ лицо брата и одно видѣлъ: страшную тяжесть, она нависала на плечи и давила и не давала выбраться.

А тотъ суетился: не ожидалъ гостя.

— Тебѣ двадцать шесть? — спрашивалъ, не вѣря себѣ Николай, поражаясь перемѣной.

— Въ Юнѣ двадцать семь будетъ,—отвѣчалъ Евгенийъ.

— А помнишь, мы вотъ такіе были, помнишь...

Показывали ребеночка.

Эрихъ съ очками на лбу колясочку вывезла.

Свѣтились милые чистые глазки на этого измученнаго, исхудалаго, котораго называли дядей, а губки оттопыривались и улыбались, какъ улыбаются только дѣти, для которыхъ страшное совсѣмъ не страшно.

— Дя-дя... Дя-дя... бле... бле...

Бралъ Николай его на руки, дѣлалъ козу и сороку, животикъ грѣлъ... хотѣлъ бы ему всю душу передать...

А на сердцѣ была боль и тоска.

Усѣлись за самоваръ.

Евгенийъ рассказывалъ, какъ съ того самого дня жизнь проклятымъ наукомъ путала, пришибала, придавливала, кровь пила.

— Ну, а самъ то какъ?—перебилъ Николай.

— По прежнему, ни слова ладомъ, одна ругань... для остротки.

— А ты?

— Да съ нимъ ужъ и Александръ говорилъ, а онъ все свое... я—ничего.

— Ничего!—и показалось Николаю, будто хлеснулъ его кто-то больно по спинѣ, и отъ боли весело стало.

— Садись,—остановилъ Евгенийъ—еще уронишь чего.

— Ха, ха, ха,—заливался Николай надорваннымъ смѣхомъ,—ты только подумай: одинъ негодяевъ умиряетъ, другой благотворительствуетъ, третій «дьяволъ-сатана рогатая»,—городомъ править, и всѣ благочестіемъ своимъ...

Вдругъ осѣлъ.

— Вездѣ такъ...

Молчали.

Зажгли лампу. Закуску поставили.

Стало будто теплѣе, все до мелочей такое родное глянуло прямо въ глаза.

Раскрылось сердце.

Онъ не позволить, не позволить такъ издѣваться надъ братомъ...

— Прометей въ пруду утонулъ,—сказалъ Евгеній,—а на другой день, стоя, выплылъ... раздуло — страсть, ходили съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ смотрѣть... Нашъ домъ ломають, а весной и прудъ засыплютъ.

— Ломають?—переспросилъ Николай.

— Да, послѣ пожара почернѣлъ весь домъ, обуглился, сталъ разсыпаться, ну и рѣшили сломать, выстроить новый—бесплатныя квартиры и поселить туда...

— Насъ?

Въ эту минуту, надсаживаясь, задремезжалъ звонокъ.

Шумно вошли Петръ и Алексѣй Алексѣевичъ, набросились на Николая.

— Удраль?—ловко!

— А насъ, словно гонить что то, едва духъ переводимъ.

— Тише!

— Ну, какъ ты, какъ?

Говорили всѣ сразу, долго не могли успокоиться.

Смотрѣлъ Николай то на того, то на другого.

Боже мой, какъ всѣ измѣнились!

Стыдно стало, за себя стыдно. Онъ прочиталъ во всѣхъ этихъ глазахъ нужду, сиротство и безконечную горечь.

Подали водку.

И опять зашумѣли, даже Бобикъ проснулся.

— Понимаешь,—говорилъ Петръ,—сезонъ кончается, а мѣста настоящаго нѣтъ, а впрочемъ, что мѣсто... Придетъ весна, уйду изъ этого проклятаго города...

Пустились въ воспоминанія.

— О. Глѣба на покой уволили... въ затворѣ теперь, и принимать никого не велѣно.

— Твою эпитафію отобрали, «Каіафа», должно быть, у себя поставилъ... въ кіотъ.

— Ха, ха...

— Сломали качели.

— Сломали!—все, все ломають,—ударилъ Петръ кулакомъ объ столъ.

— Ребята!—крикнулъ Евгеній, обставляя столъ бутылками,—не заплачу я этому мерзавцу—хозяину, не корми впередъ холодомъ...

Николай рассказывалъ о себѣ и о тѣхъ людяхъ, съ которыми жилъ.

— Да развѣ могутъ они понять, — заговорилъ, горячась, Алексѣй Алексѣевичъ, — глубокую и страшную душу человѣческую и ея хоръ голосовъ. Они скользятъ по поверхности. Мечтаютъ устроить жизнь лучше и свободнѣе. Это вѣднѣе когданибудь возьмется. Но что изъ того? — душа костенѣетъ. И нельзя освободить невольную душу.

— Нѣтъ, нѣтъ, — вѣшался Петръ, — я давно по театрамъ таскаюсь, скоро себѣ все нутро надорву, и вездѣ одно и тоже, вотъ въ прошломъ году поступилъ къ пріятелю, милѣй онъ милаго, а то, что ты жрать хочешь и не жрамши, играть не можешь, этого онъ никогда не пойметъ... не замѣтитъ, некогда ему, понимаешь... И сидишь такъ ночью послѣ спектакля и думаешь, какъ это онъ тамъ у себя вѣсть, непременно почему то думаешь, что вѣсть, и кишки у тебя всѣ переворачиваются, а отъ холода и тупой злобы дрожь трясеть...

— Это вѣрно, — перебилъ Николай, — но главное тутъ не борьба, не свобода, а во имя чего борятся..? Во имя чего борьба ведется?

— Хочешь я сію минуту, — наступалъ Петръ, — хочешь я влѣзу на шкапъ и оттуда внизъ головой — и не расшибусь.

Возвратились къ Глѣбу.

Вспоминали продѣлки и тѣ минуты, какія неизгладимо пережили съ нимъ.

— Зачѣмъ мы живемъ, куда идемъ... — говорилъ Алексѣй Алексѣевичъ. — Въ сутолкѣ и бѣготнѣ мы не слышимъ этотъ ужасный хоръ, до насъ долетаетъ только команда: пей, вѣшь пляши, плачь, дерись, дери... Но развѣ это все?

— Слышалъ я въ тюрьмѣ, а потомъ еще разъ, когда все сердце искусано было... И встрѣчалъ простыхъ людей, трясла ихъ жизнь, и они слышали... Ну, а ужъ эти господа... просвѣщенные...

— Да провалится вся земля съ ея утробой! — надсаживался Петръ, влѣзая на шкапъ.

Евгеній сидѣлъ молчаливый и грустный.

— Ха, ха, ха! — заливался Николай надорваннымъ смѣхомъ, — значитъ-пей, вѣшь!

Чувствовалъ, что трясеть всего, чувствовалъ, гдѣ-то въ сердцѣ
ломають что-то...

Алексѣй Алексѣевичъ усѣлся за рояль, и сталъ играть свои
новыя произведенія.

Слушалъ Николай, не проронивъ ни одной фразы.

Ложились звуки на сердце, и былъ костеръ звуковъ.

XXII.

Когда задули свѣтъ, и всѣ повалились, и сонъ плотно сомкнулъ отяжелѣвшія вѣки, представилось Николаю, будто снова играетъ кто-то.

Чья-то невидимая рука коснулась клавишей, и зазвучалъ первый такой горькій, полный отчаянія, безысходный аккордъ:

Anima sola... Anima sola...

И встала Она передъ нимъ одинокая, пѣла свою одинокую пѣсню...

Алкалъ и не накормили меня,
жаждалъ и не напоили меня,
въ темницѣ былъ и не посѣтили меня,
страненъ былъ и не пріютили меня...

И слышался вдругъ трепеть взвившихся крыльевъ—крикъ крыльевъ, и глянуло разорванное небо, и потонуло въ ужасѣ метнувшихся отдаленныхъ звѣздъ...

Крылья...

Крылья ужъ о землю хлопались.

А изъ разбитаго сердца, какъ изъ кометы, лился снопъ крови:

Боже мой! Боже мой, для чего Ты меня оставилъ!..

Видѣлъ Ее, валялась въ грязи и пыли, безпріютная заплаванная.

Видѣлъ Ее, отдавалась на глазахъ толпы.

Видѣлъ Ее пьяную и убогую.

И мертвая, стоя, плыла по пруду.

И визжала, одѣтая язвами.

И плакала опозоренная.

И глаза Ея отверженные.

Стонъ Ея о милости.

Видѣлъ Ее одинокую.

Задралъ бабій кумачный голосъ пьяную пѣсню.

У нашего кабака
Была яма глубока.

Видѣлъ, какъ схватились, слипаясь членами, безобразныя чудовища—люди и звѣри, и понеслись въ ужасномъ хороводѣ.

И поднялась свалка между людьми и звѣрями.

И мѣсились тѣла, какъ тѣсто, хлюпали тѣла, крутились, выворачивались, ползали, заползали другъ въ друга, разрывали, истязали, выли, визжали...

Какъ во этой-то во ямѣ
Завелися крысы-мыши,
А крысиный господишь
По канату выходилъ.

А гдѣ то послѣдній, какъ проблескъ случайный и странный, замирающій голосъ.

Это Она, одинокая, пѣла свою одинокую пѣсню...

Нагъ былъ и не одѣли меня,
болень былъ и не посѣтили меня,
жаждалъ и не напоили меня,
страненъ былъ и не приютили меня...

Anima sola... Anima sola!

И, когда замеръ послѣдній звукъ, представилось Николаю, будто стоитъ онъ наверху передъ расколотымъ огромнымъ зеркаломъ и видитъ себя, свое лицо, только странно,—безъ единого волоска на головѣ, а за нимъ другое,—матери лицо...

Мать одѣта въ черное, подъ густой черной вуалью.

— Твой отецъ умеръ,—говорить она.

Николай будто просыпается, онъ ужъ не наверху, а внизу, въ залѣ; слышитъ голосъ Евгенія:

— Эй,—шепчетъ Евгеній,—дернемте по послѣдней!

А шепчетъ Евгеній, потому что страхъ глушитъ его голосъ.

И опять Николай просыпается, но теперь ужъ по настоящему.

* * *

Первая весенняя ночь черными тучами землю кутала и прижимала ее къ теплой груди, какъ свое родное дитя.

А бѣдная Снѣгурочка плакала, тая,—помирала отъ горькихъ слезъ.

Плотники разобрали верхъ дома, гдѣ когда то жили Финогеновы, и одна труба облупленная, черная, съ высывающимися кирпичами и какая то длинная, торчала, какъ висѣлица—крестъ.

А кругомъ у террасы и далеко по саду валялись отодранныя съ искривленными гвоздями доски и щепки и трухлявые столбы и строила.

И лежалъ, какъ мертвый лебедь, бѣлый прудъ.

А по дорожкѣ, на той сторонѣ, ходилъ кто то медленно въ драповомъ пальто, ходилъ, будто ждалъ кого то на свиданіе, но такой спокойный и равнодушный и ничему не удивлявшійся...

И засвистѣлъ со сна встрепенувшійся фабричный свистокъ.

И вздохнула матово-зеленая лампа въ бѣломъ домѣ Огорѣлышевыхъ.

И, нервно вздрагивая, встаетъ изъ за стола Алексѣй Павловичъ, идетъ въ спальню весь сгорбленный, и, схватившись отъ подкатившаго удушья за стулъ, злой на боль и краткость часовъ, съ отвращеніемъ глядитъ на полуживую, разлагающуюся заразу—никогда не слѣзющую съ постели жену.

Возвращается изъ клуба Сеня и, сопя на весь домъ, не раздѣваясь, съ назойливо сверлящимъ мотивомъ какой то оперной аріи, тычется жирнымъ пьянымъ лицомъ въ горячую подушку.

Въ продувныхъ, наскоро сколоченныхъ баракахъ, несладко потягиваясь и озлобленно раздирая рты судорожной зѣвотой, молчкомъ и ругаясь, поднимаются фабричныя.

Осоловѣлая дѣти тычутся и отъ подзатыльниковъ и щипковъ хнычутъ.

И сладострастно распластавшіяся съ полуразинутыми ртами, на половину больныя женщины и дѣвушки борются съ одолѣвающимъ искушеніемъ ужасной ночи и съ замерѣвшимъ сердцемъ опускаютъ горячія, голая нога на липкій, захарканный, загаженный полъ, наскоро запахивая, стягивая взбунтовавшіяся груди.

Смѣняется ночной сторожъ Иванъ Даниловъ и, обезсиленный ломотой уцѣлѣвшаго глаза, сквернослова и непотребствуя, валится въ уголъ сторожки.

И гудитъ монастырскій колоколъ къ утренѣ.

И тянутся въ Андроніевъ вереницы порченыхъ и бѣсноватыхъ съ мертвенно—изможденными лицами, измученные и голодные, съ закушенными языками, растрескавшимися, синими, безкровными губами...

И, тщетно ожидая старца, воютъ и бѣснуются.

И о. Самсонъ—«Пахмарный» говоркомъ читаетъ надъ ними безсильную молитву—заклинаніе.

Блекнетъ красный огонекъ въ бѣлой башенкѣ.

Два худосочныхъ шпиона, переодѣтые рабочими, кисло озираясь, толкуются у воротъ, поджидая работы.

Какой то деревенскій парень, повязанный краснымъ шерстянымъ шарфомъ вокругъ шеи, переминаясь, свертываетъ цыгарку.

А кто то все ходитъ по дорожкѣ на той сторонѣ въ драповомъ пальто, медленно ходитъ, будто ждетъ кого то на свиданіе, но такой спокойный и равнодушный и ничему не удивляющійся.

XXIII.

Когда Эрихъ рабудила Петра и Николая, Евгенийъ ушелъ ужъ на службу.

Собираться имъ не долго было.

Въ Андроніевѣ перезванивали къ средней обѣднѣ.

Они шли по нелюднымъ улицамъ съ низкими, придавленными домами, захватывали огороды и пустыри, сворачивали на бульвары по кривымъ переулкамъ.

Дворники подскребали тротуары.

Какіе то оборванные гимназисты окружили лотокъ съ «грѣшниками» и, цѣлясь широкимъ и короткимъ ножомъ, азартно разсѣкали румяные толкачики—грѣшники.

Гдѣ то за вокзаломъ гудѣла рожа весеннимъ гудомъ.

— Это ты мнѣ вчера сказалъ, что домъ ломаютъ?

— Должно быть, ужь сломали,—Петръ задыхался.

Проѣхалъ водовозъ на колесахъ.

— Водовозъ всегда первый на колесахъ, помню, бывало, какъ—ждешь его, и вдругъ встрѣчаешь...

— Весна.

Прогнали въ участокъ партію безпаспортныхъ изъ ночлежнаго дома.

Сбоку шагаль городской съ книгой подъ мышкой.

— Почему это на такихъ книгахъ и переплетъ паскудный: съ какими то зелеными жиденькими разводами?

— А тебѣ что жь сафьяновый надо? На верхахъ пакостятъ, ну и течетъ...

Черномазый мальчишка пронесъ огромный золотой калачъ—вывѣску.

Какая то женщина въ одномъ платьѣ, едва держась на ногахъ, сбменила по тротуару съ угрожающимъ въ пространство кулакомъ.

У разносчика разсыпалось мыло: ярко-желтые, какъ жиръ вареной осетрины, куски—кубики завалили весь тушикъ... измазанную стѣну.

— Знаешь, Петя, странное со мной что то творится, я словно въ первый разъ на міръ гляжу, все для меня ярко и ново, все вижу... Можетъ быть, это оттого, что я взаперти просидѣлъ столько времени.

Поровнялось нѣсколько паръ проститутокъ: шли онѣ на освидѣтельствованіе, шли такой отчаянной походкой... заразу несли... выгибали станъ.

— Посмотри, посмотри,—Петръ дернулъ Николая,—какъ эти женщины ходятъ... Одинъ пріятель рассказывалъ, будто мурашки у него по спинѣ бѣгають, когда видитъ ихъ... А потому это, я такъ думаю, что нѣкоторыя изъ нихъ настоящія женщины... женщины которыя тянутъ...

Николай остановился вдругъ: то, что все время скрытно горѣло въ немъ, выбилось острымъ языкомъ:

— Гдѣ Таня?

Петръ отвелъ глаза.

Молчали.

Теперь пошли быстро. Говорилъ Петръ.

— О Танѣ я слышалъ, она была больна, сильно. Думали, умреть. Говорятъ, отравилась. Говорятъ, какой то подлець... По городу много слуховъ. Называли и Александра...

— Что? что?

— Называли Александра.

— Нѣтъ, неправда! неправда!—Николай задохнулся.

— Толковали о свадьбѣ, Александръ и мнѣ говорилъ.

Николай дергался.

— Осенью... въ октябрѣ хотѣли, и вдругъ...

Въ это время поровнялся нищій-юродивый, пристально заглянувъ въ глаза тому и другому поочередно и, отшатнувшись, плюнулъ прямо въ лицо Николаю. Плюнулъ и съ гогомомъ, съ площадною руганью, проклятіями бросился въ сторону.

Петръ бросился за нимъ.

— Стой, Петя!—закричалъ Николай, хватившись за Петра.

Петръ вырывался.

— Оставь! оставь его!—просилъ Николай, но Петръ не унимался, оралъ на всю улицу.

Съ перекрестка, ускоряя шагъ, подходилъ городской, держа на-готовѣ свистокъ.

Окна усѣялись любопытными.

Няньки остановили колясочки. Высыпали изъ воротъ дворники и кузарки.

— Го, го, го...—ударился въ спину безумный хохоть.

— Не надо, не надо,—уговаривалъ Николай...—онъ правъ, да...

— Правъ?!—передразнилъ Петръ.

— Знаешь, Петя, со мной что то случится сегодня... видѣлъ я сонъ: мать видѣлъ и себя въ зеркалѣ безъ волосъ... а потомъ, совсѣмъ забылъ, теперь только вспомнилъ: когда то давно, шель и изъ училища, и вотъ также—нищій плевалъ на меня и ругалъ, а я, помню, чуть не плакалъ, стыдно мнѣ было и горько я не зналъ, за что, а теперь... Я пойду къ Александру.

Шли молча.

— Александръ такой сухой сдѣлался, черствый... эта улыбка Огорѣлышевская... Старикъ-то дядя пугаетъ и хорохорится. А онъ правая рука—все...

— Я пойду къ Александру.

— Забылъ онъ то время, какъ всѣ мы вмѣстѣ жили,

совѣмъ ушелъ отъ насъ. Видѣлъ ты, какъ Женья бьется, а вотъ,—Петръ тряхнулъ трехрублевкой, — послѣднее отдавъ, а тому... тому не до насъ, ему некогда.

Послѣ пожара закаменѣлъ весь. Ходить слухъ, что все это его рукъ дѣло... Отъ него всего можно ждать. Въ одинъ прекрасный день старика астма задушить...

— Кто задушить?—переспросилъ Николай.

— Вотъ и про Таню... говорятъ...

— Я пойду къ Александру.

Петръ ничего не отвѣтилъ, глядѣлъ куда то поверхъ бѣлыхъ крышъ въ черную даль, словно дни считалъ, когда придетъ положенный ему срокъ...

Только вотъ весна придетъ,—говорили глаза.

Николай глядѣлъ на брата. Забывая себя, видѣлъ его насквозь, видѣлъ его боль и его тоску, и была боль и тоска въ душѣ, и стыдно становилось за то, что не можетъ вернуть ему жизнь.

Молча входили въ монастырскія ворота.

Сколько стараго всколыхнулось, припомнилось столько хорошихъ дней и часовъ и минутъ, и то, что думалось тогда, тогда... но этого не вернуть...

— Реставрація,—Петръ скривилъ ротъ, указывая на стѣну.

И въ самомъ дѣлѣ, зеленаго чорта съ хохочущими глазками, которому грѣшники подпаливали хвостъ—этой удивительной картины, не было.

Рябоватый священникъ въ пышной муаровой рясѣ, съ необыкновенно дѣтскимъ выраженіемъ глазъ, объ руку съ здоровеннымъ генераломъ съ пьянбюющимъ одутловатымъ лицомъ, обрамленнымъ рыжей лопатой-бородой, со шпорами и съ бѣлыми огромными крыльями, выходящими откуда то изъ подъ густыхъ эполетъ, заслоняли ликъ Князя міра сего.

Жутко стало, когда взбирались по лѣстницѣ въ бѣлую башенку, какъ тогда въ первый разъ.

У самой двери какой то монахъ загородилъ дорогу.

— Не принимаютъ,—дерзко сказалъ монахъ.

— Не принимаютъ!—Петръ грубо толкнулъ монаха.

Вошли въ келью.

И какъ увидали этого измученнаго старика, не суетящагося теперь, а загнанно-хоронящагося въ своемъ креслѣ, вихремъ снесло жуть.

Старецъ хотѣлъ приподняться, поздороваться, сказать что то...

Только крупныя слезы покатались изъ страшныхъ багровыхъ ямъ по впалымъ щекамъ.

— «Не принимаютъ!»—ворчалъ Петръ, все еще не приходя въ себя.

— Колюшка!—передохнувъ, сказала, наконецъ, старецъ,— пришелъ ты...

Жалко было старца: бессильно шепталъ онъ что то, звалъ кого то, какого то о. Меодія, хотѣлъ, должно быть, гостей угостить, но никто не пришелъ, никто не отзывался.

Было тихо, только каждую секунду пѣли часы: такъ билось сильно у каждого сердце.

— Пришелъ я къ вамъ, о. Глѣбъ,—началь Николай и остановился...—Страшно мнѣ... Страхъ охватилъ меня, я не знаю когда, но такой... до самыхъ костей. Прежде ничего этого я не чувствовалъ. Прежде все легко шло, легко сносилось, легко принималось. Теперь застрялъ. Стало мнѣ страшно жить, и... умирать страшно.

Старецъ задумался. Такой скорбью все лицо дышало.

И вдругъ улыбнулся.

— Придетъ весна...

— Минуту назадъ, дорогой я представилъ ее себѣ ясно, не—весну, а смерть... конецъ. Секунда—и тебя нѣтъ,—нѣтъ, а все, что ты дѣлалъ, все, что ты чувствовалъ, все, что думалъ, даже о чемъ самыя близкіе тебѣ не знаютъ и не догадываются,—все это куда это пойдетъ? съ тобой — все это съ тобой на твоей спинѣ, прямо на тѣлѣ — кусающія точащія гнѣзда... Придетъ весна...

— Упадутъ на могилахъ кресты, — снова заговорилъ старецъ,—кресты ужъ падаютъ, птицы летятъ, несутъ птицы цвѣты, цвѣты—пѣсни... все обновляется, возникаетъ изъ гробовъ, выходитъ свѣтло...

— А я смѣю взглянуть въ лицо этого свѣта новой жизни?.. Кто приметъ навьюченнаго этими гадами?

Сидѣлъ Петръ, какъ смерть, блѣдный.

— Родъ сей подобенъ дѣтямъ, — продолжалъ старецъ, — которые сидятъ на улицѣ и, обращаясь къ своимъ товарищамъ, говорятъ: мы играли вамъ на свирѣли, и вы не плясали, мы пѣли вамъ печальныя пѣсни, и вы не рыдали...

Любите, любите всѣмъ сердцемъ. Есть любовь, которая можетъ остановить руку убійцы, зажечь потухшія чувства, просвѣтить темныя помыслы...

Слушая старца, Николай незамѣтно для себя поднялся, походилъ по кельѣ и всталъ у окна.

И вдругъ глаза его окаменѣли, прикованные къ окну: между рамъ синѣло разбитое стекло и блестѣлъ острый голышъ.

Встала передъ нимъ та ночь, когда Александра увезли, встала она со всѣмъ своимъ ужасомъ, со всѣми проклятіями, какими проклиналъ онъ міръ, себя, всѣхъ людей, со всѣмъ отчаяніемъ, повернувшимъ руку бросить камень въ красный огонекъ къ старцу, который любилъ его, который прощалъ ему, который теперь принималъ его...

И вдругъ потянуло Николая пробить раму, и внизъ головой туда подъ обрывъ...

— Есть вещи, которыхъ простить нельзя... Ты не простишь, — ударило сердце, которое вырвалъ бы съ корнемъ отъ стыда, муки и отчаянія.

Старецъ поднялся и, простирая къ Николаю посинѣвшія отъ судороги руки, дрожалъ весь, готовый упасть на землю.

Петръ подхватилъ.

— Простите меня, — простоналъ едва дышавшій о. Глѣбъ.

Нѣсколько разъ заглядывавшій въ дверь монахъ, приставленный надзирать за старцемъ, теперь вошелъ въ келью и безцеремонно усѣлся на стулъ.

Попрощались.

И когда замеръ послѣдній отстукъ послѣднихъ шаговъ, и каменная лѣстница внизъ изъ башенки помертвѣла, старецъ поднялся, проползъ къ окну, растворилъ раму и, нащупавъ голышъ, вынулъ его.

И, перебирая губами, горящими отъ слезъ, прижималъ этотъ камень къ своему сердцу, камень отчаянія, камень горя, камень перемучившагося, изстрадавшагося человѣческаго сердца.

И казалось, звалъ кого-то, молилъ кого-то, останавливалъ

кого-то и, опадая, только крестилъ и крестилъ путь безконечныхъ терзаній—людскую долю.

Крупныя слезы катились изъ багровыхъ, глубоко рыдающихъ ямъ—перегоравшихъ въ ясныя, лучистые видащіе глаза.

— Любите! любите...

XXIV.

На колокольнѣ часы пропѣли полдень, когда Петръ и Николай выходили изъ воротъ.

Казалось, это изъ проглянувшаго солнца высѣкалъ бой свои теплые звуки.

Такъ все горѣло на таломъ снѣгѣ.

Сердце горѣло.

Петръ заторопился на репетицію.

И когда Николай остался одинъ, охватило его безпокойство, и тѣма голосовъ на перебой заговорили въ душѣ.

Почему на могилу къ матери не зашли? Почему Петръ свернулъ въ сторону? Почему онъ одинъ идетъ?

Почему старцу всего не сказалъ? Почему есть вещи, о которыхъ до смерти никому не скажешь? Почему есть вещи, которыя нельзя

простить? Почему у старца прощенья не попросилъ? Почему старецъ у него прощенье просилъ? Почему Александра подозрѣваютъ въ томъ, что ты сдѣлалъ? Таня отравилась! Таня отравилась? Гдѣ она? гдѣ она? Почему на него смотрятъ? Почему онъ ходитъ между людьми? Никто не знаетъ! Никто не знаетъ! Почему онъ одинъ идетъ? Гдѣ Таня? Гдѣ Александръ? Гдѣ Петръ?

— Петя! Петя!—закричалъ Николай на всю улицу, и пустился бѣгомъ.

И какъ ни бѣжалъ, не могъ догнать. Словно слѣдъ вымело.

Яркій—яркій весенній день. Вся земля будто выперлась отъ тепла, отъ радости, что снова открыта жизнь—иди, куда хочешь, бери, чего хочешь...

Весна!

А у него больнѣ заняла боль.

Шель, куда глаза глядѣли.

Обогналъ проходившихъ солдатъ съ музыкой...

Мѣдые звуки ударили въ ноги, подняли надъ землей и понесли.

Мѣдые звуки, нарастая, вливались въ него, сдѣлали его огромнымъ, сдѣлали звучащей мѣдью.

И, звеня, онъ несся по улицѣ.

Грохнулся бы объ земь, еслибъ не чья-то рука, которая крѣпко впиалась ему въ грудь.

Какой-то господинъ въ драповомъ пальто насмѣшливо улыбался тонкими птичьими губами, пристально заглядывая въ глаза.

Николай рванулся, высвободился и, не оглядываясь, пошелъ шагомъ.

Шель такъ долго и медленно, ничего не замѣчая, ничего не слыша, пока не поровнялся съ грязнымъ трехъ-этажнымъ домомъ съ черной, сплошь измѣлованной доской на воротахъ.

Вошелъ во дворъ.

На дворѣ на солнышкѣ сидѣли въ кружокъ маленькія дѣвочки въ кумачныхъ платочкахъ и пѣли тоненькими и какими-то обласканными голосами.

А какой-то господинъ, взлохмаченный и странно одѣтый, размахивая руками, управлялъ хоромъ:

Какъ у нашихъ у воротъ
Стоить дѣвокъ хороводъ.
Ай лю-ли у воротъ,
Ай лю-ли у ворогъ.

Молодецъ коня поилъ...

Вдругъ господинъ остановилъ дѣвочекъ и, скорчившись въ три погибели, какъ бы изображая что-то подползающе — ужасное, зашипѣлъ перегорѣлой октавой:

— Откуда ни возьмись ноздря... — и, выпрямившись, быстро обернулся и, хватая Николая за грудь, закричалъ прямо въ лицо:—Ты-жъ убилъ человѣка?!

Николай остолбенѣлъ.

— Тебѣ Таньку? Тебѣ Таньку? — шепталъ господинъ, насмѣшливо улыбаясь.—Нѣтъ твоей Таньки—Танька тю-тю!

Николай попятился къ воротамъ, морозъ побѣждалъ по кожѣ.

Заглянувшій въ калитку дворникъ сдѣлалъ скребкомъ на встрѣчу ему какой-то ружейный приемъ, будто отдавалъ честь.

Какъ у нашихъ у воротъ
Стоить дѣвокъ хороводъ...

Опрометью бѣжалъ Николай по улицамъ.

Приставала пѣсня, приставалъ стукъ нагонявшихъ шаговъ, дубастанье молотка, скрипъ пилъ, жигъ оттачиваемой бритвы.

Мелькнулъ красный заборъ, густо утыканный изогнутыми, ржавыми костылями, мелькнули скрипучія ворота,—какъ сквозь сонъ, какъ сквозь сонъ, — слышалъ, какъ отдирали доски, какъ визжали непокорные гвозди, и что-то трещало и ломалось.

Въ сердцѣ ломали.

Вдругъ изъ переулка камнемъ пересѣкъ дорогу весь захывающийся оборванецъ.

Прижимая руку къ груди, онъ летѣлъ, какъ ошпаренная собака.

Съ его обезображеннаго лица рвались глаза...

Видѣлъ Николай, какъ выворачивались глаза отъ нестерпимаго ужаса и перекипали въ какомъ-то черномъ огнѣ неминуемой смерти и рвались отъ нея.

А за нимъ озвѣрѣлая шакаля толпа съ гиканьемъ:

— Держи его! держи его! держи!

Къ конкѣ прицѣпили лошадей, и мальчишки-форейторы, подпрыгивая, махали длинными рукавами, будто обрубками крыльевъ, и свистѣли, травили, а лошади изъ силъ выбивались, и не могли тронуться.

Толпа запрудила всю улицу, всѣ проходы; лѣзли, давили другъ друга.

И заливался, какъ безумный, истерически-надорваннымъ хохотомъ заливался колокольчикъ.

И кондукторъ, сморща желтое лицо и насѣдая грудью, вертѣлъ тормазъ и самъ заливался мелкимъ гаденькимъ смѣхомъ.

А небо ярко-синее надъ пестрой толпой куталось въ блестящую сѣтку весенняго солнца и не летѣло, а спускалось ниже, все ниже.

Онъ могъ бы достать его...

— Держи его! держи его! держи!

Едва переводилъ духъ.

Ужъ ноги подкашивались, сохъ ротъ.

«Домъ братьевъ Огорѣлышевыхъ»,—мѣтко стрѣльнуло прямо въ глаза.

Прямо повернулъ въ калитку.

Спустился къ бѣлому дому.

Рванулъ за бронзовую пастъ—колокольчикъ.

Слышалъ, какъ прокричалъ звонокъ за дубовой крѣпкой дверью.

Кузьма—бѣлый дворникъ—дверь открылъ.

— Не принимаютъ,—рѣзко сказалъ, оглянувъ посетителя, и вдругъ просіялъ отъ восторга: — Микалай Елисеевичъ, нешто это вы? къ дяденькѣ навѣстить?

— Дома?

— Дома-съ, дома-съ, пожалуйста... А у насъ Микалай, Ели-

сеевичъ, Степанъ померъ. Пѣсню-то еще играть заставляли: Сто усовъ, сто... хи! хи! и дяденька-то хворые стали, бывалочи летаютъ... Пойти доложить.

Николай ходилъ по корридору.

Пахло цвѣтами.

Сто усовъ.

Сто носовъ...

Скрипѣло перо въ конторѣ, и на разные лады выигрывали счеты этотъ дурацкій припѣвъ.

На матовомъ стеклѣ двери красовалась, какъ прежде, черная лѣпная надпись: «чортора», передѣланная когда-то еще въ дѣтствѣ изъ «конторы».

Заглянулъ въ библіотеку.

Завѣшенные зелеными шторами стояли огромныя полки и шкапы, биткомъ набитыя книгами.

Отдернулъ занавѣску.

— Держи—держи!—захрипѣли вдругъ старые часы.

— Пожалуйте,—Кузьма оеклаблялся,—сердитые они, ужасть!

Медленно поднимался Николай по лѣстницѣ, такъ медленно, словно кто-то тянулъ его за ноги со ступенекъ внизъ къ двери, изъ дому. Задѣвалъ прутья ковра, цѣплялся за перила.

— Цѣпочки-то на лампахъ не золотыя,—подумалъ,—а мѣдныя, и цѣна имъ грошъ...

Сто усовъ,

Сто носовъ...

Пахло цвѣтами.

Живые цвѣты, какъ около покойника, высматривали изъ залы гробомъ.

Запахъ мутилъ.

Забилось сердце.

Будто пробудился,—не понималъ, какъ попалъ въ домъ, зачѣмъ пришелъ,—вернулъ назадъ. И опять очумѣлъ.

Медленно, такъ медленно, но упорно снова поднимался по лѣстницѣ.

Дернулъ за ручку двери... И вдругъ приподнялся на цыпочки, оробѣлъ, какъ въ дѣтствѣ.

— Можно?—спросилъ Николай упавшимъ хриплымъ голосомъ.
Но отвѣта не было.

Помолчалъ и опять:

— Можно?—зубъ на зубъ не попадалъ.

Но отвѣта не было.

— Можно?—повторилъ въ третій разъ и рѣзко, грубо толкнулъ дверь.

Старикъ сидѣлъ, какъ всегда, у письменнаго стола, высоко по американски задравъ на столъ ноги.

Покосился изъ-подъ пенснэ на гостя.

Николай твердо приближался; видѣлъ одно: эту морщинистую желтоватую кожу на шеѣ, и какъ вдругъ мускулъ задергался подъ воротникомъ сорочки: старикъ узналъ его.

— Тебѣ чего? — взвизгнулъ старикъ, какъ оцетинившаяся кошка.

И этотъ визгъ остановилъ Николая, и они смотрѣли другъ на друга напряженно и молча.

Старикъ забезпокоился, рука, какъ мышъ, проворно скользнула къ звонку.

— Вотъ эта... фотографія!—Николай вытащилъ изъ кармана ту самую, которую захватилъ съ собой: прудъ въ зимній инеевый полдень, и, сунувъ ее старику, задрожалъ весь...

Прямо передъ глазами тянулся дворъ, а поверхъ нагихъ деревьевъ вокругъ бѣлаго пруда торчала черная облупленная труба.

И защемило на сердцѣ, будто всѣ эти черные кирпичи на сердце рухнули.

Старикъ внимательно разсматривалъ фотографію.

И защемило на сердцѣ отъ острѣйшей скорби: всѣ нити сердца расщепились и заострились, и стало оно кровавымъ ежомъ.

Дрожь ударила въ плечи, — задрожали поджилки — и мигомъ приподняло съ земли... приподняло и ударило...

Николай бросился на старика, схватился руками за его шею и сталъ душить.

Чувствовалъ, какъ руки, коснувшись чего-то отвратительнаго и живого, его тяжелыя руки упали... и рѣзали, мjali какое то мясо, ломали какой то упорный металлическій стержень, какой то костъявый хрящъ... какой то...

Будто въ этомъ стержнѣ, въ этомъ хрящѣ, — надо сломать его, надо сломать его! — вся боль и скорбь хоронились: и эти нагія деревья больше не покроются листьями, и этотъ бѣлый прудъ никогда не оттаесть и сѣдой теплый дымъ не поднимется изъ черныхъ трубъ.

Надо сломать его! надо сломать его!.. — и мѣръ кончится въ боли, въ скрежетѣ, въ тоскѣ кромѣшной, во тьмѣ... безпросвѣтно...

Безпросвѣтно!

Николай навалился всей грудью и давилъ задохнувшеся.

Старикъ, изогнувъ по птичьи непомѣрно длинную шею, смотрѣлъ куда то подъ крутой запрокинутый лобъ, — и сладкая толстая слюна съ кровью медленно ползла изъ разинутаго прокопченнаго табакомъ рта.

Кто то не спѣша прошелъ мимо двери, и шаги шмыгали спокойно, равнодушно, и ничему не удивляясь.

Николай высвободилъ руки.

Гдѣ то внизу тревожно прокричалъ звонокъ.

— Держи, — сказалъ кто-то раздѣльно, будто въ рупоръ съ того свѣта.

Николай медленно вышелъ, не оглянувся.

Пахло цвѣтами.

Прошелъ всю лѣстницу и корридоръ.

Въ прихожей ни души не было, въ конторѣ было тихо, будто всѣ вымерли: счеты не шелкали.

Вышелъ на волю.

Тихо обогнулъ домъ, сталъ подыматься къ воротамъ.

Какой то господинъ въ драповомъ пальто съ бѣлымъ узелкомъ подъ мышкой мѣшкалъ у калитки, будто дожидаясь Николая.

Николай замедлилъ.

— Этотъ господинъ нарочно остановился, — рѣшилъ вдругъ, и охватила его лютая ненависть къ этому господину.

Прибавилъ шагу, нагналъ у калитки, грубо толкнулъ плечомъ, и, смакуя наслажденіе, оглянувся: птичьи тонкія губы незнакомаго насмѣшливо улыбались.

Минута — и Николай бросился бы и задушилъ этого негодяя.

Но что то опало на сердцѣ, какая то непреоборимая лѣнь вливалась въ тѣло.

Едва передвигалъ ноги.

И шелъ такъ, ослабѣвая, съ остановившимся взглядомъ куда то туда за дома, за фабрики, гдѣ можно было бы лечь и заснуть крѣпко-крѣпко.

Слышалъ сзади себя шаги, зналъ, что тотъ господинъ идетъ за нимъ, не спуская глазъ, слѣдитъ за нимъ, но обернуться силы не было.

— Monsieur! Monsieur!—покликалъ провожатый, и тенористо-прожиженный его голосъ, какъ крючекъ, зацѣпилъ Николая.

Николай на минуту пріостановился.

— Очень прошу извинить меня, monsieur,—господинъ изысканно приподнялъ шляпу,—моя фамилія Плямка, я—сотрудникъ «Совѣсти», общій знакомый Хоботовъ говорилъ мнѣ о васъ... pardon! вы очень слабы,—Плямка безцеремонно взялъ Николая подъ руку.

И они пошли рядомъ.

— Что вамъ отъ меня надо?—спросилъ Николай, болѣзненно кривя ротъ отъ чего-то такого, что, держа его, будто на крючкѣ, начинало колоть остріемъ, входитъ во что-то живое, глубоко въ сердце.

— Вамъ, конечно, извѣстно,—помедливъ, началъ господинъ,—что не такъ давно убили князя...

— Удушили?

— Нѣтъ-съ, что вы, убили... такую птицу руками взять невозможно, это не старикъ, котораго комаръ затопчетъ.

— Ну?

— Я васъ поджидалъ цѣлое утро, monsieur, я имѣю вамъ кое-что сказать... вы, кажется, знавали Катинова?—Плямка прищурился.

— Зналъ.

— Катиновъ убилъ князя...

— Катиновъ?

— Да, онъ убилъ князя... и сегодня его казнить будутъ...

Шли молча.

Шли по какимъ-то незнакомымъ улицамъ чрезъ проходные дворы, напрямикъ...

— Сначала выборъ палъ на вашего дядюшку, monsieur, потомъ рѣшили оставить его въ покоѣ: не стоить марать рукъ;

раньше это имѣло бы смыслъ, но теперь... вашъ братецъ и тотъ поважнѣе.

Остріе все глубже вкалывалось въ сердце.

Плямка продолжалъ:

— Лично я цѣню только крупное; знаете, разбить, напримеръ, такую какую-нибудь голову, какъ князя, чикнуть такого человѣка, отъ котораго не продохнешь... Въ древности пророки огонь съ Неба низводили на царей... слышите, ну, мы измелъчали, насъ на это не хватить, огня намъ не свести... для такихъ вещей надобна великая вѣра... а у насъ червячки...

— Кто?

— Да, червячки крохотныя, блудливыя: въ какую-нибудь минуту ихъ милліарды, такъ и кишать... безпросвѣтно..

— Безпросвѣтно!

— Безпросвѣтно.

Вдругъ ударили въ монастырѣ въ большой колоколъ, помолчали и опять ударили и опять ударили...

Заныло сердце.

Словно разсѣялась какая-то густая мгла, и предсталъ день, но день, о которомъ подумать страшно, послѣдній день... свѣтопредставленіе.

Кругомъ накрикъ кричали, неугомонно шумѣли, немилосердно стучали—и каждый звукъ былъ отдѣльнымъ, каждый звукъ выходилъ, какъ въ рупоръ, съ того свѣта.

Ныло сердце, оно гнало бѣжать, бѣжать, вернуться, поправить, спасти.

Куда бѣжать? куда вернуться? что поправить? кого спасти?

— Поздно.

Николай рванулся изъ этихъ клещей—желѣзной руки провожатаго Плямки.

Мимо мчался легковой извозчикъ, подхлестывалъ лошадь.

Вырвался, бросился за нимъ.

Летѣлъ, сломя голову.

Ужъ настигалъ извозчика, хватался за спинку санокъ, заносилъ ногу...

А тотъ съ остервенѣніемъ гналъ и хлесталъ лошадь, и былъ далеко...

И снова ударили въ Андроніевѣ.

И звонъ пѣлъ великой скорбью, похоронный,—рвались звоны отъ давившихъ слезъ... колокола перезванивали...

Нагъ былъ и не одѣли меня,
въ темницѣ былъ и не посѣтили меня,
жаждалъ и не напоили меня,
страненъ былъ и не пріютили меня...

Боже мой! Боже мой, для чего Ты меня оставилъ!

Вся монастырская площадь была биткомъ набита.

Вѣсть о кончинѣ старца въ мигъ облетѣла весь городъ.

Валомъ валили.

Обступили ограду, будто осаждая вражескую крѣпость.

На стѣны лѣзли.

Красный огонекъ въ бѣлой башенкѣ не свѣтилъ ужъ больше.

Съ гиканьемъ, упиваясь, издѣвались надъ каменной огромной лягушкой—дьяволомъ, проклятымъ св. Андроникомъ.

Топтали ее, плевали въ налитыя кровью печальныя бѣльма, непотребствовали...

Монахи, какъ стража, охраняли входъ: не велѣно было пускать въ ограду.

И полицейскіе, конные и пѣшіе, жандармы, солдаты глухой стѣной застѣнили ворота.

А толпа росла и шумѣла, какъ на огромномъ пожарѣ, и были, кликали, визжали бѣсноватые.

И подъ выростающую тоску воя хотѣлось выть и ломаться,

биться о землю и ползти, грызть камни, царапать лицо, кусать руки...

Николай, пробравшись къ самому входу, грудь-о-грудь съ лошадьми и шашками, чувствовалъ вмѣстѣ страшную пустоту; она залегла, какъ туча, между нимъ и шашками, между нимъ и лошадьми, между нимъ и всей этой толпой, и, сдавливаемый со всѣхъ сторонъ, вертѣлся онъ, какъ подколотый вьюнъ.

Слышалъ хлестъ бича за спиной, чувствовалъ страшныя руки, которыя, падая ему на плечи, готовы были сломать всѣ кости, а не падалъ,—втирался,—неся, будто на крыльяхъ.

И жгла жажда до неистовства, выворачивала всѣ внутренности.

Хотѣлъ бы остановиться, хотѣлъ бы схватить чью нибудь руку и держать безконечно, хотѣлъ бы грохнуться о-земь навсегда.

Но никого не было.

Не было живого лица.

Одна жуткая пустота.

И шарахались люди отъ него, какъ отъ послѣдняго, отъ зачумленнаго.

— У—у!—вырвался отчаянный раскаленный вопль, и огненный языкъ палилъ всѣ слова, и не было больше словъ на языкѣ.

Ворвался къ Александру.

Александръ на порогѣ стоялъ, торопился уходить куда-то.

— Куда ты?

Стояли молча, глядѣли другъ на друга.

Ничего не видѣлъ, только эти глаза, которые знали его...— помнишь! помнишь!—и другіе, притуманенные, темные.

Тамъ внутри... живые... пѣли пѣсню.

Пѣснь пѣсней:

— Приди ко мнѣ!

Вдругъ Александръ обнялъ брата и крѣпко-крѣпко подѣлывалъ, будто прощался...

Кто то взялъ Николая подъ руку и усадилъ въ кресло.

Сидѣлъ въ пріемной.

Боялся пошевелинуться.

Сгущавшійся сумракъ глаза застилалъ.

Зажигали лампы.

Огромный письменоводитель съ бѣлымъ на глазу муслимъ языкомъ конверты, прихлопывалъ ихъ широкой ладонью и что-то приговаривалъ.

И представилось Николаю, будто лежитъ онъ, какъ въ дѣтствѣ, подъ диваномъ, смотритъ сквозь пустую звѣздочку, прожженную папиросою на оборотѣ.

— Плямка... Плямка... Плямка...

Старая престарая старушенка въ бѣломъ чепцѣ съ подносомъ вошла.

Прасковья, нянька, сказала:

— А Митя умеръ, въ Прудѣ потонулъ.

И плакала сморщенными, добрыми истлестанными глазами.

И опять:

— А когда вы были совѣмъ маленькими, встрѣтили мы на дворѣ дядюшку, а вы кулачки сжали...

— Хочешь я сію минуту влѣзу на шкапъ и оттуда внизъ головой брошусь, хочешь?—услышалъ голосъ Петра.

— Пророки огонь низводили... ну а мы... червячки... старика и комаръ затопчетъ.

— Придетъ весна...

— Да жить то мнѣ не зачѣмъ, батюшка, для чего мнѣ жить?

— Плямка! Плямка!—затрещалъ телефонъ, и гдѣ то на весь домъ зазвонили и захопали...

Хлопали дверьми и шумѣли.

И тихій сонъ, охватившій на мигъ, голосъ, прижавшій къ груди и возносившій на теплыхъ рукахъ по тихимъ ступенямъ, разбѣлся.

Николай вскочилъ, опрокинулъ кресло.

Трескотня и крикъ звонковъ иголкой кололи мозгъ.

Высовывалось изъ двери бритое лицо лакея, подозрительно оглядывало и скрывалось.

Письмоводитель на цыпочкахъ вышелъ.

И Прасковьи не стало.

И настала страшная тишина, только гдѣ то за дверью, за стѣною, шаги, только шаги... взадъ и впередъ... взадъ и впередъ...

Да еще что то...

Вдругъ понялъ... Сейчасъ арестуютъ.

— Я уйду!—Николай бросился къ окну, схватился за раму...

И тотчасъ посыпались стекла.

И стекла визжали, звенѣли... звонили...

.....
Но кто то стальной навалился и душилъ... звякали шпоры...

Звякали шпоры:

— Не уйдешь... не уйдешь...

Пришла ночь звѣздная, шумно-весенняя.

А вокругъ монастыря, какъ единая свѣча, пылали свѣчи—не расходились; какъ половодье, шель народъ, гудѣлъ.

Сбили полицейскихъ, сбили лошадей, разогнали монаховъ, проломали чугуныя двери...

Ужась и отчаяніе кричало въ крикѣ бѣсноватыхъ, и ужась шель чумой.

Они расползлись по кладбищу, унижали собой кресты, забирались въ склепы, разрывали могилы, они—съ закушенными отъ боли языками, въ разодранныхъ одеждахъ.

Запеленутое въ схиму тѣло старца костенѣло, а прижатые къ измученной груди руки просили:

— Прости имъ!

Какая то женщина въ вѣнцѣ развѣвающихся русыхъ волосъ, полуобнаженная билась о подножіе катафалка и кричала:

— Глѣбъ, Глѣбъ, не мучь меня! Выйду выйду... А куда я изъ тебя выйду?

А съ кладбища черезъ окна влеталь—надрывался вопль:

— Не пойду, не пойду...

И кто то темный, печальный, попирая лягушку у бѣлой ба-
шенки старца, зывалъ:

— Пропалъ я, пропалъ... Онъ мучить, сжигаетъ меня! Выйду,
выйду!

И тосковалъ въ своемъ царствѣ.

Отчего-жъ не могу я молиться Родному и Равному, но изъ
царства иного?

Проклятіе—царство мое, царство мое — одиноко.

Люди и дѣти и звѣри мимо проходятъ, мимо проходятъ
скорчась, со страхомъ.

Я кинулся въ волны, въ волны земныя.

Ты мнѣ отвѣтишь?..

Ты сохранила образъ мой странный и зовъ въ поцѣлуѣ?

И ушла съ плачемъ глухимъ въ смѣломъ сердцѣ.

Такъ въ страсти, любви къ страсти, любви прикасаясь, — Я
отравляю.

Даже и тутъ одинокъ:

Слышу тоску и измѣну и холодъ въ долгихъ и рѣдкихъ лоб-
заньяхъ.

А сердце мое разрывалось.

Каменщики разобрали стѣну фамильнаго склепа Огорѣлыше-
выхъ.

Улыбались черепа злорадной улыбкой—поджидали родного...
сына и брата, звали на пиръ.

На пиръ изъ глуби оживающей земли ползли жирныя бѣлыя
черви, загребали мохнатыми цѣпкими ножками.

О. Юсифъ—«блоха» лампадки чистилъ.

Пришла ночь звѣздная, шумно-весенняя.

Не расходились.

Какъ половодье, шелъ народъ и гудѣлъ.

Запрудили весь дворъ черныя люди.

И трещалъ ломкій ледъ на бѣломъ покинутомъ прудѣ, сто-

нали гвозди подъ сапогами, притоптывался грунтъ разрушеннаго дома, гдѣ когда то жили Финогеновы, и три длинныхъ облупленныхъ трубы съ высовывающимися кирпичами торчали, какъ три креста—висѣлицы.

Подъѣзжали кареты къ освѣщенному бѣлому дому.

Опущенныя бѣлыя шторы вздувались.

Лежалъ старикъ въ высокому золотомъ гробѣ спокойный и тихій.

И былъ вокругъ гомонъ, какъ на свадьбу.

Прыгалъ огонекъ въ рѣшетчатомъ окнѣ высокой тюремной башни у Николая.

Длинная тѣнь изъ окна по стѣнѣ падала...

А вдоль стѣны по тѣни, какъ часовые, шагали Петръ, Евгений и Алексѣй Алексѣевичъ.

Далеко отъ Камушка до Сахарнаго завода и отъ Воронинскаго сада до Синички и отъ Синички черезъ пустырь до Андроніева и отъ монастыря до краснаго острога и дальше до края свѣта, напоенное кровью, разливалось жаркое зарево.

Тосковалъ Дьяволъ въ своемъ царствѣ.

И кричалъ страхъ изъ слушающихся, отягченныхъ сномъ людскихъ глазъ.

И, пробивая красныя волны, глядѣлись частыя звѣзды.

А тамъ за звѣздами, на небесахъ, устремляя къ Престолу взоръ, полный слезъ, Матерь Божія сокрушалась и просила Сына:

— Прости имъ!

А тамъ, на небесахъ, была великая тьма...

— Прости имъ!

А тамъ, на небесахъ, какъ нѣкогда въ девятый покинутый часъ, висѣлъ Онъ распятый, съ поникшей главой въ терновомъ вѣнцѣ...

— Прости имъ!

К О Н Е Ц Ъ .